

И.Б. МАРДОВ

**СТОРГИЧЕСКАЯ
ЛЮБОВЬ**

16+

И. Б. Мардов
Сторгическая любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мардов И. Б.

Сторгическая любовь / И. Б. Мардов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Кроме эротической, филической, агапической любви греческий язык различает еще четвертый род любви — любви сторгической. Мы переосмысливаем сторгию, как давно переосмыслена и агапия, и филия, и эрос. Сторгия в нашем понимании означает стремление свиться своей душой с душой другого человека так, чтобы он для тебя перестал быть «другим человеком», «другим Я», а стал бы «другим своим Я», с которым можно жить как одно целое. Сторгия явление в человечестве повсеместное и вечное. Самая простая иллюстрация сторгии — миф о существовании двух душ как половинок, выпущенных в мир для соединения в любви. В первой части этой книги раскрываются основы, значения и типы сторгической любви. Во второй части книги дается представление о принципах и этапах личной духовной жизни мужчины, его Пути восхождения. В третьей части говорится о женском Пути восхождения и о высшей форме сторгической любви между мужчиной и женщиной.

И. Мардов

Сторгическая любовь

Часть 1. Мистика главной встречи мужчины и женщины

Конечно, на земле нет выше радостей, как те минуты,

когда мы чувствуем взаимное сердечное расположение друг к другу.

Н.Н. Страхов

1

Человек воспринимает человека не как существо своего животного вида, а во Встрече своего внутреннего мира с внутренним миром другого.

Встреча – не взаимодействие в общении, не взаимодействие в солидарности клана, социума, общества, племени, народа и прочее, не соприкосновение, не притирание, не слияние, не воздействие, а сверхъестественное озарение узнавания, включающее признание или непризнание себя в другом, притяжение или отталкивание, одновременное притяжение и отталкивание людских душ. Встреча – это «встречное» вневременное взаимопроникновение и взаимообогащение человеческого в человеке, произвольное принятие в себя чего-то от другого человека, обмен потоками жизненности, постоянная взаимоподпитка ими, совершенно необходимая для душевной жизни всякого человека.

Вся человеческая жизнь складывается из встреч и распадается на встречи. Мы живем в создаваемом встречами дискретном времени. Подавляющему большинству людей нечем жить между встречами, и они живут от одной встречи до другой. И только от Встречи оживают.

Богатство и нищета человека – богатство и нищета Встреч его жизни.

Главное назначение Встречи – приведение в действие внутреннего мира человека. Встреча производит запуск его. Каждая искра встречи должна разжигать что-то во внутреннем мире человека, приводить в горящее состояние, вызывать рабочие конфликты, что-то изжигать или производить. Если этого не происходит, то встреча не нужна, пришла вхолостую.

Надо уметь ценить Встречу как таковую. Не только реализованная встреча не отменяема, не отменяема любая, самая мимолетная встреча в жизни. Встреча может длиться мгновение и возыметь действие на всю жизнь. Человек ответственен за каждую встречу, за Встречу как таковую, за то, чтобы тот сырой материал душевной жизни, который ему предложен Встречей, не был испорчен или не использован.

Встреча всегда означает, что кто-то пришел в твою жизнь, чтобы остаться в ней, хочешь ты этого или нет. Разлука – не антоним Встречи в ее метафизическом смысле, а один из ее ходов. Каждая аннулированная Встреча – катастрофа в метафизическом пласте человеческой жизни.

Встреча может быть отработана в душе. Отработанная Встреча – одно из самых обыкновенных, но и самых мучительных переживаний человеческой жизни. Скрытый ужас отработанной Встречи происходит оттого, что в человеческой душе не предусмотрен выход для нее; когда кто-то другой вошел в открытый для него вход моей души и умер внутри нее, то умер, оставаясь в моей душе. Каждая отработанная Встреча – мертвец в душе человека.

* * *

«Человек встречающийся» должен произвести выбор потому, что сама возможность Встречи дается ему на перспективу, перспективу произвести нечто во Встрече, чего (кого) не было в существовании до нее.

Главные Встречи жизни суть центральные события жизни, представляющие наибольшую ценность как для духовной, так и душевной жизни. Картина всей прожитой жизни складывается в основном из Встреч, не только очных, но и заочных, не только с современниками, но и с людьми прошлого, и не только с людьми, но и с иными личностными духовными существами.

Дружба основана на потребности Встречи в идеальном переживании верности. Самоутверждение верности – совершенное проявление жизни Встречи. Высший род Встречи мы знаем по душевной потребности верности и по переживаниям бескорыстной преданности в дружбе. Дружба наиболее ясное, чистое и полное выражение самой идеи Встречи. Дружба – совершенное явление Встречи, Встречи как таковой.

В Дружбе каждый мужчина возвышается над собой, самовозвышается. Для многих мужчин это единственное высокое неэгоистическое переживание жизни, переживание, требующее отдавать, а не получать. Светлая сила Дружбы таинственна хотя бы потому, что сочетается с изменчивостью побуждений во многих других проявлениях жизни.

Дружба – максимальный накал и высшее выражение Встречи.

Дружба это полноценно состоявшаяся Встреча, состоявшийся идеал Встречи. Дружба – идеальная совместность, которая даже не предполагает совместности состоящих в дружбе. С другом не обязательно мировоззренческое сродство, равные культурные уровни, общие эстетические пристрастия. Всяческие интересы и темпераменты друзей могут быть совершенно разные. Другам вовсе не обязательно принадлежать к одной нации и даже расе. Дружат (или сознают ценность дружества) совершенно опустившиеся и даже психически дефективные люди. Друг стал другом потому, что он стал им.

Человек стремится к дружбе, потому что чувствует, что чувство дружбы дает ему большую полноту жизни.

Дружба – такая же прирожденная надобность внутреннего мира человека, как любить и быть любимым. Дружба – одна из высших потребностей внутреннего мира человека, которая осуществляется сама собой. Надо только захотеть быть в дружбе и запуститься на нее. Для возникновения дружбы достаточно, чтобы произошла Встреча для дружбы. Да и это не всегда нужно.

Отчетливое стремление быть другом обнаруживает себя лет в пять. Особая ценность дружбы, сознание святости дружбы, особая приверженность другу, который становится выше родителей, выше всего, – вот первый верный показатель того, что в человеке, пусть и неавтономно, заработало идеальное души.

Друзьями становятся, и легче всего, в молодости, в отрочестве, в детстве даже, и, как часто бывает, на всю жизнь.

Дружба – огромное богатство пройденной жизни. Человек, возможно, задуман как друг. Во всяком случае, Дружбу можно определить как Встречу, в которой приглашена неременная потенция недоброжелательства Встречи.

Заводящие дружбу обстоятельства, ситуации, события столь же важны для возникновения дружбы, как и свободный выбор. Сидели за одной партией, спали вместе на солдатских нарах, и душам было тепло вместе.

Дружба загадочнее любви. В любви мощно действует та грань плоти, которая заправляет всем процессом, обеспечивает тяготение к другому полу и толкает к влюбленности. К дружбе вроде бы ничто не принуждает. Дружба более свободна, чем любовь-влюбление.

Есть благо Любви и есть особое благосостояние Дружбы, благосостояние всего душевного мира в состоянии Дружбы. Душевные и духовные потребности Любви и Дружбы схожи, но это разные духовные потребности. Дружба это, прежде всего, верность друг другу. Любовь без верности рушится. Дружба без верности не возникает.

Дружба – чудо человеческой жизни.

За друга жизнь отдают, но это далеко не всегда обеспечено душевной близостью и душевной взаимной проникновенностью дружеских отношений, их родственностью и любовью. Дружба не любовное слияние двух. Другом может оказаться по внутренней сути чуждый мне человек.

Друг – родной или чуждый мне человек, которого я принял в дружбу, сделал своим другом. Я беру на себя обязательства дружбы, вне зависимости от достоинств друга и превышающие мое отношение к нему. Пусть мы разные люди, но я верю ему, верю в него как в друга.

Чувство дружбы сродни Вере. У дружбы духовные мотивы. Она возникает исключительно в силу потребности Встречи обнаружить себя в идеальном действии.

Друг тот, кто берет бремя жизни друга на себя, несет крест друга сверх креста своего. В дружбе один с радостью служит другому и получает от этого духовное удовлетворение. В любви это не всегда так. Чувство верности, чувство Дружбы – чувство духовное.

Дружба делает продуктивной уже существующую духовную жизнь, поощряет духовный рост одного и другого, придает духовной жизни большую энергию.

Дружба облагораживает так же, как религиозное чувство и переживания Добра и Блага.

Дружба стыкуется с основанной на самоуважении честью. Дружба духовно аристократична. Она облагораживает людей. Чувство дружбы – благородное чувство. У подлых людей могут быть друзья, но не бывает дружбы. Когда она и намечается у них, то заканчивается безобразием.

Друг есть переживание идеальное. Может быть, более идеальное, чем переживание любви-влюбленности, всегда замешанной на чем-то преходящем и приедающемся (восхищении, вожделении). Идеальные переживания мужской дружбы часто сильнее идеальных переживаний любовных чувств к женщине, и по духовному статусу ставятся над ними.

Духовный статус в любви надо достичь. Дружба духовна исходно.

Женщина главенствует не в том, что создается в Дружбе, а в том, что создает Любовь между мужчиной и женщиной.

Без Дружбы человеческая жизнь лишилась бы очень важного инструмента духовного роста. Без любви человеческая жизнь лишается высшего смысла, не столько потому, что смысл человеческой жизни в любви, а потому, что в любви рождается нечто, что обеспечивает смыслом человеческую жизнь и задает ей цель. Любовь порождает новое и порождает вновь.

Без любви человеческая жизнь может продолжаться, но без высшего смысла – так, как она длится у животных.

Если смотреть на человека со стороны Встречи, то мужчина представится существом Дружбы, а женщина – существом Любви.

Если Жизнь есть Любовь, то человеческая жизнь есть Встреча и Любовь.

^{*}Характер дружбы обретают даже отношения человека и домашнего животного (бывают тут и суррогаты родительских отношений). С помощью домашнего животного одинокий человек создает для себя особый род дружбы. Собака не предаст, всегда останется другом. Ответственность хозяина перед собакой – в идеале хотя бы – высоко дружеская ответственность. Люди выделяют (или воспитывают) особых животных, которые способны (или способны к воспитанию в них) на «дружбу» с любым хозяином-человеком. Хорошо ли это, или плохо – другой и непростой вопрос.

2

Не всякая Жизнь есть Любовь, но Любовь есть Жизнь. Не потому только, что любовь повышает тонус и полноту жизни, или что она самое важное проявление жизни, или что она есть существенное свойство жизни; и не потому, что любовь есть одно из главнейших переживаний, свойственных жизни; и даже не потому, что некая Жизненность адекватно выражается в переживаниях любви, а в том, что чувствовать жизнь в себе, чувствовать себя живущим есть

то же самое, что любить, что любовь совпадает с чувством себя живущим и, следовательно, тождественна Жизненности.

Любовь – не одно из чувств или состояний, а одна из Жизненностей, находящаяся в действующем состоянии. Полнота, сущность и специфика определенного рода Жизненностей вполне выявляет себя в Любви. Какова Жизненность, такова и Любовь.

Любовь осуществляет со-жизнь, в которой центры жизни двух или многих складываются и образуют общий и единый центр, не отменяющий составляющие его центры. Свитость есть заглавное понятие для процесса осуществления Любви на всех уровнях. Любовь дается человеку для того, чтобы возвращать ее тому, от кого он принимает ее.

Любовь – величайшее таинство внутреннего мира человека. Каждая душа в Любви дополнительно обретает большую полноту и жизненность. От одного того, что два человека полюбили друг друга, происходит то, что каждый из них внутренне возвысился, стал душевно выше и глубже самого себя, стал полнее и глубже переживать Жизнь. Любовь оживляет человека, делает его более живым. Это приращение Жизненности и переживается как высшее благо.

Все, что существует, – живое, но не всё в существующем сознает и чувствует. Живое существо потому и существо, что обладает чувством-сознанием жизни. Живое существо выделяется из всего живого тем, что обладает чувством жизни, чувством себя живущим, в том числе и желанием блага себе. И любовь есть чувство жизни, но желание блага (к себе, безотнотельным или направленным к кому-либо) – не любовь. Одно животное желает благо другому животному и со всей силой привязанности и жертвенности, присущей его животному виду, готово жертвовать собой, но любит ли оно?

В качестве чувства себя живущим и чувства жизни в себе любовь проявляется только в том существе, которое обладает «Я», в человеке. Нельзя приписывать любовь существу, не обладающему «Я», то есть не имеющего выделенного центра себя и не несущего в нем свободного Автора как самого себя, так и прохождения своей жизни.

Без «Я» нет любви. Чтобы испытывать вожделение, «Я» не нужно. Вожделение не любовь. Но если в вожделение включается «Я», то это уже не тяга к соитию, а эротическая любовь^{*)}.

^{*)} Слово «эротический» мы берем не в опухабленном смысле, в котором это слово употребляется ныне, и не в платоновском смысле. Еще не так давно оно обозначало восторг воспеования человеческой любви как таковой. Эротическая устремленность присуща психике человека при Встрече с человеком другого пола.

Понять Любовь возможно только в рамках учения о Встрече. Любовь – взаимобмен энергией Жизненности по определенному душевному пласту через канал, создаваемый Встречей.

* * *

Встреча человека с человеком совершается на разных уровнях. Встреча мужчины и женщины – наивысший уровень Встречи, предусмотренной и земной и небесной природой человека. Встреча мужчины и женщины – более, чем встреча двух людей и их «Я». Это, во-первых, взаимодополняющая Встреча и, во-вторых, Встреча, захватывающая всецелого человека, в ней участвует весь человек, человек как целое всех инстанций его внутреннего мира. В человеке нет ничего, что не могло бы участвовать во встрече мужчины и женщины.

Все живые существа на Земле несут в себе мужское начало и женское начало – мужское и женское. В человеке эти начала становятся Мужчиной и Женщиной. Женщина и Мужчина – совершенно иной и высший уровень выявления мужского и женского начал. В мужчине присутствует женское (но не женщина), а в женщине есть мужское (но не мужчина).

Отличия мужчины и женщины, повторим еще раз, не в устройстве внутреннего мира, а в его работе. Мужчина и женщина различаются телом, но не только физиологией, это даже вто-

ростепенно, а тем, что тело иначе управляет внутренним миром мужчины и женщины. Один работает по-мужски, другой – по-женски. Уникальное женское в женщине и мужское в мужчине определяется плотью. Женская плоть перекашивает внутренний мир в сторону чувства жизни и любви, а мужская плоть в сторону сознаний жизни и разума.

В общем случае женщина больше и глубже живет во Встрече, чем мужчина. Мотив Встречи – главный в душевной жизни женщины. Женщина главная в душевном мире Встречи. В работе Встречи расчет более на женщину. Женщина – мастер Встречи. Она живет во Встрече и, как ведущая, обладает большими умениями в ней, чем мужчина. В этом ее преимущество и ее сила перед ним. Но и зло женской жизни от ее Встреч куда большее, чем от других родов ее душевной жизни.

* * *

Внутренний мир человека, будь то мужчины или женщины, в своем сознании отделенности закрыт, закупорен от других душ полупрозрачной броней, которую нелегко преодолеть. Людям необходимо прорваться друг к другу, в том числе и через плоть.

Эрос – естественная пробойная сила, без помощи которой душам мужчины и женщины трудно найти пути замыкания друг на друга. В качестве могучей сближающей силы, сливающей тела в единое плотски блаженствующее целое и тем через плоть пробивающей личностные заграды на стезе душ друг к другу, сексуальные вождения плоти необходимы и морально законны. Аморально не нецеломудрие, а сексуальная самонацеленность человека в отсутствии задания на любовь.

Кажущаяся самовластной острота половой страсти человека обслуживает в первую очередь потребности его психики (низшей души), а потом уже природные нужды продолжения рода. Встреча в момент вождения направлена туда, куда ей указывает плоть – на объект желаний вне себя. Наступает момент душевного затмения через другого, затмения, создающего возможность вхождения в первичное – эротическое – зацепление.

Силы плотской жизни максимально поглощены друг другом как раз в то время, когда внутренний мир каждого поглощен плотью – двое «сливаются», замыкаются по плоти, становятся чем-то одним, энергия психофизиологической жизни в котором циркулирует от себя в другого и от него в себя.

Только у человека (и более ни у кого в Природе!) специальные точки в теле мужчины и женщины услужливо расположены так, чтобы при неизвращенном половом акте оба тела, сверху донизу, были включены в общее кольцо. Обнявшиеся в экстазе влюбленные откровенно стремятся замкнуться в это кольцо.

Смысл полового общения не в детях, так же, как не в плотском наслаждении. Не плотское наслаждение, конечно, но и не зачатие детей есть моральное оправдание секса, а взаимопроникновение через тела, способствующее внутреннему раскрытию друг перед другом и, следовательно, облегчению начала процесса душевного взаимодействия. Ребенок у людей в буквальном смысле есть естественный плод замыкания мужчины и женщины, следствие их единства в плоти и через плоть. Секс ради детей столь же обездушен, сколь обездушен он для приятности тела. Зачатие ребенка должно стать последствием состоявшегося плотско-душевного единения мужчины и женщины.

Пробой крепостных стен душевной отграниченности подготавливается в постели сам собою. Без такой, данной Природой, возможности короткого замыкания душ в эросе трудно представить, что было бы с людьми. Даже пробойная сила «чистой» влюбленности питаема эротической энергией, пусть и в возвышенном отказе от сексуальных отношений.

Мужчина в минуту страсти любит душою от тела, готов, сам веря, клясться в вечной любви, но, напоив тело, тотчас выводится душою из спровоцированного плотью кратковременного псевдолюбовного переживания. Женская же душа, войдя от плоти в состояние, близкое эротической любви, куда чаще остается в нем. В общем случае женское тело крепче связано с

душевной жизнью, чем мужское. В отличие от тела мужчины, тело женщины готово выполнять заказ ее души, служить инструментом душе, ее орудием. Тело женщины действует во исполнение основной установки ее души – замкнуть на себя мужчину и самой замкнуться на него.

Ужесточение требований к женскому целомудрию не мужская корысть и, уж во всяком случае, не признак неравноправия полов. Замыкая на себя мужчину, женщина должна замкнуться сама и потом не разомкнуться. Принципиально говоря, женская способность к неразмыканию дана на один раз. Во всяком случае, способность неразмыкания чрезвычайно хрупка в женщине. Раз, два походя замкнулась и разомкнулась, и – все: душевный механизм работы на единение через плоть попорчен. Плоть женщины не забывает то, что с нею происходило, и на ней, на самой ее чувственности, лежит клеймо того мужчины, который разжег ее на себя.

Сама по себе плотская сексуальность безличностна. Она более напориста или менее, но конкретной объект сексуальности выбирается не ею. Он предлагается плоти в качестве сексуального объекта. Сексуальная связь, даже при наличии взаимной симпатии, ничего общего с любовью не имеет. И не по ее низменности, а по ее сущности. Сексуальные отношения принципиально временные или кратковременны. Всякая любовь, и эротическая в том числе, потому и любовь, что основана на взаимосвязях «Я», входящих в безвременные или вневременные отношения.

Переживание ответственности или предчувствие ее входит в переживание Встречи и любви. Эротическая любовь требует, чтобы мужчина и женщина при совершении величайшего таинства замыкания их тел и душ остались одни. Эротической любви свойственен стыд, она не бесстыдна и потому, что в ней действуют «Я», а не эго и не сексуальные партнеры.

* * *

Сила эротической любви избирательно направлена и для самоусиления страстно желает завладеть кипением жизни души другого, взять в себя накал его жизни. Свобода обмена жизнями в эротической любви осуществляется как взаимная свобода жадно вбирать в себя психофизиологическое тепло любимого человека.

Объект любви-влюбления – филической любви – вызывает восторг предчувствия приобщения или перенесения себя в его горную область жизни. Желать взять себе жизненность этого объекта нельзя. Свобода обмена жизнями осуществляется тут как свобода припадать, передавать, отдавать себя в лицемерные выси, где, на любящий взгляд, обитает метапсихической образ любимого или любимой.

Сама по себе эротическая любовь корыстна и алчна. Сама по себе любовь-влюбление бескорыстна и созерцательна. Та и другая сила любви, связываясь и чередуясь, вместе составляют переживания самостной человеческой любви. Такая любовь любит вместе и эротической и филической любовью: наслаждается, забирая жизнь другой души, и испытывает высокое удовлетворение, отдавая свою жизнь.

Любовь-влюбление, филическая любовь, возникает не потому, что человек многими душевными усилиями вытрудил ее. Она возникает оттого, что он – человек. Филическая любовь не требует усилий достижения. Она даровая и так обожествляется потому, что все блага ее по ее жизнечувствованию предоставляются задаром.

Счастье потому и счастье, что всегда сверх психофизиологического удовлетворения от общения друг с другом. Счастье – переживание, возникающее в филической любви от совместного взрыва во Встрече. Влюбление – восторг нежности от перетока психической и филической энергии от себя к любимому.

Между влюбленными возникает своего рода канал, по которому туда и обратно перегоняется разного рода жизненная энергия с единственной целью возбудить, перевозбудить, завести, еще больше разжечь на влюбление. Когда процесс этот, как водится, затухает, и канал зашлаковывается, то говорят, что время разрушило влюбленность. На самом деле канал этот

на долгое время не рассчитан. Души покачались друг с другом, потом притомились, и качели остановились.

3

Откуда в нас это высочайшее душевное стремление быть свитыми вместе?

Ева сотворена потому, что одному человеку становится таким, каким ему предназначено стать, «не хорошо» (Быт.2:18). Без другого, «соответствующего ему», не полноценна душевная работа человека. Человек не становится подлинно человеком и не обретает того духовного наслаждения и того блага, которое ему и отпущено, и необходимо.

Кроме эротической, филической, агапической любви греческий язык различает еще четвертый род любви – любви сторгической. Так в древней Греции называлась семейная любовь, чувство родственной привязанности. Говорят, этим словом определялось и родовое чувство как таковое. Мы переосмыслим сторгию, как давно переосмыслена и агапия, и филия, и эрос.

Человек, как существо встречающиеся, обращен от «своего Я» к «другому Я». В нем есть настоящая потребность внедрения «себя» в другого человека, в «другое Я». Эта потребность в конечном счете имеет ввиду образование сторгии – «своего другого Я». В старину это называлось "единством душ" – продуктом сторгического чувства.

«Свое другое Я» – это и не «Я» даже, а обращение одного к другому в состоявшейся сторгии, обращение, свидетельствующее о переживании себя им, а его собою. «Свое другое Я» обнаруживается в переживании другого собою и себя им.

Человек отдает в руки сторгического ближнего концы от основных центров своей жизни и в залог их единства доверяет ему заботу о них. Обойтись без его помощи – он обойдется, но не обойдется без сторгически любимого, которому мог бы вручить себя. И он ждет его. Ждет не облегчения ноши, а сторгического блага.

Когда двое, как две нити, душевно свиты, тянут или не тянут, но свиты, то одним этим достигается особенная и ничем не заменимая полнота жизни, обрести которую по отдельности невозможно. Состояние свитости душ – такое благосостояние и такое духовное наслаждение, от которого ни одна здоровая душа не в силах отказаться. Сторгия сама по себе (то есть, независимо от результата ее действия) есть истинное благо и одна из высших, ничем не могущая быть замененной ценностей жизни. Человеку нельзя не хотеть иметь ее.

Сторгия прирождена человеку. Человек – недостаточно человек, когда в нем нет стремления к сторгии. Без сторгии душа человека не полна и обездолена.

В сторгии мало понимать и чувствовать друг друга, мало сочувствовать, разделять взгляды друг друга, смотреть в одну сторону, надо быть друг в друге, вместе и единым целым.

В совершенстве «свое другое Я» это свое другое чувство жизни (свое другое чувство себя живущим) в сторгическом ближнем, его другие мои взгляды, чувства, переживания жизни, представления, мысли. У совершенного сторгического ближнего нет решений и побуждений совместной жизни в отличие от решений и побуждений своей жизни.

* * *

Во всякой любви действуют отношения во втором лице. Любовь обращена к «ты» ближайшего родственника или к любимому «ты», выбранного среди множества «ты» для, скажем, любовного чувства. Любимое «ты» не перестает быть «ты» в филической любви и становится «своим другим Я» только, если филическая любовь перерастает в любовь сторгическую. Кончилась филическая любовь, и «ты» перестает быть любимым «ты». Прекращение любви-влюбления, разлюбление – не катастрофа во внутреннем мире, не гибель, а предусмотренное развитие внутридушевной жизни.

«Свое другое Я» не должно становиться «ты» («другим Я»). Когда такое происходит, то это – авария всего внутреннего мира человека, сторгическая катастрофа, сторгическое раздухотворение, нечто незаконное.

Муки разрыва филической любви – заживляемая рана. Сторгическая катастрофа – даже не смертельная рана, а убийство.

Восприятие одного сторгического ближнего другим сторгическим ближним не вписывается ни в первое, ни во второе, ни в третье лицо. «Свое другое Я» – не первое лицо, не «Я», а «другое Я», но и не «ты» (лицо Встречи). И не «мы», иначе, чем «мы». К сторгически близкому человеку не обратишься ни во втором, ни в первом, ни в третьем лице.

«Свое другое Я» – особое лицо, которое обращено к единственному человеку на всем свете, к сторгическому ближнему.

Не все отношения между людьми определяются тремя грамматическими лицами. Отец для сына не «он», не «ты» и не «я». Сын переживает своего отца и обращается к нему в четвертом лице.

Свой сторгический ближний – свое другое Я – не «ты», и не «я». Обращение и переживание сторгической близости происходит в пятом лице.

Сторгического ближнего своего человек знает в пятом лице тогда, когда он в нем знает себя в качестве его «другого своего Я». Сторгический ближний переживается своим в себе в пятом лице как «свое другое Я».

* * *

Внутренний мир мужчины и женщины совмещаются в сторгии. Сторгия – их совмещение в новое, никогда до того не бывшее единое целое. Отношение друг к другу в этом новом целом – в пятом лице.

Человек есть существо встречающееся и способное осуществлять сторгию. Потому и встречающееся, что способное на сторгию.

Когда мужчина говорит в пятом лице: «свое другое Я», то имеет в виду свое другое женское Я; и наоборот.

Мужское и женское начала включены в земную Природу с нацелом на сторгию человека, на мужчину и женщину. Разделение на мужчину и женщину необходимо для сторгии и работает на нее. Это более верное положение, чем то, по которому сторгия существует потому, что существуют мужчина и женщина.

Внутренний мир мужчины и женщины работает по-мужски или по-женски не для того, чтобы работать по-мужски или по-женски, а для того, чтобы работать вместе и произвести нечто, в чем мужская и женская работа сливаются и возникает новая жизнь и новая работа.

Мужчина и женщина созданы со специальной сторгической целью.

Мужчина и женщина – два разных типа работы внутреннего мира человека. Мужской и женский внутренний мир работают и по отдельности, и совместно. Дело не в различиях между ними и не в том, что у них общее. Вопрос отдельной работы мужского или женского внутреннего мира – второго плана. Главное – в совместности работы, в их слитности. Различия и сходства работы того и другого внутреннего мира устроены для их совместной работы.

Сторгия – осуществление совместной двуединой работы внутренних миров двух людей – двух, как одного.

В общем случае человек не понимает или дурно понимает другого человека. Вхождение в сторгию – единственная возможность хорошо понять, что происходит во внутреннем мире другого человека. Особое удовлетворение от безошибочного взаимопонимания – признак состоявшейся сторгии.

Принцип общедушевной жизни: не делай то, что не желаешь себе. Принцип сторгии: делай то, что желаешь себе и ему (ей) вместе.

Совмещение внутреннего мира мужчины и женщины – таинственный процесс. Достаточно полно реконструировать его нельзя. Сторгическая жизнь столь же огромна и разнообразна, что и жизнь людей по отдельности. Каждая сторгия, как каждая человеческая жизнь, своеобразна, своеобразна.

Сторгия – особенное личностное явление. Сторгическая жизнь находится в динамическом взаимодействии с образующими ее отдельными жизнями. Результат сторгии не в том же ряду, что результат отдельной внесторгической жизни.

4

Сторгическая жизнь человека обладает наивысшим достоинством в Замысле. Сторгическая любовь – единственный вид одухотворенности, непосредственно доступный всякому. У человека, вплоть до вершин личнодуховной и общедуховной жизни, нет более высокого и властительного духовного наслаждения, как то, которое вызывается сознанием, что живешь и идешь по жизни вместе. Подменить в сравнении эту постоянную и совершенную духовную радость нечем. Общежитейские супружеские радости семейного единения тем так благодны и сладостны душе, что в них узнается несовершенный образчик, крохи своего сторгического рая. Идеальный образ сторгического рая лежит в глубинах души и мужчины, и женщины, подвигая их на супружество.

Восхождение жизни Встречи идет к сторгической любви и сторгиодуховной жизни. Глубинный мотив и задача любви – во всех ее видах – достижение сторгии.

Сторгиодуховный процесс имеет мистические последствия. В результате него обретается особый плод, недоступный для филической и, тем более, эротической любви. Поэтому на эротическую и филическую любовь слудует смотреть как на стадии процесса осуществления сторгической любви.

Осуществление сторгии само собою, в несвободном порядке и без трудов не происходит. Она может состояться тогда, когда в одном и другом человеке совершена предварительная работа. В общем случае к сторгии надо суметь пробиться через пробойный, подготавливающий предсторгический этап.

Эротическая любовь и филическая любовь – передняя линия фронта сторгической любви. Вся могучая работа Встречи на эротическом и филическом уровне не самоценна, а происходит ради возникновения сторгии.

Сторгическая роль сексуальных отношений, вызванных природными различиями полов, огромна и почти незаменима. Возможность осуществления единения двоих через плоть, в свою очередь, зависит от состояния тела как инструмента для души. Сексуально порочный человек рискует сторгически перекрыть себя. Чем сексуально чище человек, тем он обычно отзывчивее и легче пробиваем для предсторгического единения.

Сексуальное взаимопроникновение плоти и эротическая любовь ассистируют сторгической любви, которая пользуется ими в своих целях, заставляет их работать на нужды сторгиодуховной жизни. Секс перестает служить задачам этой жизни, если его использовать не по высшему назначению. Пробойный инструмент секса легко портится, тупится, теряет сторгическое значение. Сторгическое единение слишком важное, серьезное и, одновременно, хрупкое дело, чтобы рисковать им.

* * *

«Счастье есть удовлетворение существа человека, живущего от рождения до смерти только в этом мире, – как всегда четко определил Лев Толстой. – Благо же есть удовлетворение требований вечной сущности, живущей в человеке».

Благо не только не счастье, но чаще всего приобретается в несчастье. Счастье – не реальность, а мечта, во всяком случае, исключительное и краткое состояние души и не её достояние. Благо постоянно, неизбывно и реально.

Состояние счастья и состояние блага схожи по самоощущению полноценности жизни. Счастье – по большей части есть желание радости для себя; скажем, чтобы мне душой и делом служили, чтоб меня любили, дав и мне возможность испытать наслаждения любви и радость заботы. Дело тут не в эгоцентрических намерениях (благо тоже «для себя»), а в праздной

душевной пассивности мотива счастья, в отличие от трудовой душевной активности состояния блага.

Смешивая благо (вытуженное состояние свободы души) и счастье (временное состояние воскрыленности души, сознание восторга жизнью), человек тем самым путает основной признак исполнения своего назначения, спутывает внутренние критерии должной жизни – что «добро» и что «не добро» (Быт. 2:18).

Никакая другая Встреча, кроме встречи мужчины и женщины, не обещает «свое счастье». Надежда обретения «своего счастья» входит в установку Встречи мужчины и женщины. Отсюда неистребимая, внеэмпирическая надежда на совместное счастье, которого не бывает.

Вложенная в нас свыше потребность сторгического блага не обман. Бог послал людей в земную жизнь для достижения сторгического блага, а мы ждем и хотим отдаленного и искаженного подобия этого блага – счастья своей психофизиологической личности, счастья, которое по установкам земной жизни долго продолжаться не может.

Сторгическое единение – не счастье, а благосостояние. Чтобы обрести сторгическое благо, человек должен, неся «свой крест», произвести свою жизнь труд, то есть мучиться, падать и подыматься и опять падать, страдать душою, а не только быть счастливым и счастливым. Сторгическая связь возрастает на бедах, в испытаниях, в горестях, которые тем самым становятся условиями достижения блага.

Души человека закупорены так, что для вхождения в сторгическое взаимодействие им приходится пробиваться друг к другу. Испокон веку воспеваемая возвышенная любовь-влюбление, предельно увеличивая переживания счастья, обладает мощнейшей пробойной силой, позволяющей душам выйти друг на друга. Счастье влюбленности служит (должно бы служить) благу сторгического единения.

Влюбляются, как правило, слепу; влюбленность проходит, как только человек прозревает. В ранней молодости желание любви идет впереди объекта любви. Сторгия молодых встречается редко. Должна наступить сторгическая пора жизни. Сторгия – дело человеческой зрелости.

Жизнь-влюбленность, жизнь как влюбленность есть особое состояние жизни. Мы определяем его как род «предсторгического состояния» внутреннего мира человека. Любовью люди чаще всего называют предсторгический режим работы своего внутреннего мира. Во все времена тема любви в искусстве – это тема переживания человеком разнообразных предсторгических бурь и оболещений. Ни одно состояние жизни человека не высвечено так ярко и многогранно, как это. Но предсторгия не самоценна. Свойственная человеку потребность культивировать состояние предсторгии надобна для того, чтобы в конце концов добиться сторгического состояния жизни.

Огонь филической любви, как правило, необходим для возгорания сторгической любви. Предсторгическое состояние жизни есть тот росток, из которого должно вырастать дерево сторгии. Но «должно вырастать», разумеется, не означает, что и впрямь вырастает. Предсторгия совсем не обязательно предшествует сторгии. Можно всю жизнь бросаться из наслаждения одной филической любви в другую, и в сторгическом смысле прожить вхолостую.

Высокими чувствами люди обычно почитают поэтически возбуждающие чувства и страсти. Высокие же чувства те, которые не трубят сами за себя, чувства тихие, не к любовнице, а к жене, с которой прожил десятилетия.

Преддверие сторгии, филическая предсторгия сторгической любви – оболщительнейшее состояние. Многие и многие люди всю жизнь свою готовы провести в предсторгическом возбуждении, не помышляя о том состоянии, которому оно предшествует. Предсторгия может длиться годы, но не «всегда», как мечтают люди. У нее непременно есть конец. Она либо улещивается, либо переходит в сторгию. Но никогда не подменяет ее, а только возвещает, призывает и подготавливает к ней.

В предсторгическом восторге человек всеми силами души и во всю ее силу поет песнь любви и жизни. Ему кажется, что волшебные звуки этой песни приглашают его на радость праздника жизни. Они, конечно же, увлекают его, но не на пиршество, а на тяжелый труд сторгии. В предсторгии должен быть слышен (и услышан!) сторгический зов. Счастье предсторгии должно предшествовать благу сторгии и осуществлять его. Иначе звук предсторгии – это не победный глас пробоя крепостных стен, разъединяющих души, а шум лопающегося раздутого пузыря или выстрела в никуда.

Говорят, что «любовь» понять нельзя. В отношении предсторгической любви это действительно так, и так потому, что предсторгия – промежуточное состояние, нечто еще не выделанное, переходное, объявившее о себе, но несостоявшееся, только сулящее. Часто напрасно сулящее. Далеко не всегда предсторгия устремлена к осуществлению сторгии, а только, когда она не поглощена сама собой и настроена на переход в сторгию.

В качестве предсторгии филическая любовь имеет свое законное место в человеческой жизни. Люди делают филическую любовь самоцельной и самоценной, ввели ее культ, и она девальвируется, становится не способной на перевод в сторгию.

Не настроенность (или, лучше, не обязательная настроенность) филической любви на осуществление сторгии – одно из недоразумений человеческого существования. Это недоразумение культивируется искусством, создающим его образцы для подражания и воссоздания подражанием.

Предсторгическое действие отличается от собственно сторгического действия тем, что сторгии нужно единение, а предсторгии взаимность или влияние другого на себя или себя на другого. Предсторгия влюбления возможна со многими встреченными на дороге жизни людьми, сторгия же, вообще говоря, с одним, единственным.

5

Самец привлекается запахом самки. Мужчина привлекается образом женщины. Филически он прельщается женским филическим (точнее, филиоэротическим) образом. Сторгически он приковывается сторгическим образом женщины, которой он предъявляет свой мужской сторгический образ.

Филиоэротический облик не то же самое, что образ своего другого Я. И объявляются они различно и избирательны по-разному.

Сторгический образ – не то выражение человека, которое может быть запечатлено на фотографии. Во встречном сторгическом движении важны отдельные штрихи (пусть и не видимые больше никому), вроде бы побочные движения, выражения, мерцания, которые сторгически привлекают внимание. В них запах чувства-сознания жизни своего сторгического ближнего.

Сторгический образ проявляется в образной оболочке, но воспринимается не глазами, а интуитивным зрением угадывается сердцем через внешний вид. Прозрение в сторгию – прозрение в вид. Тут тайна, а не прихоти мужского или женского вкуса.

Сердечная сторгическая эстетика часто не совпадает с психофизиологическим и эстетическим восприятием. Женщина может быть не в его мужском вкусе, но неодолимо привлекать его сердце сторгической красотой, созданной словно специально на него. Эстетика сторгического образа у каждого своя, не перенимаемая и не внушаемая. И не утрачиваемая с годами.

Импульс на сторгию сексуально бескорыстен и от сексуальной корысти часто гаснет. Красота женского облика важна для предсторгических игр, совсем не обязательно приводящих к сторгии. Своей сторгической женщине не обязательно филиоэротически возбуждать мужчину. Для сторгии нужно не красивое, а свое, свой особый женский образ или некоторые особые выражения и черты его, намекающие на то, что в образе этом есть нечто важное и желанное для сторгии.

Обычно мужчина воспринимает свой сторгический образ женщины в качестве лона, в котором ему хорошо жить, которое желает душа его, и в которое он должен проникнуть и вселиться. При этом цели приобщиться к чему-то в ее внутреннем мире у него нет. Он ищет свой женский образ, в котором изначально содержится и высвечивается нечто способное притянуть его сторгическую волю, ищет ее «сторгическое место», ждущее именно его и только его. Мужская сторгическая воля – это всегда воля к овладению сторгическим местом женщины. Но именно женщина стремится вывести Встречу на сторгический уровень. Это глубинное женское побуждение иррационально.

Сторгическому ближнему важно не то, что он живет в другом, а то, что другой в нем. Проникший в меня образ я переживаю «как себя», чувствую его как мой собственный, не могу не проникаться им и люблю-жалею его, «как себя».

Сторгического ближнего жалеют так, как жалеют самого себя. Я не могу без него в себе. Сторгия – не для себя, не для того, чтобы себе было хорошо от нее, а для чего-то иного.

* * *

Мне придан сторгически образ, предназначенный для встречи с другим сторгическим ближним, и во мне есть его сторгический образ. И мой сторгический ближний несет в себе как образ того, кто может стать его сторгическим ближним, так и свой собственный сторгический образ. Все эти образы должны как-то сочетаться вместе, составлять единое образное целое.

Свой собственный сторгический образ находится в активном ожидании встречи со своим сторгическим ближним, и во все стороны струит запускающий сигнал, призывающий его в себя. Образ своего другого Я человек несет в себе, как мать дитя. Этот образ требует реализации и определяет сторгическое предчувствие, желание, давление. Описать его нельзя, можно только сторгической интуицией угадать при встрече.

Я не фигурально, а доподлинно знаю, что «моя другая половина» одновременно со мной живет на земле, я ищу встречи с ней, но куда идти, не знаю, не знаю, какая она до того, как ее увижу. Мне в жизни предложено идти, не зная куда, и найти незнамо кого. И ведь иду и, бывает, нахожу!

Человек всем сердцем стремится к сторгической встрече, постоянно ждет ее с минуты на минуту. Ждать и искать при таком напряженном предвкушении, постоянном ожидании и откладывании мучительно. Как, находясь в состоянии столь мучительного нетерпения, не ошибаться? То, что сторгическая встреча все же происходит, – чудо. Не то чудо, что встреча произошла, а то, что в бесконечной череде встреч жизни, постоянно обещающих, обольщающих, сторгическая интуиция срабатывает верно. Да и срабатывает она как бы независимо от меня; мне кто-то подсказывает – вот она! Удивительно и то, что сторгическое узвание может произойти не с первого взгляда, и не с первой встречи, и даже не в первый год знакомства. Не слышал, не слышал и вдруг расслышал внутри себя чей-то голос, воспринял сторгическую ценность вот этой встречи, узнал и признал, что она – сторгическая. Этот голос из меня и не из меня.

Кто-то навязчиво позаботился, не только о том, чтобы произошла наша встреча, но и о том, чтобы мы узнали друг друга. Кто это? Не я и не он, а кто-то третий.

Образ сторгического ближнего во мне и мой сторгический образ в нем должны соответствовать друг другу, быть половинами целостного единого образа, восходить к нему. Именно этот целостный неземной сторгический образ направляет поиск сторгической встречи и осуществляет ее выбор. Он исходно откуда-то спущен в нас и, следовательно, принадлежит кому-то, кто существовал до нас и кто вложил в нас сторгические образы.

* * *

Нельзя сказать, что другом может стать всякий, но дружба не избирательна. Сторгия исключительно избирательна. Друг – тот, кому верен, а не тот, кого любишь и с кем един. Друг ни под каким видом не «свое другое Я».

За друга жизнь кладут. За сторгического ближнего нельзя не положить всего себя.

Постоянное присутствие друга в жизни не обязательно. Отсутствие сторгического ближнего всегда мучение, схожее с осиротелостью, нечто противоестественное.

Дружба – высочайшее явление собственно человеческой жизни. Сторгия – явление не только человеческой, но и мистической жизни.

Дружба дана и крепнет с годами. Сторгия восходит от низших ступеней, от зарождения сторгии в человеческой жизни до Божественной сторгии на вершине осуществлении Замысла Бога.

Дружба – Встреча только в этой жизни. Сторгия – Встреча и в этой жизни, и в жизни постчеловеческой.

Дружба – высшее явление душевной жизни Встречи. Сторгия – духовная жизнь Встречи, жизнь сторгиодуховная.

Сторгия – особенный класс явлений духовной жизни, некоторые качества которого новы и недоступны духовной жизни отдельного человека. Результат сторгии – иного качества.

* * *

Чем дольше супружеская пара живет, тем больше свыкается, сближается. Но это не сторгический рост, а укрепление родственной супружеской близости. Усиление супружеской близости, как и упрочение дружбы, – душевный рост.

Сторгия не дается разом. Сторгия всегда идет в рост – сторгиодуховный рост.

Сторгическое жизнедействие – величайшее таинство душевной и духовной жизни человека. Оно глубинно связано с процессом духовного восхождения человека. Сторгический рост столь же кардинальное понятие сторгиодуховной жизни, как рост духовной жизни. Сторгический рост и духовный рост – основополагающие мотивы и двигатели всей жизни человека. Мгновение для души безжизненно, когда в ней нет того или иного роста.

Сторгический рост – не рост совместности, а взаимопроникновение, взаимововлечение и взаимопоглощение одного внутреннего мира другим, вплоть до единой жизни в двух ракурсах во всех направлениях ее.

Сторгический рост предполагает трату духовной энергии друг на друга и обретение ее друг от друга. Сторгический рост производится вдвоем, в совместной двуединой духовной работе, в сокровенной взаимоодухотворенности, которая создается душами мужчины и женщины, ими укрепляется и приводится в рабочее состояние.

Неподвижность, остановка в сторгическом росте чревата теми же последствиями в сторгиодуховной жизни, что и остановка роста в любого рода духовной жизни. Человек оживает душой при ускорении сторгического роста так же, как и при духовном росте. И там, и там нисхождение начинается не со срыва и не с катастрофы, а с уменьшения скорости роста, которое ведет к застою. Сторгически неподвижная пара не обязательно лишена сторгического блага, но лишена блага сторгического роста.

То, что справедливо для духовного роста, в не меньшей мере справедливо для роста сторгического. Увеличение сторгического блага происходит только при сторгическом росте. Нет сторгического роста, нет и не может быть сохранено сторгическое благо. Один и тот же уровень его быстро вырабатывается и падает. Для получения и сохранения сторгического блага нужно не только сохранение существующего уровня сторгии, но и укрепление и усиление её – сторгический рост. Что, разумеется, предполагает переход из одного состояния сторгического восхождения в другое.

Простой и несомненный признак совершающейся сторгии: усиление ее с течением времени. Как бы ни был ярок медовый месяц, но через 30 лет чувство любви – сторгической любви – и полнее, и чутче, и даже острее.

Нисхождение начинается, когда сторгическая близость далеко не утрачена, но нет ее упрочения. Отчуждение, противоборство, всякого рода измены, выгадывания и уклонения

души друг от друга, предвещающие крах сторгической связи, начинаются, как только процесс сторгического роста останавливается.

* * *

Для духовного роста неизбежны и необходимы многие и трудные препятствия. Так же и для осуществления сторгии и сторгиодуховного роста нужны многие трудности, извороты, драмы со-жизни. Сторгическое благо человек добывает сам. Мало войти в сторгическую связь, надо суметь сохранить ее в реальных условиях проживания, которые без конца экзаменуют ее на прочность. Жизнь испытывает сторгическую связь, как испытывает любое восходящее духовное движение. Всяческие невзгоды, свои же семейные, родные и дальние, то и дело рушат сторгическое благо.

Сторгический образ указывает на пятое лицо, на «свое другое Я», предлагает его для сторгии, часто не ведая, с какими трудностями и сложностями связано осуществление сторгической задачи. Некоторые из инстанций внутреннего мира могут и не подходить для сторгических целей, а то и противодействовать им. Различие культурных пристрастий, психическая несовместимость, плотское отторжение осуществлению сторгии – преодоление этих препятствий сторгического роста отчасти составляет труд сторгии, отчасти не нужно ей.

То, что рушит сторгию, призвано ковать и крепить ее; на преодолении испытаний и препятствий, которые должны быть, ускоряется сторгический рост. Прежде всего, это испытание крестом своего другого Я (его крестом на каждый день и крестом, случайно выпавшим ему на долю), которое нельзя не взять на себя и которое всегда есть в сторгической жизни. Таково и сторгическое испытание верой, когда один призывается верить в другого даже тогда, когда нет зримых оснований верить, когда никто не верит.

Вечная супружеская мечта: умереть вдруг и вместе, в один час. Не дается так человеку. Главное сторгическое испытание, уготованное человеку, – служить в предсмертии и провожать в смерть супруга. Тогда, когда ставится последняя точка в их свитости. Умирая первым, один супруг накладывает свой смертный крест на другого.

Многое из того, что было недоделано в сторгической жизни, доделывается в самые последние времена совместной жизни на земле. Остающийся в земной жизни берет на себя груз смертных страданий того, без кого ему невозможно жить. Страдания эти способны произвести переворот в посмертной судьбе сторгических ближних.

б

Мужчина и женщина, находясь в сторгической свитости, живут каждый своей особенной жизнью. Мужчине вполне не понять женскую жизнь, и женщине мужскую. Она не «я» и «я» не она. Мы далеко не всегда совпадаем по состояниям и настроениям жизни, не всегда стыкуемся чувствами и мыслями. Каждый в сторгической со-жизни занят своим делом, по своему любит и не любит, чувствует с разной силой и не всегда то, что другой сторгический ближний. Хотя бы в силу человеческой индивидуальности мы никогда не такие, какими должны быть по буквальному пониманию своего другого Я.

Человека, про которого можно бы сказать: «свое другое Я», вроде вообще существовать не может. Сама возможность сознавать в пятом лице, признавать другого человека (тем более другого пола) собою представляет необъяснимую загадку. При всей очевидности сторгической связи нельзя, изучая совместную жизнь сторгических ближних со стороны, найти внутридущевные основания для их сторгичности. Сторгия для сторонних глаз состояние и переживание ложное. А между тем, нет более подлинного состояния жизни. Более того, к нему стремится человек как таковой.

Мы одни, сами, не смогли бы состоять в сторгии, где каждый переживает другого собою, и себя им. Сторгия может состояться с помощью некой властной силы, идущей изнутри как бы между двумя сторгическими ближними, но им не принадлежащей.

Ускорение духовного роста – главное условие прочности всякого духовного роста. Свое другое Я – это свои мысли, чувства, побуждения в своем сторгическом ближнем. Все они составляют предмет неограниченного сторгиодуховного роста. Это вроде бы невозможно по переизбытку засорения внутреннего мира всяческими посторонними (антисторгическими или не сторгическими) побуждениями жизни.

Если сторгический рост совершался только стараниями сторгических ближних, то он не смог бы ускоряться, не мог быть устойчивым и прочным. Одно это говорит за то, что в сторгиодуховном росте участвуют не только сторгические ближние. Устойчивый сторгиодуховный рост вообще производится не столько сторгическими ближними, сколько кем-то ими.

Непосредственная связь между двумя людьми – земная, разрушаемая по смерти. Когда же один из сторгических ближних преждевременно уходит из жизни, то они продолжают состоять в сторгической связи. Оставшийся в земной жизни не только реально чувствует присутствие ушедшего в своей жизни, но и знает, знает в реальности, что они как были, так и есть, и всегда будут вместе. И это не гадания, не самообман, не мираж, не мечта, а светлое чувство, годами постоянно определяющее состояние жизни того, кому суждено уйти из этой жизни вторым.

Подлинность такого взаимообщения не подлежит сомнению. Они не расставались и не расстаются потому, что связаны не в чудесный узел, а кто-то третий держит их вместе – одного в этом мире, другого в ином мире. Значит, этот кто-то сам должен жить и здесь и там.

Каждый сторгический ближний живет своей личной жизнью. Но кроме того, они живут иной третьей совместной жизнью, в которой инстанции их внутренних миров только участвуют. В сторгии действуют не две, а три личности. Третья личность – не существо связи и преобразования, а мистическое существо, подчиняющее личности сторгических ближних и осуществляющее через себя сторгическую связь.

Между сторгическими ближними – в отличие от всех иных встреч и взаимодушевных состояний человека – участвует дополнительная сила взаимосближения, исходящая не от того и другого сторгического ближнего, а из третьего источника.

Субъект сторгиодуховной жизни человека – сам человек и его сторгическое существо, его керув.

* * *

Многие люди живут в более или менее интенсивном ощущении, что есть кто-то, кто предназначен для единения с ним в новое сторгическое целое. Делая одного сторгическим ближним и отказывая в близости другим, человек тем самым выбирает, с кем быть единым в грядущем и в жизни вообще, сегодняшней и будущей, здешней и нездешней. Человеческая жизнь есть этот выбор и отбор. Зрячесть такого отбора – основополагающая проблема сторгической жизни человека.

По врожденному чувству сторгической жизни где-то в мире существует тот, с кем мне предстоит быть единым в будущей жизни. Это не предвкушение, а род знания. Я знаю не только то, что он есть уже, но и то, что есть само мое единство с ним в сторгии.

Мысль сторгии состоит в том, что при взаимодействии двух возникает третье, связывающее первого и второго. Мое другое Я – это человек, который входит в один и тот же сторгический трехчлен, что и «Я», в то новое духовное существо, которое мы порождаем вместе с ним. Ничего похожего в физиологической жизни пола или психической жизни Самости нет.

Все вновь вводимые понятия нам приходится лишь обозначать, давать в предварительном черновом порядке. Для уяснения их сущности необходимо включение многих новых понятийных пластов. Природу сторгического существа мы пытаемся понять во втором томе «Становления и преобразования человека».

Сторгическое существо имеет наиважнейшее значение и назначение, пронизывает все осуществление Замысла от первичной самопроизвольной сторгии человека до Божественной сторгии на завершающем этапе Замысла.

Пафос сторгии не в служении одного другому и не в слиянии одного и другого, а в слиянии с третьим и в совместном служении третьему, превышающему и одного и другого. Ожидать от сторгического ближнего того, чтобы он отдал жизнь свою мне – означает не мне одному, а нашему сторгическому существу.

Сторгический ближний ощущает присутствие силы сторгического существа, прежде всего, как силы, не зависимой от горения (или угасания) его чувств, некогда запустивших сторгию. Сила сторгического существа не принадлежит сторгическому ближнему, она не заменяется и не отменяется им, все усиливается с годами и становится неодолимой.

Сторгия – это привлечение к участию в совместной душевной жизни мужчины и женщины третьего участника сторгии, сторгического существа. Чем выше уровень сторгии, тем больше сторгическое взаимодействие основано на свободной воле. Это дает возможность включиться в сторгиодуховный процесс вместе с душами людей (низшими человеческими субъектами сторгиодуховной жизни) высшим субъектам сторгиодуховной жизни.

* * *

Сторгия предполагает взаимодополнение и взаимоусиление при совместном житии троим, вместе с третьим – со сторгическим существом своим.

Человек встречающийся потому и встречающийся, что производит в этой жизни то, что исходно не внесено в нее, что рождено в процессе жизни. Главное наречение Встречи есть сторгическое существо, новое порождение. Оно не внесено в жизнь с рождением, а создано (или вызвано) в жизнепроеждении и не будет изъято или уничтожено по смерти.

Сама по себе душевная свитость мужчины и женщины временная и распадается при жизни или после смерти. Нельзя воссоединиться друг в друге, нельзя и в ком-то одном, либо в мужчине, либо в женщине; это будет мужчина, вместивший женщину, или женщина, вместившая мужчину. Для прочного и вечного воссоединения мужчине и женщине требуется нерушимое и бессмертное совместное вместилище, кто-то третий, в котором тот и другой станут вместе. Сторгическое существо вмещает и соединяет их в себе. Нерушимая духовная свитость мужчины и женщины происходит в сторгическом существе. В «Становлении и преображении человека» мы рассказываем откуда оно берется в сторгической свитости.

Сторгическое существо, собственно говоря, не покидает то поле бессмертной жизни, в котором оно существует. Двое любящих, перенесшие себя в сторгическое существо, тем самым обретают в нем совместное личностное бессмертие.

Сторгическое существо не плод романтических измышлений. Вечное человеческое ощущение второй своей половинки это предощущение сторгического существа в себе. Сторгия есть включение в свитость двух, нацеленных друг на друга, с третьим, со сторгическим существом, появляющимся в человеческой жизни поверх родительских высших душ.

Духовный статус сторгического существа выше, чем привлечших его к себе душ. Каждый в сторгии обретает большую полноту существования потому, что становится частью исходно более полноценной жизни сторгического существа.

В сторгии есть не только стремление друг к другу, но и совместное стремление к третьему. Это стремление наиболее полно и адекватно выражает природу сторгии. «Свое другое Я» не двойник, не дубликат, не копия себя. Оно дано через третьего субъекта сторгии, завязанного со «своим другим Я». Сторгия это особая близость, которая нужна мужчине и женщине потому, что в ней нуждается и в нее вписывается сторгическое существо.

Пусть двое очень близки или очень похожи, пусть отношения их гармоничны и радостны, но это не гарантирует вступление сторгического существа в их совместную жизнь. В какое-то единственное мгновение все трое должны соприкоснуться друг с другом так, так сойтись

особым и неведомым образом, чтобы попасть в тройной резонанс. Без сторгического существа сторгия не реализуется, даже при совершенном стремлении к ней. Сторгия без сторгического существа – вспышка, которая не в состоянии зажечь и разжечь.

Душе человека свойственно желать того, что дано ей на вершинах ее жизни. Душа устремлена к вершине, и только к вершине. Стремление сторгии – стремление к бессмертному сторгическому существу, призывание, вызывание его в себя, притягивание на себя. Мечта о своей сторгии обнаруживает идеальное стремление высшей души к сторгическому существу.

Двое, мужчина и женщина, вкладывают себя в им однородное третье, в сторгическое существо. Сторгическое существо не только соединяющее звено одного и другого и не только их сумма, а и соединяющее звено, и сумма, и еще совместная вершина, вершинная точка двух, которая, возвышая их, с двух сторон единит их в третьем, где «свое Я» и «свое другое Я» включаются в триединство, в котором неслиянно и нераздельно сводится нечто от внутреннего мира мужчины и внутреннего мира женщины.

Сторгическая любовь мужчины и женщины – в видах сторгического существа. Сторгическая любовь ведет к сторгическому существу, вызывает его и его наполняет. Любовь избирательна, ибо она стремится угадать, с кем вместе обрести сторгическое существо и объединиться с ним, влиться в него.

Сторгическое стремление не стремление к взаимовключению, а стремление к совместности жизнечувствования, жизнесознания, всей жизни вообще. Чтобы быть вместе всегда, быть вместе в метачеловеческом смысле, надо быть вместе втроем, вместе со сторгическим существом, быть в нем и быть им.

Сторгиоуховная жизнь это такая жизнь Любви, в которой участвует сторгическое существо.

Результаты всего сторгического процесса сконцентрированы на сторгическом существе. Сторгические ближние трудятся не столько на себя, сколько на свое сторгическое существо и его рост, обогащая и себя, и его. Сторгия служит для возвращения сторгического существа. Сторгическое существо является основным субъектом сторгического процесса и востребователем его.

Сторгическое существо – носитель ценностного переживания любви друг к другу. Оно вмещает то самое святое и священное любви, что не подлежит поруганию, что должно присутствовать постоянно, ежемгновенно, и ежемгновенно подтверждать свое присутствие тем чувством, которое есть сторгическая любовь.

О состоявшейся сторгии свидетельствует постоянное восхищение от присутствия «другого своего Я» во мне и в моей жизни – рядом и вместе с «моим Я». Восторженность принятия своего другого Я в себя и служение ему, как своему «Я», возвещает и удостоверяет пришедшее сторгическое существо.

Присутствие сторгического существа в жизни человека и даже предчувствие этого присутствия, приводит в восторг внутренний мир человека. Входя, сторгическое существо потрясает все существо человека. Человек встречает сторгическое существо с упоением. Оно усиливает жизнь всего человека, даже его плоти. Сторгическое существо живит, увеличивает полноту и качество жизни человека, его благо, его счастье.

Включенность сторгического существа в союз мужчины и женщины как бы благословляет этот союз, придает ему сакральный статус.

* * *

Парность пола в мире человека сотворена в видах сторгического существа и сторгической любви.

Тайна пола – в любви. Соединение полов в земной природе служит размножению, множит вид. Соединение полов в сторгии служит воссоединению, собиранию разрозненного, вплоть до слияния, в единое целое. Сторгический процесс противоположен размножению.

Мужчина, женщина и ребенок, которого они зачинают, вместе временно и в физиологическом смысле. Мужчина, женщина и сторгическое существо – вместе всегда и в сторгиодуховном смысле. Сторгическое существо это плод, который порождается и принимает в себя что-то от мужчины и женщины. Для сторгии, для сторгического существа необходима не любая пара людей, а именно мужчина и женщина, которые только и способны в совместности давать плод и вынашивать его. Сторгическое существо реагирует на любовь мужчины и женщины, оживает от нее, а не от ее суррогата или дружбы. Сторгическая любовь необходима для жизни сторгического существа.

Мужское и женское не сливаются в собственно человеческом существовании. Они сливаются только в том, чему уготовано надчеловеческое существование, в сторгическом существе своем.

7

Сторгически любящие живут, как две вместе висящие и соприкасающиеся вишни, сердцевинами связанные черенком сторгического существа. Каждый черенок соединен с другими черенками ветки, на которой зреют другие пары вишен. Это особый разговор, который мы подробно ведем в «Становлении и преображении человека».

Сторгические ближние видят сторгическое существо в глазах друг друга – и любят друг друга. Перестают видеть его – перестают любить.

Человек ждет сторгическое существо в себя. Оно, только объявилось, сразу становится необходимым ему. Да так, что невозможно без него жить.

Сторгическое существо не принадлежит человеку, не принадлежит и двум сторгическим ближним. Они лишь с двух краев удерживают его. И не всегда удержать могут.

И само сторгическое существо стремится скрепиться между двоих, и им с двух концов надо сохранять его в этом положении. Такова основная задача сторгически любящих людей. Когда сторгическое существо слабеет связующей силой (чего не может не быть время от времени), и его отдаление не переживается любящими как сигнал бедствия, то оно отдалается еще больше, до предела разрыва, который уже производит сам человек.

Сторгическое существо, не ровен час, может улететь со своего места. Для этого иногда достаточно, чтобы один из двух выпустил конец его. Покинувшее людей сторгическое существо оставляет после себя не вакантное, а пустое (отработанное) место, не способное принять другое сторгическое существо. Драма сторгической любви – это драма сторгического существа в человеке.

Мы не знаем, почему сторгическое существо решает войти к нам или уходить от нас. Человек как таковой и тем более конкретный человек не знает, что творится с его участием в тех сферах, ради которых сторгическое существо приходит в душу. Это не значит, что вопрос о том, как и почему сторгическое существо выходит из своего убежища в конкретного человека, должен навсегда оставаться тайной.

* * *

Внутренний мир человека создает для сторгического существа неодолимую привлекательность ситуации Встречи мужчины и женщины, и тем вызывает в навигацию сторгическое существо.

Сторгическое существо ненадежно защищено в людях. Силы его воли недостаточно для поддержания прочности сторгии, для удержания мужчины и женщины в сторгическом процессе. Свободная воля человека может не совпасть с волей сторгического существа и одолеть ее.

Влюбление сплошь и рядом нарушает сторгию, вклинивается в нее. Влюбление и сторгия – в разных течениях жизни. Одно протекает независимо от другого. Как движения на разных берегах.

Сторгическое существо отдает себя им же выбранной паре мужчины и женщины. Оно – на передовой, безоглядно рвется в бой, еле-еле обеспечивая тылы.

* * *

Волей сторгического существа одна высшая душа входит в единство с другой высшей душой.

По сторгическому существу люди никогда не бывают чужды друг другу. Они либо находятся во Встрече и в сторгиодуховном процессе, либо не находятся. Одни не встретились для сторгии, другие встретились для сторгии и готовы на совместный труд сторгии.

Взаимодействие, и сторгически продуктивное взаимодействие по сторгическому существу, может возникнуть даже тогда, когда нет особой близости в устремлениях Самостей, нет и плотского взаимоудовлетворения, нет ничего, что на разных уровнях внутреннего мира ассистировало бы сторгии, помогало ей. Но есть сторгическая тяга друг к другу, исходящая от сторгического существа. Ничто, никакие несоответствия и противостояния не в состоянии помешать осуществлению сторгии, если сторгическое существо пожелало ее.

Во внутреннем мире человека предусмотрена принципиальная возможность возникновения сторгии в результате трудов сторгического существа. Работает сторгическая воля сторгического существа, – и дело делается. Стремление к единению по сторгическому существу само по себе должно вознаграждаться сторгией. Чаще всего сторгия возникает как бы в качестве награды за работу сторгической воли как таковой. Сторгия – и награда и чистый продукт сторгических воль одного и другого человека.

Сторгическое существо осуществляет состояние свитости душ. Свитость эта нужна не для самой свитости, а для чего-то иного.

Сторгиодуховный процесс, идущий по воле сторгического существа, схож с изготовлением сосуда на гончарном круге. Две руки (сторгические воли мужчины и женщины) вместе изготавливают его. Потом в сосуд вливается то, для чего он предназначен.

Сторгическое Я действует в Структуре и мужчины и женщины. Но женская сторгия не ограничена возрастом, тогда как мужская сторгическая воля резко ослабевает к 40 годам и к 50 обычно сходит на-нет. По-видимому сторгическое существо дает отбой мужской сторгической воле. При этом стремление к сторгии может у него сохраняться до конца дней.

8

Как верно и точно сказано: живут душа в душу.

Сторгическая Встреча происходит для того, чтобы включить другого в свой внутренний мир, а себя в его. Учение о сторгии требует всеобщих и серьезных усилий разработки. Типология сторгии возможна, но условна. В едином сторгическом процессе видны некоторые друг от друга зависимые, но отчасти и самостоятельные явления и течения, каждое из которых имеет свои особые результаты.

Сторгические переживания – стержневые переживания внутреннего мира человека. В сторгическом взаимодействии участвует весь состав человека.

В женской плоти есть нечто, что не живет без мужской плоти; и наоборот. Это не столько сексуальное начало, но особая грань плоти, предназначенная для возникновения того, что в Библии названо «плотью одной», мужа-и-жены.

«И будете одной плотью». В телесной взаимности полов есть тайна, связанная с замыканием плоти на плоть, плотской жизни одного на плотскую жизнь другого, – с образованием соплоти, где инополое естество переживается не как «моё», а как «своё». «Моё» тело – другое (или чужое) тело, которым я владею. «Своё» тело принадлежит мне (и я ему) так же, как мое собственное тело. Тут важно пусть и минутное, но совместное и одновременное переживание: ее – мужской плоти, как своей, его – женской плоти, как своей. Мужчине и женщине тогда уготована «сторгия тела», когда в преддверии ее (а не для животного удовлетворения и в преддверии его) они стремятся к сопереживанию тела друг друга, как тела своего. «Плоть

одна» завязывается в эроте под аккомпанемент совместной песенности филии тогда, когда она не для эроса или филии, а для сторгии. Да и «плоть одна», одна на двоих, спонтанно возникает в сторгическом процессе и даже обуславливает этот процесс в особого рода сторгии, в самопроизвольной сторгии.

Сторгия – в основании Замысла на человека, и потому должна достигаться не без труда, конечно, и не автоматически, но и сама собой, натуральным путем, при условии, что она, во-первых, стартует, во вторых, не сорвана и, в третьих, исходно возможна в этой паре.

Самопроизвольная сторгия – самый натуральный и основной вид сторгической свитости, во все времена наиболее часто осуществляющийся людьми.

И «плоть одна», и судьба общая, и встречное движение мужского и женского, все это создает такую свитость и по низу и по верху, что сторгическое существо появляется само, по данности, по готовности, потому, что много жили вместе, многое вместе нажили в себе, много стало совместным. Иногда для этого нужны десятилетия, редко годы.

Сторгические силы в самопроизвольной сторгии тратятся прежде всего на то, чтобы привести Самости друг к другу. Но осуществляет самопроизвольную сторгию не сторгическое существо (которого нет еще). Чувство сторгического ближнего, «своего другого Я» в самопроизвольной сторгии – это ещё не чувство жизни сторгического существа, а чувство «своего Я» в другом.

Самопроизвольная сторгия сопровождается переживаниями, по полноте и накалу близкими к высшим переживаниям дружбы, также основанной на сближении «Я» в душах.

В самопроизвольной сторгии сторгическое существо занимает свое место лишь в конце сторгического процесса. Рост самопроизвольной сторгии это движение к образованию сторгического существа.

В самопроизвольной сторгии взаимодействия мужчины и женщины спонтанно ведут к той грани, за которой начинается процесс полноценной (тройственной) сторгии.

В самом по себе процессе самопроизвольной сторгии сторгическое существо не действует. Если оно начинает действовать, то это уже не самопроизвольная сторгия, а последующий за ней процесс.

Сторгическое существо нарождается в самопроизвольной сторгии. Созданное в самопроизвольной сторгии сторгическое существо бессмертно, живет своей надчеловеческой жизнью, но не прячется от человека, живет в готовности включиться в него для осуществления новой сторгии в человеческой жизни.

* * *

Осуществление сторгии в ее элементарном виде важно само по себе. И потому случайные и даже наносные факторы, которые впоследствии не имеют значения, определяют predetermined стихийность, а не выборочность любовного действия. Это заложено, видимо, в основаниях самого любовного чувства.

Человеческая жизнь стремится к сторгии и находится в состоянии постоянного ожидания ее. Это ожидание реализуется либо в сторгии, либо в особом состоянии сторгичности.

Следует различать сторгию и сторгичность, сторгические взаимоотношения.

Разные люди специально с юности год за годом собираются вместе, «своей компанией». Их общение когда переходит в дружбу, когда нет. Людям важна взаимная теплота Встречи, и они встречаются для вхождения в особое состояние сторгичности друг к другу.

Включение сторгического существа в первичный сторгический настой самопроизвольной сторгии – одно из основных таинств человеческой жизни. В этом настое созревает плод из сторгического зародыша (см. «Становление и преображение человека», часть 23). Это происходит не всегда, далеко не в каждой многолетней супружеской паре.

Самопроизвольная сторгия не возникает мигом. Сначала нужно войти в состояние сторгичности Встречи, а потом вытуживать сторгическое существо. Возникновению самопроиз-

вольной сторгии предшествует, и весьма длительно, супружеская сторгичность, предваряющая включение сторгического существа.

В близком общении двух людей разных полов особая потаенность взаимопроникновения. Люди, пусть поначалу и ненужные друг другу душевно, встретились, пошли вместе и от совместного хождения по жизни, совместной борьбы, страдания и радости, от терпения друг друга в общем событийном ряде жизни сторгические взаимоотношения возникают сами собой.

Процесс сторгических взаимоотношений может быть взведен и без предсторгии.

Годы прожившие супруги становятся похожими не только манерами, но и чертами лица, и тогда, когда самопроизвольная сторгия не состоялась. Они – вместе. Состыкованы телами и через запах, тепло, звуки, зрительно замкнуты один на другом. Достаточно знать тепло ее тела, ощущение ее кожи, запах ее духов, шум ее дыхания, чтобы замкнуться в единое кольцо, в котором соприкасаются не одни тела, но и души. Постоянное присутствие одного человека в жизни другого создает ситуацию сторгического соприкосновения.

Далеко не все выработавшие супружескую сторгичность супружеские пары в результате обретают сторгическое существо, входят в собственно сторгию. Большинство остается в состоянии предварительной сторгичности – своего рода черновой сторгии. Низшее сторгическое благо, благо соприкосновения высших душ в общем случае добывается без специальных усилий и, теоретически говоря, доступно каждому. На этом самопроизвольном этапе сторгического строительства застревают добрая половина человечества. Великое множество супружеских пар делаются сторгически любимыми родственниками. Их родственная любовь отличается от других типов самостной любви тем, что она стыкуется со сторгической любовью.

В отличие от сторгии состояние предварительной сторгичности можно нажать в любом возрасте, и после 40 лет, после 60-ти лет.

Сторгичность как таковая есть одно из самых ценных качеств человека в отношении осуществления Замысла.

* * *

Любить ближнего как самого себя, то есть, как свое другое Я, – точная формула сторгической любви. Все дело, как понимать ближнего. В сентиментальном христианстве XIX века под ближним в этой заповеди понимался человек вообще. В XX веке под особенным ближним стали понимать особенно чужого человека, например, того или иного «меньшинства». В Средние века ближний – это человек своей конфессии. Ближний в Пятикнижии Библии – человек своего народа, общедушевный ближний. Тора предлагает каждому любить человека своего народа так, словно он сторгический ближний, свое другое Я.

Любить ближнего, словно самого себя – сторгический принцип, устанавливающий высшую степень общедуховной сплоченности народа.

В личной сторгиодуховной жизни, в со-жизни своего Я и своего другого Я, сторгический ближний создается в трудной и сложной душевной работе. В со-чувствовании, со-мыслии, со-действии людей в общедуховной национальной жизни ближний задан, определен сторгической сплоченностью народа.

Люби ближнего, словно самого себя – идеальная форма сторгических взаимоотношений нации. Но требования сторгической общедуховной любви не невозможные идеальные требования. Без крепости сторгической общенациональной любви невозможна полноценная жизнь народа.

Любовь к ближнему словно к самому себе – сторгическое национальное чувство.

У каждой народной души особенная психофизиологическая близость земляков. У каждой народной души своя культурная близость. У каждой народной души своя особенная – русская, немецкая, французская – сторгичность. Из века в век она сохраняет свой характер переживания радости и боли ближнего, свой образ любовности, добропорядочности, ласковости, душевной ответственности и жалости; и, конечно, свой особенный стиль самоотреченности

– во всех ее ступенях, начиная с простой вежливости и предупредительности повседневного общения и кончая высшими образцами самопожертвования.

Национальная сторгичность закрепляется общим жизневоззрением, общим Вероисповеданием, традиционными нравственными установками жизни общества и общедуховной властью.

Сторгическая близость нации не вытекает из совместного бытия, этнического сходства солидарных душ, их сожительства и сосуществования. В ней устанавливается и действует иррациональное чувство общедушевного ближнего своего народа, предполагающего самоотречение по чувству душевной ответственности за него.

Чувство сторгического ближнего включает в себя чувство справедливости и переживается сторгической совестью, требующей взаимной душевной ответственности и самоотреченности.

Каждый человек несет в себе образ национального сторгического ближнего своего – "настоящего русского человека", если вы русский, или "настоящего грузина", если вы грузин. Но это не образ другого человека, а свой собственный образ в жизни своего народа. Образ этот по своей природе идеален, в нем – всё, что любят, что сторгически желает и ждет каждая душа в народе.

Требования сторгической общедуховной любви не невозможные идеальные требования. Без крепости сторгической общенациональной любви невозможна полноценная жизнь народа.

Сторгичность народной души не хранится в генах. Она существует, поскольку существует народная душа, и только тогда, когда она существует. Народ превращается в толпу не по низменности интересов и не тогда, когда перестает слышать своих идеологических наставников, а когда из народа уходит его сторгичность.

* * *

Русский народ – хотя бы в том его состоянии, в котором его застали Толстой и Достоевский, – особенно привлекателен своей лучшей сторгичностью, которую он сам вроде бы не замечает, не выставляет и как бы не ценит в себе. Но она проявляется (или проявлялась?) во всем.

Русская простонародная сторгичность чрезвычайно трогательна, органична и полновесна. И составляет главное достояние Руси. Русскому человеку без сторгической жизни, не испытывая чувство ближнего, жить трудно. Он пьет, бывает, чтобы раскрепоститься и ощутить сторгическую близость. Непьющий человек, у которого даже нет потребности через алкогольное расслабление самости ощутить чувство сторгического братания, подозрителен ему. Есть на Руси всякого рода пьянство, но есть и это обаятельное пьянство, которого ни в каком другом народе нет.

Отношение к преступникам, в сострадании к ним как к падшим, отверженным и гонимым ближним, как и отношение к нищим, убогим, несчастным, несомненно продиктовано сторгической совестью русского народа. То же самое можно сказать и о так называемых социальных "уровнительных тенденциях" общинного типа в русском народе, которые порождены сознанием справедливости и, следовательно, сторгически неустранимы. С этим нельзя не считаться. Прав был когда-то и Столыпин, разрушавший общины ради экономического и государственного процветания страны, но прав был и Лев Толстой, гневавшийся на него за это по соображениям общедушевного здоровья нации.

* * *

Надо различать вынужденный сторгический рост и свободный сторгиодуховный рост. Для свободного сторгического роста необходимо волевое участие керува.

Вынужденный сторгический рост идет на всех (кроме наивысших) этапах сторгии. Но только самопроизвольная сторгия держится на нем. Поэтому труд самопроизвольной сторгии по силам всякому и в любом душевно здоровом состоянии жизни.

Вынужденный сторгический рост в самопроизвольной сторгии нацелен на обретение новой полноты жизни вошедших в первичное зацепление внутреннего мира мужчины и женщины. В сравнении со свободным ростом его дистанция короткая. Каждый в вынужденном сторгическом росте самопроизвольной сторгии стремится подойти к предельно заданному для него состоянию. Область работы вынужденного роста в самопроизвольной сторгии – свой внутренний мир и свое «Я».

Область сторгической работы в свободном росте есть не столько свой, сколько внутренний мир своего сторгического ближнего. Проявляется это и служением, и воспитанием, и самоотречением, и, разумеется, в самой сторгической любви, в которой двое свободно и радостно свиваются друг с другом.

В чистом виде свободный сторгический рост возможен во взаимодействии по сторгическому существу. В таком взаимодействии учатся свободному сторгическому росту и достигается такое ускорение собственно сторгического роста, которое необходимо для наибольшей активизации воли сторгического существа.

Обычно свободный сторгический рост рано или поздно замедляется. Для сохранения сторгии и усиления сторгического блага желательно участие общенародной жизни, которая обеспечивает и активно поддерживает ускорение сторгического роста. Самопроизвольная сторгия без общенародной сторгичности чрезвычайно затруднена. Плоды самопроизвольной сторгии вырастают из общедушевной сторгии, в одном народе.

9

Души должны быть приведены друг к другу для сторгии. В условиях, когда внутренний мир одного человека плотно закрыт от внутреннего мира другого пределами отделенности того и другого, это делается, как правило, пробойной силой любви-влюбления. Филия желает сторгию, желает возвести влюбленность на сторгические вершины. Влюбленность указывает сторгическим устремлениям души дорогу к другому сердцу, показывает на образ и предлагает его. Осуществиться сторгии без филических чувств чрезвычайно трудно.

Предсторгическое влюбление необходимо для того, чтобы пробить души и тем самым дать простор сторгии, создать для нее канал, связующий высшие души мужчины и женщины. Сторгическое место в женской душе не может быть пустым и настойчиво требует реализации. Выдержать это давление так трудно, что женщина, бывает, предлагает его кому попало, кто возьмет.

* * *

Сторгия – единение высших душ. Самой по себе душе трудно обнаружить ту одну, свою, с которой ей нужно и можно быть сторгически вместе. Стремясь к сторгическому зацеплению, люди часто разочаровываются друг в друге из-за слепоты своей души.

Разного рода суррогаты сторгии возникают оттого, что она задевается предварительно или от нетерпения, без достаточных оснований для души. Встреча подает сигнал на сторгию и задевает то, что возможно задействовать в данный, пусть и самый неудачный, момент.

Сторгия может не состояться потому, что процесс сорвался: не хватило времени совместной жизни или вмешались разрушающие филические силы, или жизнь раскидала, или в дороге ошиблись, чего-то не хватило, произошла авария событийного ряда, роковое недоразумение и прочее, и прочее, и прочее.

Сторгия может не состояться и потому, что высшие души не в состоянии быть в сторгии со своим сторгическим существом. Сторгический ближний может сразу или через годы очутиться «чужим», предназначенным не мне или никому не предназначенным. Сторгия – всегда «оказывается»; и может оказаться «чужой сторгией».

Чужая сторгия возникает прежде всего тогда, когда мужчина и женщина запустились на сторгию, а зря. Пусть оба вполне способны на полноценную сторгическую близость, и усилия их великолепны, и духовносторгический накал высок, но не получается у них потому, что не

подходят они друг другу, обманно приняли не того за того. Вроде бы есть все условия для осуществления полноценной сторгии, но она невозможна по скрытой чуждости или несовместимости. Ну, не рождена она для того, чтобы стать сторгическим ближним ему. Или наоборот. Ничего не поделаешь.

Можно сказать, что в сторгии действует другое Я, но свое – свое другое Я. Или сказать, что действует свое Я, только другое. В чужой сторгии действуют свое собственное Я и «свое чужое Я» – то, которое рядом и вместе, но не в состоянии быть в полноценной сторгии.

В чужой сторгии живут парой. Чужой сторгией всегда оказывается та парность, которая в конце концов (на тот момент, когда тройственная сторгия уже не может образоваться) не стала сторгией.

Чужая сторгия – не тройственная, а двойственная сторгия, сторгия без сторгического существа. Это самый распространенный тип сторгических взаимоотношений. В благополучном исходе чужая сторгия образует сторгические взаимоотношения без сторгического существа. В неблагоприятном образует темную сторгию.

* * *

Сторгическое существо в чужой сторгии отсутствует с самого начала и, главное, никогда не может присутствовать. Чужая сторгия потому и чужая, что в ней при наличии любовных взаимоотношений нет сторгического существа. Сторгическое существо не видит этой любви или видит в ней такие несовпадения, которые сами любящие не видят.

Многие из тех процессов, которые идут в самопроизвольной сторгии, идут и в чужой сторгии, но в последней, в отличие от первой, сторгическое существо так и не объявляется.

От чужой сторгии никто не застрахован. Чужая сторгия – не неудача, которая всегда угрожает сторгическому процессу, не срыв, а неудачный выбор сторгического ближнего. Двое ложно заложились друг на друга для сторгии. В чужой сторгии участвуют сторгически несоответствующие друг другу люди.

Верная мысль – это всегда верно угаданная мысль. Ровно так же и «свое другое Я» – это сторгически верно угаданное «другое Я». Сторгический ближний угадан или не угадан при Встрече.

Чужая сторгия это неверно угаданная сторгия. Верное узнание сторгического ближнего – особая задача человеческой жизни как таковой. Сторгическое существо не слепой участник сторгии, а зрячий и зряче волящий. Верный сторгический выбор может быть осуществлен тогда, когда в выборе этом тайно участвует само сторгическое существо.

Участие сторгического существа в угадывании своего сторгического ближнего, разумеется, не в том, что оно указывает: «вот он» или «это она», а тем, что загодя и исподволь создает сторгическую интуицию и более или менее явственный (пусть и мечтательный) образ своего сторгического ближнего.

Это относится и к мужчине и к женщине, но куда более к женщине, прочнее связанной со сторгическим существом, чем мужчина. Женщине нужен подсказанный ей сторгическим существом мужской образ, который она должна нести до ее встречи со своим мужчиной. Иначе она не узнает его.

Подлинный сторгический мужской образ в душе женщины обычно конкурирует с обманным сторгическим образом, создаваемым психофизиологическими вкусами ее женской Самости, ее женскими страстями и пристрастиями. Эти образы, вообще говоря, не совпадают, нужно выбирать, и это большой и опасный труд.

* * *

Чужая сторгия – ошибка сторгического узнания, сторгическая ошибка, по которой потенциально сторгические участники ее выбирают не того сторгического ближнего и пытаются с ним осуществить сторгию. Они могли (и должны) бы быть в другой (своей) сторгии, а очутились не в своей, а в чужой.

Встреча в чужой сторгии – для чего угодно, для парного проживания в семье или без семьи, совместной борьбы в жизни, взаимопомощи и взаимовыручки, совместного творчества даже, но не для рождения или возвращения сторгического существа своего.

Чужая сторгия – это не нечто недоделанное, не сформировавшееся или сорванное, а отправная ошибка сторгии. Сторгия – состоялась; но чужая. Множество людей живет чужой сторгией, не зная этого или скрывая от себя. Есть такое «чужое», которое рано или поздно становится совсем родным. Но не «своим».

Как есть религиозная поэтика и поэтика нравственности, способная замещать религиозную жизнь и свою совесть, так есть поэтика сторгии, способная замещать сторгическое чувство. Без такой замены трудно было бы чужой сторгии существовать долго. Сторгическая поэтика сродни влюблению, но не проходит быстро. Именно благодаря сторгической поэтике чужая сторгия столь живуча, живет годами, а то всю жизнь потому, что благодаря ей не признается чужой.

Можно уйти из жизни и так не узнать, в какой сторгии прожил совместную жизнь. Чаще всего чужая сторгия выявляется в момент сторгического испытания, который может и не наступить. Не надо думать, что до испытания сторгия была невесть какая или что в результате его сторгия стала чужой; она всегда была чужой, но стала очевидно чужой.

Чужая сторгия для мужчины обычно обнаруживается тогда, когда оказалось, что его духовная жизнь не может найти себя в жизни женщины. Чужая сторгия для женщины обычно обнаруживается тогда, когда, как оказалось, ей при всей ее готовности нечего вмещать от мужской высшей души.

Чтобы выяснить, своя ли сторгия или чужая, надо создать разность духовных потенциалов внутри нее, создать духовное напряжение и тем испытать ее на прочность духовного роста, от которого она рушится и тем разоблачает себя. Один из сторгических ближних совершает мощный рывок духовного роста, выходит на иную духовную высоту, куда другой сам по себе взобраться не может. И тогда оказывается, что по одному из центральных направлений жизни (всегда существовавшему и теперь вставшему на свое место) они не то что расходятся во мнениях или развиваются различно, а один не соответствует другому; и отчуждение их вызвано не ситуацией, в которой что-то мешает, а тем, что они чужие, хотя и любящие и прочно друг к другу привязанные люди.

Непереносимость чужой сторгии у каждого своя. При какой-то степени чуждости невозможно жить вместе. Огромным трудом над собой можно чуждое тебе сделать не столь чуждым. Чужая сторгия бывает и незамеченной. Чужую сторгию скрывают и от себя и от своего сторгического ближнего. Можно «обойти» чужую сторгию, не дать стать ей явной и крушительной. Можно заключить супружеский договор, предусматривающий чужую сторгию в совместной жизни. Однако, чужая сторгия не нечто предсторгическое. Это уже образовавшаяся сторгия, в которой возможна сторгическая катастрофа.

Как искать друг друга для осуществления тройственной сторгии, люди не знают, мечтают, но не умеют найти друг друга, у них нет рабочих навыков делать это, нет четких представлений и о безусловной духовной ценности сторгии, и о том, что сторгия есть законная и неустрашимая сторона духовной жизни, жизни сторгиодуховной.

Сила натяжения сторгии у каждой пары своя. Сила эта, словно слепая природная сила, натягивает и натягивает струну лука, безразлично к тому, куда, в кого и зачем полетит стрела из него. Чужая сторгия – весьма и весьма высокая ступень сторгического единения мужчины и женщины. И она возникает в результате длительного и неизбежного сторгического процесса.

Чужая сторгия – один из неизбежных плодов сторгической работы как таковой. Это нам, смертным людям, чужая сторгия может показаться вроде самообмана. В жизни человеческой свыше предусмотрен сторгический результат. И результат этот так или иначе достигается. Сторгия включена в Замысел Бога на человека, и чужая сторгия создается не в противоречии

с этим Замыслом. Не создавать сторгию (какая выйдет) нельзя. Своя сторгия возникнет среди океана чужой сторгии и этого, видимо, довольно.

10

На разных уровнях внутреннего мира человека множество комнат, всевозможных планировок и назначений. Все они предназначены для людей (и, может быть, не только людей), которые встречаются в жизни и поселяются каждый в свою комнату – отдельно или в общежитии с другими. Комнаты разные: темные и светлые, большие и малые, заколоченные, проходные, открытые, для постоянного или временного проживания, для друзей юности, для матери, жены, соседа, начальника, учителя, ученика, кумира. Их столько, что человек за жизнь не занимает все. Бывает, он не подозревает о существовании комнаты, которая особенно нужна ему. Или ищет, да так никогда не обнаруживает ее. Некоторые комнаты со специальной целью или специально для кого-то создаются в процессе жизни или ликвидируются. Богатство внутреннего мира человека не в малой мере зависит от занятых комнат и тех, кто поселился в них.

Палат верхнего этажа совсем немного. Одна из них, когда пустая, отчетливо призывает в себя, но тому, кто прямо или косвенно претендует на эту комнату сторгии, приходится поселиться и в прихожей, и в комнатах нижних этажей, проходить череду проходных комнат, в каждой из которых можно застрять, и так и не стать «другим своим Я». Труд долгий и тяжелый, на совершение которого может нехватить целой жизни.

Другая комната верхнего этажа, в отличие от первой, заранее не возвещает о себе, не раскрывает двери навстречу и вообще не обнаруживает себя, покуда в неё не вселится то «свое другое Я», которое только для нее обозначено и исключительно для нее предназначено. Это комната сторгии озарения. Человек знает, что она существует, но узнает только вместе с тем, кто вселился в нее. Двери анфилады комнат словно сами распахиваются перед «своим другим Я», он сразу находит комнату сторгии озарения и внедряется в нее. Изгнать того, кто раз поселился в комнате сторгии озарения, можно, только разрушив ее.

Сторгическое откровение свидетельствует от том, что сторгическое существо самовластно ожило в межчеловеческой жизни.

Сторгия озарения потому столь таинственное явление, что зачинается и в значительной мере осуществляется по свободной воле жаждущего самореализации сторгического существа, властнодвигающего двух им избранных людей друг в друга.

Обычная сторгия вплоть до старости многократно и последовательно переходит со ступени на ступень, пока не станет зрелой сторгией. Для сторгии озарения проходить ступени не нужно, она устанавливается сразу же, словно существовала всегда и теперь нашла, как явить себя, и начать сторгический рост.

Сторгия озарения – явление жизни, хотя и чрезвычайно редкое, но известное. Но то, что люди находят друг друга для сторгии озарения, граничит с чудом. Жизнепроехождение специальным образом организуется так, чтобы сторгия озарения стала возможна.

Сторгия озарения – особый род сторгии. Сторгия озарения – главное событие сторги-одуховной жизни и, как правило, человеческой жизни вообще. Возможность сторгии озарения сплошь и рядом упускается потому, что предсторгическая любовь обыкновенно возникает к тому, кого вовремя подсунула жизнь. Сторгия озарения однократна, одна в целой жизни, предоставлялась один раз и реализуется единожды.

О сторгии озарения сознательно и не совсем сознательно мечтает всякая душа человеческая. Сторгия озарения есть та подлинная любовь, которую всегда ждет человек.

Сторгия озарения столь благое и столь значительное – мистически и метафизически значительное – явление в человеческой жизни, что в ней нет вопроса о добром и злом, о счастье и несчастье. Перед возникновением сторгии озарения все меркнет.

Сама по себе сторгическая воля человека нацелена на достижение максимального результата. Всякая высшая душа, высшая душа как таковая, стремится к сторгии озарения. И фили-

ческое чувство в предсторгии зовет к сторгии озарения. Человек ждет сторгию озарения. Сторгия озарения – мечта человека.

Сторгия озарения отличается от другого рода сторгии моментальностью становления. Сторгический ближний мигом узнается по отдельной черте во всем облике – по тембру и переливу голоса, по улыбке или по посадке. Все видят эту черту, но только для одного она сторгична. При этом может соответствовать или не соответствовать пристрастиям женской или мужской красоты.

Во взрывном процессе, начавшемся со сторгии озарения, сразу же и на всю силу задевается сторгическое существо. Оно было наготове.

Сторгия иного рода исполняется шаг за шагом, постепенно, через перекачивания содержания жизни из одной высшей души в другую. На сторгию человек запускается, набирает обороты. Сторгия претворится в жизнь так, как строится и заселяется здание.

Сторгия озарения – наилучший старт для осуществления сторгии. В сторгии озарения нет набирания оборотов. Встреча сторгии озарения происходит так, будто она состоялась в незапамятные времена. Она уже есть и задана к осуществлению сторгической судьбой. Ей только нужно вновь явить себя. Что-то при этом обновить, заменить, прибрать строительный материал, снять строительные леса. В мгновение такой Встречи-узнавания очевидно, что «я-твой» и «я-твоя». Человек напряженно ждет этого, и потому так часто принимает действительное за ожидаемое.

* * *

Всякий человек живет в предчувствии жизни сторгического существа в себе и вместе с самым близким ему человеком. И предчувствие это обычно называет любовью.

Влюбление не только пробой и предуготовление, о чем мы говорили выше, но и предчувствие сторгического существа. Возбуждаясь на влюбление, человек зовет сторгическое существо, сигнализирует ему, призывает придти и вселиться. Мужчина и женщина влюблением призывают в себя сторгическое существо, но оно не всегда откликается на их зов.

Приход сторгического существа странным образом не отменяет многократность влюбления. Словно оно окликает сторгическое существо не для того, что быть услышанным, а для того, чтобы еще и еще раз испытать экстаз зова.

Влюбление часто переживается, словно оно сторгия озарения, изображает из себя сторгию озарения, само верит в это, испытывая сторгические чувства, которых нет. Любовь-влюбление умеет инсценировать сторгию озарения. Такая мнимая сторгия озарения раньше или позже распадается, но люди часто не признаются в этом и продолжают разыгрывать сторгию. Это обычно и в чужой сторгии.

Мнимая сторгия, как и всякая мнимость, не обман, не ложь, а подлинное переживание, только переживание того, чего нет, как боль ампутированной ноги.

Мнимая сторгия озарения так свободно-безответственна и остра потому, что она в предощущении несет сторгическое существо. Влюбленные легко и с удовольствием примут представление (возвещение) о третьем существе, ибо это предвещает такую полноценность чувств, такое блаженство в любви, которого не было, не будет, да и вряд ли может быть.

Мужчины и женщины живут в заманках осуществления сторгии, и это законно, как и то, что они далеко не всегда достигают ее. То, что мы выше назвали предсторгией, чаще всего есть мнимая сторгия, которая заявляет о себе преждевременно и на невозможных высотах. Для дальнейшего процесса трудовой сторгии это может быть продуктивно или не продуктивно. Для сторгии озарения – всегда контрпродуктивно потому, что в мнимой сторгии сторгическое существо не участвует.

* * *

Расставания – дела житейские. Сторгическая катастрофа – в мире мистическом, метаструктурном.

Сторгия озарения – предприятие рисковое. Входя в сторгию озарения, человек подспудно и в глубине души сознает свою личную ответственность, по непосредственному чувству знает, что расставание немислимо, совершенно невозможно. Сторгическая катастрофа случается нежданно и при полном недоумении. Любая сторгия требует немалых специальных и сознательных усилий для того, чтобы отодвинуться от черты, за которой сторгическая катастрофа. Любая сторгия усилиями берется и сохраняется.

* * *

Есть тип антисторгических женщин, которые не в состоянии входить в сторгию, не желают ее и отталкивают ее. Другой тип – несторгических женщин, которые вне зависимости от связи со сторгическим существом трудно входят в сторгию. Третий тип – женщины сторгически беспризорные, не подключенные к определенному сторгическому существу, но способных нести его в себе. Четвертый тип – женщины сторгические, стремящиеся к сторгии и умеющие создавать ее.

Явления духовной жизни надо изучать не снизу вверх, как все природные явления, а сверху вниз. Для осмысления рядовых явлений духовной жизни нужно постигать явления высшего порядка, пусть даже уникальные. И сторгию, как и все духовные явления, надо рассматривать в ее высших проявлениях.

Сторгия мужчины и женщины – наивысший уровень Встречи. Высшая ступень сторгии – Сопутство. Сопутство – это совместное восхождение личнодуховной и сторгиодуховной жизни мужчины и женщины.

Люди в состоянии Сопутства обладают наибольшей полнотой и яркостью сторгиодуховной жизни. Сопутевая сторгия есть полная мера человеческой сторгиодуховной жизни. Сопутевую сторгию создает сопутевая женщина – высший класс сторгических женщин.

Сопутевая женщина создает Сопутство с высоко одухотворенным мужчиной. Предметно говорить о Сопутстве, не сказав прежде о Пути восхождения мужчины, невозможно. Восхождение женщины в Сопутстве мы рассмотрим после уяснения Пути восхождения мужчины в следующей книжке о принципах и этапах личнодуховной жизни человека.

Несколько слов в предварительном порядке.

Для сторгии пригодны большинство женщин. Но общая неготовность женщин к Сопутству еще большая, чем мужская неготовность к Пути личнодуховной жизни. Сопутство способна осуществлять редчайшая женщина. Сопутевой женщиной нельзя стать, ею надо родиться и стать. Сопутевая женщина не стотысячная, не «тип», а единичная и единственная.

Не всякая сторгия стремится к Сопутству. В Сопутство входит не любая, а только сопутевая женщина. Сопутевая женщина – совершенно особенный и высший род женской одухотворенности.

Сопутство адресно и сопутевая женщина адресная. Сопутство не задано, а дано; и потому Сопутство возможно с одной конкретной женщиной.

В общем случае Сопутство можно понять как сторгию духовного служения, основная черта которой духовное служение одного сторгического ближнего другому. Жизнь со-духовная – одна из сторон духовной жизни, ударение которой более выставлено не на том, кому служат, а на самом служении.

Одна из самых замечательных видов сторгии служения – сторгия со-вдохновения.

Со-вдохновение совсем не редкий дар небес. Способность к тому или иному со-вдохновению развивается с детства, в нем оно заложено повсеместно. Любого рода художественное творчество (и в первую очередь религиозное творчество) рассчитано на со-вдохновенность читателя, слушателя, зрителя. Мистически порочная ситуация, при которой люди почему-либо лишаются со-вдохновенности (из-за культа потребления, скажем), в буквальном смысле может привести к краху цивилизации.

Порывы со-вдохновения одного человека вдохновению другого в конкретном течении жизни, вообще говоря, обычное явление нашей жизни. Другое дело, со-вдохновения в качестве постоянного переживания вдохновения другого человека, со-вдохновенное переживание его трудов и жизни. Людей, у которых со-вдохновение стержневое свойство души и неустрашимый нерв духовной жизни, единицы. Особенно если это со-вдохновение истиной или добротой. Если сочувствие нам дается как благодать, то со-вдохновение истиной или со-вдохновение добротой – чудесное и замечательное качество высшей творческой духовной жизни, неоцененное людьми.

Сторгический ближний воспринимается в качестве «другого своего Я». В Сопутстве со-вдохновения один принимает в себя субъект вдохновения другого (гения в нем, скажем, или его живущую творческой духовной жизнью серафическую личность), переносит субъект вдохновения другого в себя, становится его собою, внедряет его в себя. В Сопутстве со-вдохновения «я» буквально становится им, а он мной.

Со-вдохновение мужчины женщине или женщины мужчине в сторгии всегда перевод ее на высшую ступень Сопутства. Со-вдохновенное Сопутство – наиболее прочная и полноценная сторгия.

Встреч, пригодных для сторгии, может быть в жизни несколько. Но Сопутство реализуется, если реализуется, единожды. Встреча для Сопутства дается человеку не в принудительном порядке. Ее нужно сначала суметь не упустить и уж потом осуществить.

Важно, кого любишь, но важно еще, и кого любишь любить.

Как есть любовь любви, любовь к любви как таковой и человеку как таковому, так есть любовь к сторгической любви. Любовь к сторгической любви – херувимская любовь – есть чувство присутствия керува в себе до того, как состоялась сторгическая встреча.

Херувимская любовь – неизменный спутник сторгии озарения и Сопутства.

Любовь к сторгической любви может стать сильнее самой сторгической любви. Херувимская любовь в ряду самых немногочисленных и главнейших ценностей жизни, есть абсолютная ценность духовной жизни человека. Если такая любовь переживается с двух сторон, то назад дороги нет, и возврат к исходному безсторгическому состоянию, если и возможен, то через сторгическую катастрофу.

11

Сторгиодуховная жизнь женщины, по сравнению с мужской, мощнее. Сторгическая интуиция у женщины сильнее, яснее, надежнее, более рабочая, работает скорее. Что и понятно: мужчина – участник сторгии, а не носитель сторгии. Обычно он – второе лицо в сторгии, ведомый в ней.

Душа женщины изначально связана со сторгическим существом. Мужчина сам не может стать причастным керуву. Он способен принудить женщину к сторгической связи, выудить на себя ее и ее керува и начать осуществление сторгической связи. Но именно женщина впускает или не впускает свое сторгическое существо в любовь.

Благо духовной жизни женщины – в сторгическом росте. Ускорение сторгического роста ограничивается как сторгической волей и возможностями души женщины, так и богатством, энергией и личностнодуховным состоянием мужчины, которому женщина дала включиться в себя и с которым вошла в сторгическое единение. Драматизм путевой судьбы женщины, в том, что мужчина далеко не всегда способен к ее духовному обогащению. В некоторой степени женщина способна компенсировать душевную недостаточность мужчины, но сторгический рост только женщиной длительно обеспечиваться не может. Никакая женщина не способна сторгически работать за себя и за своего мужчину.

Желает ли того женщина или противится, но душа её всегда находится в чьих-то руках или переходит из рук в руки. Отец, брат, муж, герой, идол – любой «он» нужен ей для удовле-

творения насущной потребности ее как существа Любви – потребности душевного тяготения. Не к кому прилепиться – незачем жить.

В душе женщины – голод, насыщаемый мужским. В плоти её – жажда детей. Чтобы напитать душу и напоить плоть, она ищет прибежища – дом, семью. Свой дом, свою семью, а значит – свою судьбу.

Работа души – её свобода, судьба же предполагает вынужденность. Работа души более или менее слита с делом судьбоношения. Женщина вообще неотделима от своей судьбы. Женская судьба есть, по большей части, ее встречи. Её мужа, ее дети и не только они, но и все те, кого она любила, хранила, за кого болела душой, – все входят в цельность той картины, которую она выносит из жизни.

Знаки судьбы подаются ей в потоке встреч, состоящем из бесчисленных случайностей. Сами эти случайности, сам житейский поток встреч сплошь и рядом организует судьбу женщины, чем ещё более усугубляется вынужденность ее путевой жизнедеятельности. Судьба и Встреча для женщины – почти одно и то же. Она может оказаться недостойной своей же собственной судьбы или не выдержать её тяжести.

Душу женщины редко можно понять и обсудить как таковую, вне её конкретной судьбы. Обычно она нераздельно слита со своей судьбой, включена в судьбу свою, и потому именно так, только вместе с судьбой нужно судить о ней. У высокой душой женщины может быть низкая судьба, которая умаляет её. Низкой душой может быть предложена высокая судьба, которая вознесет её или еще более унизит.

Человек есть то единое, что в результате всей прожитой жизни сходится в одно. Однако мужское и женское «слагаются» различно. Мужское – совокупность потрясений и состояний всей жизни. Женское – через неё преломленная совокупность всех тех, кого она во все дни своей жизни встретила и обжила душой. Недаром мужчина вспоминает себя, тогда как женщина вспоминает, что с ней происходило, вспоминает других в соотнесенности с собой, свою биографию, историю жизни своей души: события жизни (всегда ставящие печать на её душу), её встречи, столкновения, взаимоотношения, служения.

В женском кругу испокон веку более почитаемы те, у которых, хотя бы по внешним признакам, более забот об оберегании, и всего менее чтимы одинокие и бездетные, которым по-женски нечего делать в жизни. Женщине надобно волноваться душой, она жива, живет, покуда переживает за кого-нибудь. Это ее сторгическая черта.

Для женщины важнее всего надежность, устойчивость, защищенность, безопасность существования – все те условия, которые облегчают задачу оберегания. Она внимательна к случающемуся, как к школе реальной жизни. Чувство опасности и опасения дурного, нюх на дурное, зыбкое, некрепкое, несоответствующее, чуждое – вот женские достоинства, признаваемые ею самой. Хитрость и расчетливость нужны ей для целей охранения и сохранения. В сознании вины большинства женщин нет того, что не свершилось (доброе), почти всегда она чувствует за собой вину только за то, что случилось дурного, в чем не уберегла. И это ее сторгическая черта.

Всеми средствами женщина стремится сделать из себя убежище, чтобы предоставить это убежище рук и души своей всему ей доверенному судьбой, – и прежде всего детям. Но и блажен тот мужчина, муж, который знает, что такое душевное убежище любимой женщины.

Женщина для мужчины порука и надёжа, и от неё всегда требовались самоотверженность, верность, надежность. Но поскольку и Ева хранит при возделывающем Адаме, то требования к женской работе охранения и сохранения находятся в зависимости от мужской способности и активности возвращивания. Мужчина, не имеющий недоступных женщине целей, посвятивший себя делам мирского обеспечения, процветания, проживания (всё условия наилучшего хранения), неизбежно становится добывающим средства существования придатком женщины, мужским выражением женской установки на жизнь. Обладает ли он при этом муж-

ской властью, волей, силой, – не имеет основополагающего значения. Оба они вместе и по-женски проживают на земле. В таком случае душе женщины в отношении мужской души почти нечего делать, что приятно для ленивой душой, но убийственно для женщины, душа которой стремится исполнять свое предназначение.

Женщина – хранительница. Это означает, что она одна, без того, что нужно хранить душой, как бы не существует. Пусть это что-то – только прошлое; женщина куда лучше мужчины помнит бывшее, она хранит прошлое и хранит память. Женщина приставлена хранить жизнь во всех её видах: бывшую, настоящую и будущую, отдельную, семейную и общую. Это еще одна ее сторгическая черта.

Женщина – последняя опора народной души, её характера, традиций и устоев. Отсюда стойкий женский консерватизм, необходимый для устойчивости и преемственной сохранности народа. Из поколения в поколение она должна передать те верования и нравственные ценности, которые получила сама. Народная душа и женщина завинчены друг на друга, женщина более общедушевное существо, нежели мужчина, но её обще-душевность зиждется на других, нежели у мужчины, основаниях: народная душа защищает женщину, придает ей крепость в жизни. Женщина сама опирается на общедушевный этический закон, и закон этот опирается на неё. Ей нужна четко повелевающая народная душа. Сила общедушевной совести более всего обеспечивается женщиной. Она – держательница акций морали, но не законодательница их.

Однако рост духовного сознания в обществе, свободная душевная работа в нем производится почти без женщин, стерегущих народную душу, оберегающих её от разрушения.

^{*)} Семейная одушевленность – от душевной теплоты женщины. Семейная одухотворенность – от света мужского разума, но вводит в семейную одухотворенность жена. Такова модель сторгии высокого полета. Мужская одухотворенность преобразуется женщиной так, что она становится семейной одухотворенностью.

12

Любовь нередко переходит в ненависть. От вершины сторгического единения до пропасти сторгической антилюбви всего шаг. Но что за чудовищный и непостижимый шаг!

Разные обстоятельства и воздействия превращают ближнего в дальнего, жену в чужую женщину. Совсем другое дело, когда взаиможизнь вдруг становится противожизнью – когда друг разом обращается не в дальнего или чужого, а в антидруга. Возможность превращения любви в ненависть и друга во врага-антидруга указывает на то, что душа наша способна на замену светлой сторгической одухотворенности, которой она живет в сторгической любви, на темную сторгическую одухотворенность, которой она живет в сторгической ненависти.

Есть темное сторгическое горение душевной жизни, и в нем человек горит с той же силой и той же свободой, что и в огне сторгической любви. Темной сторгии верны так же, и кладут на нее жизнь так же, как на сторгическую любовь. Удовлетворения потребности темной сторгии душа желает и добивается не менее, чем удовлетворения светлой сторгии. И это несмотря на то, что состояние сторгической антилюбви есть одно из самых мучительных и дремучих состояний души.

Ненависть темной филии сконцентрирована на образе врага. Ненависть к врагу – к чужому и чуждому. Ненависть темной сторгии – к своему, к ближнему, из которого она выделяет темносторгического ближнего. Брат на брата, дочь на мать, украинец на русского – вот идеальная темная сторгия.

Для сторгической любви необходимо узнавание себя в другом, и для темной сторгии необходимо такое же узнавание, но своего антидруга в другом. Он становится «своим другим Я» с отрицательным знаком. Темносторгический антиближний, как и сторгический ближний, переживается в пятом лице.

Врага можно уважать. К темносторгическому ближнему ничего, кроме отвращения. Темносторгическое отвращение – одно из самых жутких чувств человека.

Значительность человека определяется дробью, в знаменателе которой то, как человек мнит себя, в числителе – какой он есть на самом деле. Повышать самооощущение легче всего на ненависти – лучше всего к ближним в каком-то отношении или тем, кто в каком-то отношении выше тебя. Это похоже на прыгание через гимнастического коня. Темносторгическое отвращение подымает знаменатель до небес и бросает числитель в пропасть, максимально понижая значительность человека. Есть особый род ненависти к действительному или выдуманному противнику, призванный быть предметом, над которым самовозвышаются.

Темная сторгия отличается от темной филии, в том числе, и тем, что темная сторгия это не просто ненависть, а любовь к ненависти. Врага маркирует чувство ненависти к нему. Темную сторгию маркирует любовь к ненависти к антидругу.

Темная сторгия включает темную филию. Темная филия темную сторгию не включает. Темная филия подыгрывает и обслуживает темную сторгию.

Ненависть – помрачение самомнения. Вечно находиться в состоянии темной филии нельзя. Порыв гнева или возмущения гаснет. Бывает, что темная сторгия сходит на-нет, но обычно она навсегда. Именно потому, что темная сторгия – явление не филической, а сторгической жизни.

Темная сторгия обычно возникает при распаде состоявшейся сторгии или сторгичности. Но не только. Темносторгические мотивы возникают при распаде любой близости – дружеской, родственной, национальной, близости влюбления.

Как есть сторгия и сторгичность, так есть и темная сторгия и темная сторгичность к тому, кто был или мог бы быть сторгически переживаемым. Темная сторгичность появляется к конкуренту своего цеха, собрату по перу, по творчеству, к более удачливому сопернику в любви, провинциальности к столичности. Темная сторгия посредственности к гению, который занимает то место, которое в воображении занимает завидующая ему посредственность. Зависть к ближнему своему – род темного родственного чувства.

В чужой сторгии сторгические взаимоотношения тайно перемешены с темносторгическими. Чужая сторгия всегда рискует превратиться в темную сторгию.

Темная сторгия от разрушенной сторгии озарения не возникает.

* * *

Антисемитизм – темная сторгия других народов, обращенная на Общую душу Ираэля. Евреи живут в совершенно непонятном национальном состоянии, словно на иной планете, чуждом и чрезвычайно подозрительном. Евреи всем подозрительны и отчасти потому становятся адресатами темной сторгии. Вектор темной сторгии антисемитизма поддерживается подозрительностью общедушевных духов к общедушевному духу и к глубинному национальному бытию Ираэля.

Можно привести разные причины того, что и как запускает и усиливает антисемитизм, но легкомысленно ставить их в качестве причины этого извечного явления темной сторгии.

Возникновение и причины филического чувства ненависти можно понять и объяснить. Это чисто человеческое дело. Разрушенная сторгическая любовь может перейти, может и не перейти в темную сторгию. Это иррационально. Темная сторгия иррациональна и малопонятна. Основания темной сторгии и в номинальном смысле беспричинны.

Подлинная причина возникновения темной сторгии – в душевной потребности темной сторгии. Антисемитизм дает выход темносторгической потребности души человеческой, которая находит способ самовыявления. Кроме того, всякой общедуховной власти всегда кажется, что она не прочна без темной сторгии.

Пагубное значение темной сторгии в жизни вполне не оценено. Темная сторгия – не штрих жизни, а дьявольское явление, возможно, единственное дьявольское явление в человеческой жизни.

Все плохое в человеческой жизни так или иначе перемешено с хорошим. Кроме темной сторгии. У темной сторгии нет и быть не может не дурных последствий. Преодолеть ее возможно только, подавив ее; а это ничего не дает для роста. В темной сторгии нет светлого смысла. Она рушит все, к чему прикоснется.

А, между тем, темная сторгия – огромное прельщение для души человека. Даже больше, чем светлая сторгия. Сторгическая ненависть сменяет сторгическую любовь с таким наслаждением, какого не знавала любовь. По темносторгическим побуждениям совершаются революции, губятся жизни самых близких людей. Не без темносторгических побуждений пала Византия, была разрушена царская Россия и потом Советский Союз.

Темная сторгия – смертельная болезнь души, и личной души и народной души. Массовое помешательство зараженного темной сторгией народа – самое худшее, что может произойти с народной душой.

Страшнее всего, что в темную сторгию в процессе жизни превращаются самые высокие, прежде всего, сторгические движения души. Ужасно и то, что губительная темная сторгия легко возбуждаема в человеке и народной душе.

Темной сторгии не должно было быть во внутреннем мире осуществляющего Замысел Бога человека. Тем более, во всегдашней готовности. Но она есть. Откуда она и зачем она?

* * *

Адам нарушил запрет Бога в силу филической любви. Его сын Каин убил брата Авеля – своего удачливого соперника в отношении расположения Бога – в силу темной сторгии. Господь Сам обращается к первенцу земного человечества, к Каину, и лично объясняет ему ситуацию земной жизни, в которой оказался он после изгнания из Сада Эдена, именно ввиду темной сторгии в нем.

В ответ на темносторгическое помрачение Каина (он счел, что его лишают первородства, и оттого «загорелось Каину предельно и пало его лицо»^{*)}) Господь говорит ему: «у входа грех (хатат) лежит, к тебе влечение его, а ты управляй им» (Б.4:7).

^{*)} Приведенный перевод взят из книги Б. Бермана «Библейские смыслы» М. 1997 год

Употребленное в этом стихе книги Бытия слово «хатат» имеет те же корневые согласные, что и слово «хет», «грех», но хатат в заповеди Господа Каину означает не буквально то, что грех.

Хатат – то, что предворяет и производит грех (хет), именно поэтому им можно и надо управлять. Глагол «ровец» (лежит) в этой фразе употребляется в иврите только применительно к домашней скотине. Хатат – не всякий соблазн или грех, который подобно хищному зверю менее всего ждет позволения войти туда, где его добыча, а именно темная сторгия, которая подобно домашней скотине проживает там, куда ее впустят жить. Хатат – источник «греховного прельщения», ведущего к греху убийства брата, нечто, что порождает темную сторгию в душе человека.

Темная сторгия, не прячась, дежурит у входа в человека и ждет случая и предлога, чтобы завладеть им. Человек восприимчив к ней, сам склонен вводить себя в состояние темной сторгии. Бывает, и радуется темной сторгии в себе так, как должен был бы радоваться призыву светлой.

Темная сторгия – явление таинственное, темное, повсеместное. Свойственная ли она человеку как таковому?

Темная сторгия может охватить человека в любой момент, с ней человеку приходится жить всегда и везде, но сама по себе она насильно в него не внедряется, не взламывает вход в его внутренний мир, а входят в него тогда, когда перед ней откроется дверь, когда сам человек впустит ее в себя. Спусковой механизм темной сторгии всегда при дверях, всегда готов запуститься в душе. Это есть; и не может быть иначе. Темная сторгия определяет ситуацию жизни человека на Земле. Так объясняет Каину Бог.

Темносторгическое чувство – каинианское чувство в человеке. Каин убил брата, мог и не убить, но темная сторгия в нем осталось бы. «А ты управляй» ею, то есть не запускай ее в себе, даже если она жестко спровоцирована.

Наказание Каина – неприкаянность, то есть исключение какой-либо возможности вступать с другими людьми как в темную, так и светлую сторгию.

13

В жизни человека создаются отношения, которые вроде бы исключают предательство. Дети и родители, братья и сестры, друзья, сторгические ближние. Темная сторгия часто возникает в результате предательства. Предательство в зачине темной сторгии личной жизни – ситуация стандартная. Так это бывает и в общественной жизни, но запрятано глубже. Революция – независимо от того, насколько морально или социально она обеспечена, – род национального предательства.

В темной сторгии всегда обитает дух предательства. Душевное предательство черта любой темной сторгии. Но темная сторгия более глубинное явление жизни, чем предательство. Предательство – типовая наружность темной сторгии. Темная сторгия в некотором смысле покрывает предательство. В темносторгических переживаниях человек стремится возвыситься над тем, кого предал; чернит его, усугубляя предательство. Предательство не дает темной сторгии исчерпать себя, подпитывает ее.

* * *

Темная сторгия органична в уголовном мире. Мир этот непрерывно живет в состоянии темной сторгии. Криминальная стихия особенно подходит для выражения темносторгического состояния жизни. Криминальный мир не может без темной сторгии. Темная сторгия – условие существования его. Криминальный мир образован как мир темносторгическими переживаниями, питается ею, ею держится. Все установки и понятия уголовного мира пропитаны темной сторгией.

Обычно полагают: сначала деятельность, потом соответствующий ей образ жизни и потом установки жизнесознания. Рискну предположить, что в случае криминоидов это не так. В основе их жизнесознания установлена потребность в темной сторгии, ее переживание и ее реализация. Отсюда их образ жизни, из которого деятельность.

Криминоиды не уклонение психики, а особый человеческий тип, особый склад внутреннего мира. Криминоиды – особая генерация людей, носителей темной сторгии. Криминоиды узнают криминоидность друг в друге с полувзгляда. Готовы ужиться, готовы и уничтожить друг друга. Каждый, вступающий в криминальный мир, обязан принять и его темную сторгию.

Возникновение темной сторгии в общественной жизни ужасно и загадочно. Это худшее из зол и бед человеческого сообщества. Темную сторгию специально не призывают в жизнь человека, она объявляется сама, ею заражаются. От кого? Не от идеологов и политиков, борющихся за власть и деньги, вообще не на каких-либо полях сражения, а в наибольшей степени от получивших свободу действий и самовыявления криминоидов.

Разные классы в государстве, разные народности одного этноса веками живут вместе. Не без столкновений, конечно, но и без темной сторгии. И вдруг сложились особые обстоятельства и возникает темная сторгия. Кто-то надыхал ее.

Темная сторгия не ненависть, не гнев, сопутствующий борьбе. Враг не темносторгический ближний. Брат брату может стать как врагом, так и темносторгическим ближним.

Криминальные революции 90-х годов XX века показали, как легко уголовный мир срывается с тем, который призван бороться с ним. Это одни и те же люди. Они – ближние, связанные отношениями темной сторгии в наиболее открытой форме. Даже более явной, чем темная сторгия красных и белых в гражданскую войну.

Обнаружена общественная темная сторгия – ищи криминоидов как основных возбудителей ее. В особых обстоятельствах – гражданской войне или национальном помешательстве –

темную сторгию всегда и очень быстро порождают криминоиды. Как только им освобождено пространство жизни и они заявляют о себе открыто, а не из подполья, так они одних захватывают в себя, других заражают темной сторгией. Болезнь темносторгичности не скоро излечивается и тогда, когда источник ее гаснет.

Объект темной сторгии мог быть другом, братом, отцом. Война, несмотря на потоки ненависти, обычно обходится без темной сторгии. В войне надо победить, пусть даже уничтожить. В мире темной сторгии надо унижить, опустить, разодушевить, растоптать. В этом много сдомского.

Криминоидность воспринимают как нечто сопутствующее и побочное историческим событиям, способное окрасить происходящее в свои цвета, но не способность двигать событиями. Это не совсем так. Да если и так, то не потому, что не может быть иначе, а потому, что для людей криминоидальной генерации не пришла историческая пора.

* * *

Сторгия – духовная жизнь между мужчиной и женщиной на стороне Встречи. Существование гомосексуализма отвергает необходимые условия для сторгического процесса – пол. У гомосексуалов не бывает сторгии. Сторгия чужда им. Более того, гомосексуализм, основанный на отвращении к женскому и как носитель противоестественной сексуальности, агрессивен по отношению к естественной сексуальности. Это не просто антисторгичность. Гомосексуализм во всех своих плотских и психических проявлениях вынужден ориентироваться на извращение естественной сексуальной потребности. Поэтому, но далеко не только поэтому, он напоен темносторгическим чувством ко всему, что порождает сторгию.

Гомосексуальная пара не то, чтоб внесторгическое образование, не образует сторгию, она ей противоречит, является образованием антисторгическим. Переживания гомосексуала не могут иметь на стороне Встречи выхода в высшую душу и потому оскотпляют сторгиодуховную жизнь.

Гомосексуализм темносторгичен по своей глубинной сути, по глубинному отношению гомосексуала к сторгии, возможной только между мужчиной и женщиной. Темная сторгия гомосексуализма противоречит установкам осуществления Замысла земным человеком.

14

Сторгия производит взаимоусиление глубинных слоев душевной жизни, осуществляет высшую полноту душевной жизни в людях. Человек в общедушевной сторгии становится выше самого себя. Вот что более всего сплывает общедушевную жизнь.

Мотив темной сторгии включен в общедушевную жизнь как таковую. Темная общедушевная сторгичность требует любить свою ненависть как самого себя.

Темная сторгия подстерегает народ и может овладеть им в пору духовной слабости. Особенно в революции и гражданской войне.

Духи революции всегда и везде одни и те же. Их не надо выискивать. Это темносторгические духи. Они пользуют всякого рода современные лозунги борьбы за свободу, равенство, братство, за социальную справедливость, демократию, права человека, национальную самобытность, построение коммунизма или мирового порядка. Парижская толпа, приведшая якобинцев к власти, была опьянена темной сторгией к аристократам и попам. То же и русская революция 17 года. Роль темной сторгии в российских событиях 91 года огромна.

Никакой другой, кроме темносторгической революции, а за ней и гражданской войны, не бывает. Общепародные темносторгические переживания обостряются накануне гражданской войны. Так это по самой природе темносторгических устремлений. Нельзя провозглашать порожденные темной сторгией идеи, не побуждая при этом к революции и гражданской войне. С них в Новое Время начинались все революции.

Весь культурный люд России сейчас опять переживает происходящее так, словно соскучился по гражданской войне. Темноторгически он уже в состоянии гражданской войны. Не исключено, что получит ее.

Общественная темная сторгия по своей природе вызывает гражданскую войну, призывает к ней одним своим существованием. Социальное, национальное или религиозное разделение лишь повод и механизм темной сторгии реализовать себя. Объект темной сторгии может быть классом или иной этнической модификацией, может быть фантомным, полусказочным. Духи революции вообще живут не в действительности, а в темноторгической небылице.

Общедуховную темную сторгию надо старательно культивировать темными культурными средствами. Темная филия как пожар охватывает народную душу, пока она не запылает темной сторгией.

Двадцать первый век грозит стать веком темной сторгии. Давление запаленной национализмом темной сторгии испытали все русские, оставленные ельцинской властью в национальных республиках Союза. Русский не перестал быть украинцем, а украинец русским, но все более становится темноторгическим украинцем или русским. Темной сторгией отчетливо заражен весь Ближний Восток, отчасти Северная и Южная Африка, на подходе некоторые страны Европы и Северная Америка. Тут возможны самые причудливые сочетания.

* * *

Темная сторгия натурально возникает в любой гражданской войне (даже феодальной), но быстро спадает по ее завершении, при смене властителей. После чего темная сторгия не укореняется в народе. Уникальность русской классовой гражданской войны в том, что победители продолжали культивировать темную сторгию в мирное время на постоянной основе.

Темная сторгия – вовсе не обязательная черта социалистического устройства жизни как такового, но насаждение ее в Советском Союзе поначалу мотивировалось практикой социальной инженерии, требуемой идеологическими установками. Советский человек впитывал темную сторгию с детства, по воспитанию и мировосприятию становился человеком общественной темной сторгии.

Главный порок советского социализма, его беда и его крах в том, что он строился на основе темной сторгии. Сколь опасно взводить темную сторгию, видно по тому, что она до сих пор дает о себе знать в самочувствии людей лишь родившихся при советской власти.

Темная сторгия – одна из основополагающих сторон огромной страны в 30-ые и 40-ые годы. В некоторые годы она становилась доминирующей и превращала людей в сообщество, в котором общедушевное чувство ближнего заменялась близостью по сторгической ненависти. К кому? К «врагу», конечно. Постоянно говорилось, конечно, и о внешних врагах, о мировых империалистах, на самом же деле стрела темной сторгии всегда была нацелена на внутреннего врага, на темноторгического ближнего.

В целях темной сторгии «враг» этот – не «чужой», а непременно «свой», из своих рядов, из состава тех, на кого подobaет распространяться светлому чувству ближнего. Мало (да и не столь важно) выявить «врага», надо обнаружить его в самых близких – в отце, муже, друге, брате.

Узнавание в ближнем «врага» – это сторгическая встреча со знаком «минус». «Враг» – тот ближний, кого следует вычестить из жизни, предварительно догола раздев его высшую душу. Вот почему разоблачение своего стало культовым действием. От человека требовалось публичное отречение от своих родителей, детей, жены, друзей. Карательные Органы – священны в обществе темной сторгии, ибо они раскрывают врага, который везде. Госбезопасность – главный источник темной сторгической одухотворенности. Сторгическая ненависть в 30-ые, 40-ые, 50-ые годы прошлого века возводилась в ранг внутреннего благородства, высшего душевного достоинства всех лояльных режиму граждан. Ни часу без темноторгической ненависти! Так воспитывали детей и перевоспитывали взрослых.

Атмосфера всеобщей подозрительности, которую за короткий срок надышала огромная страна, поиски «врага» в ближнем служили для того, чтобы зачернить в людях дружество, светлое сторгическое чувство и заменить его принудительным «товариществом» в сторгической ненависти. Только при таких общедушевных условиях, возможно было вызвать искусственный голод, совершить раскулачивание и коллективизацию, вывернувшие корни нации, уморившие носителей народной сторгии – российское крестьянство.

По агапическому чувству, возвещенному 6-ой заповедью Нагорной проповеди, человек любит врага, который ненавидит тебя. Вершина же темной сторгии – ненависть к друзьям, которых любишь. Абсолютная вершина такого жизнечувствования это, конечно, Павлик Морозов – советская сторгическая ненависть десятилетнего сына к врагу-отцу.

Темная сторгия стала основой морали, и это не безнравственность, а род общественного нравственного уродства. Благодаря сторгической раздвоенности любовь и ненависть к одному и тому же лицу могут совмещаться в душе. Любовь для советского человека – личное дело, темносторгическое отвращение – дело общесоветское.

Темносторгическое тоталитарное сознание не «черно-белое». Темное сторгическое чувство не умеет переживать «белое». Оно переживает только «черное». «Белое» для него это абсолютное «не-черное». В Царстве темной сторгии следует не просто грязнить светлое, сохраняя хоть какую-то достоверность, а невзирая на достоверность, превращать светлое в исчерни-черное. Чем грубее делается это, тем лучше.

Все белое должно было называться черным, и наоборот, не для того, чтобы ввести в заблуждение и не для самого по себе обмана, а как филическое подспорье делу сплоченности темной сторгией. В этой дурной сплоченности нельзя сказать о праведнике, что он грешен, – будет неубедительно; убедительно для темного сторгического чувства, что он – подонок. «Черным» в Царстве темной сторгии не делаются, им объявляются. Тут требуется ненавидеть любимого друга, если он объявлен «врагом».

Самое главное слово 30-х годов – «бдительность» – с абсолютной художественной верностью выражало господство темной сторгии. Под «бдительностью» понимали не только поиск «врагов» в ближних, но и, одновременно, отыскание объекта для общедушевной ненависти разного рода. Атмосфера тотального устрашения 30-х годов катализировала психическую жизнь народных душ в такой степени, в какой это бывает разве что на войне. Режим специально предоставил всякому желающему возможность удовлетворить темносторгическую потребность, обратившись с доносом во всемогущие органы. Удивительно, как сильна именно тогда оказалась эта темносторгическая потребность в людях...

«Тотальный страх», конечно, существовал в обществе, сплоченном темной сторгией. В страхе того поколения перед органами тайной полиции спрессовались вместе и темносторгический и психический ужас. Это был страх сделаться адресатом надличной и всеобщей сторгической ненависти, исходящей вместе с тем от самой по себе коллективной интерпсихической силы. Гипнотическая сила этого страха была такова, что лишала даже самых бесстрашных людей воли, разума, способности к протесту.

Советская темная сторгия в чистом виде существовала в конце 20-ых и в 30-ые годы. Дальше, в годы борьбы с действительным врагом, она ушла на второй план. После войны режим попытался реанимировать темную сторгию (борьба с космополитизмом).

После смерти Сталина темная сторгия потеряла силу. И вновь неожиданно, парадоксально и грозно возродилась во второй половине 80-х годов. Затем началось нечто неправдоподобное, для осмысления чего еще не настало время.

Часть 2. Личная духовная жизнь человека. Мужской путь восхождения

1 (15)

Как природное психофизиологическое существо человек создан и сделан в степени, пригодной для создания целостного учения о нем. Но как существо духовное, в духовной жизни, человек не только не завершен, но не вошел в зрелость. Человек не живет той духовной жизнью, которой способен жить. И потому создавать учение о жизни внутреннего мира человека, опираясь на того человека, которого мы знаем, нельзя.

Духовная жизнь отличается от душевной жизни тем, что задана наперед. Духовная жизнь это, прежде всего, рост, и потому учение о духовной жизни это всегда учение о грядущем в отношении нынешнего, учение о преображении духовной жизни, и иным быть не может.

В жизни человеческой создается нечто, что в ней не содержится. Человек создан и живет для работы, совершить которую ему необходимо по Замыслу Господа, и растет к тому, что ему задано. Все преображения человека, на наш взгляд, имеют ввиду не человека и его благо, а достижение новой ступени в осуществлении Замысла на него.

За духовную жизнь как таковую люди, как правило, принимают жизнь общедуховную – совокупную, соборную, конфессиональную – ей отдают душу, ей служат тысячелетиями, за устои ее кладут жизни, только ее разрабатывают, ею вдохновляются и на нее уповают. Своей собственной духовной жизнью человек считает не свою обособленную, а свою особенную, отличную от других, но все ту же общедуховную жизнь, которая, на наш взгляд, есть жизнь на одной из трех сторон внутреннего мира человека. Кроме духовной жизни на общедушевной стороне у человека есть духовная жизнь на другой стороне его внутреннего мира, жизнь приватная, личная духовная. Духовная жизнь на третьей стороне – стороне Встречи – есть сторгиодуховная жизнь, возникающая в любви мужчины и женщины. Все эти три стороны и жизни равнодостоинны, каждая не более, но и не менее, значимая и полноценная, чем другие.

Развитие общедуховной жизни идет тысячелетиями и преобразуется веками. Преображение личной духовной жизни совершается в течение одной человеческой жизни и вписывается в любое историческое время.

Во времена Сифа и Еноса люди жили исключительно личнодушевной и личнодуховной жизнью, но не вынесли внутренней свободы, свойственной такого рода жизни, растлили себя и Землю. Господу пришлось наслать Потоп и ввести человека в режим единой всечеловеческой души. Когда же люди попытались воздвигнуть Вавилонскую Башню «высотой до небес», Господь, увидев, что «строили сыны человеческие» и что «не отстанут они от того, что задумали делать» (Быт. 11:6), делит всечеловеческую душу на многие и многие Общие души отдельных народов. С этой поры человек живет на две стороны: общедушевной и общедуховной жизнью, которой он живет вместе со всеми, и личнодушевной и личнодуховной жизнью, действующей не в какой-либо общности душ, а проистекающей из самой по себе единичной обособленной души с заключенными в ней силами и потенциями.

Общедуховная жизнь доминирует в человечестве. Личная духовная жизнь не отчленена от общедуховной жизни, не вычерчена в осознании и не принята людьми как самостоятельная духовная жизнь. Люди склонны рассматривать свою личную духовную жизнь исключительно с позиций и во благо общедуховной жизни. Как будто опыт личной духовной жизни ценен лишь тогда, когда этим опытом можно воспользоваться для общедуховной жизни. Это не так.

Есть личная одухотворенность и есть одухотворенность, обусловленная духовной сплоченностью народа. Последняя, пусть и в разной мере, доступна всем, взывает к каждой душе, которой нужно лишь суметь внедриться в первую, чему люди охотно обучают друг друга. Обучить жить личной духовной жизнью никого нельзя. Личнодуховная жизнь элитарна. Не все способны на нее. Можно помочь тому, кто способен и желает жить ею.

В резервуаре общедуховности все готово для жизни каждого. Человеку остается брать из этого резервуара для достижения того, что достигалось до него и будет достигаться после него. Тут всё зависит от возможностей данной души, ее целенаправленных усилий и предоставленных ей условий. В результате же броска личнодуховного роста в душе что-то «рождается» –

потому и рождается (а не просто обретается), что это то, чего еще не было и что одними своими потугами произвести нельзя. Личнодуховный человек должен всегда находиться в готовности, в рабочем, «рожающем» состоянии; что из этого выйдет, то выйдет.

Духовный рост – не улучшение уже имеющихся качеств, не совершенствование данных свойств и способностей души и не обогащение дополнительно обретенными свойствами и талантами. Основной критерий и основное достижение духовного роста – «увеличение жизни», приращение жизненности, наполнение высшей, чем та, которая есть, жизненностью и разумностью.

Духовный рост – один из основных глубинных мотивов человеческой жизни. Мотив личной духовной жизни – ускорение духовного роста. Мотив общедуховной жизни – создание, укрепление, консервирование созданного (на любой достигнутой ступени создания) и упрочение его.

Общая душа развивается в исторической перспективе, взвешивая каждый шаг, осторожно, сознавая меру ответственности за перемены. В личнодуховной жизни нет той опоры, того многовекового настоя, той определенности и авторитетности, которые обеспечивают надежность общедуховной жизни. Броски серафической жизни обычно неожиданны, непредсказуемы, необоснованны.

В акте личнодуховного роста человек становится выше и глубже себя, сам добывает в себе до того неведомые глубинные пласты жизни и разума. Такого рода скачок на более высокую степень одушевленности, духовной полноценности и свободы означает преобразование (и, значит, отмену) уже устоявшейся, неподвижной душевной жизни.

Душевное спокойствие одна из основных ценностей общедуховной жизни. Общедуховная жизнь стремится к спокойствию, воспринимает спокойствие души благом. Душевное спокойствие для личнодуховной жизни это в лучшем случае передышка трудов роста, отдых и никак не ее задача, ее благо или ее знак. Личнодуховной жизни нужна борьба, но борьба не с действительностью и не за улучшение действительности, и вообще не там, где «действительность», а где то Царство Божие, которое «внутри есть».

Общедуховная жизнь в значительной мере обращена в прошлое, к истокам традиции, и в будущее, к осуществлению чаемого. Личная духовная жизнь проистекает, и проистекает только в минуту настоящего. Прошлое в ней имеет значение следа в настоящем, будущее значения не имеет, так как не будущее устанавливает в ней направление движения. Личная духовная жизнь вдохновляется не грядущим, а нынешним, направлена так и туда, куда в минуту настоящего зовет путеустанавливающее чувство себя заданного, в совершенстве выраженного.

Идеальные состояния в общедуховной жизни принципиально достижимы, а иногда и обязательно достижимы – чрезвычайными ли усилиями человека или по дару свыше. Личнодуховная жизнь стремится к принципиально недостижимому Идеалу, действующему в качестве двигателя духовного роста.

Личная духовная жизнь движется не от подлинника к подобию и не от подобию к подобию, а к тому, кого не было и не будет, кто есть сейчас в чувстве провидения себя должного.

Жизнь в общедушевном потоке склонна руководствоваться общими всем чувствами, с трудом выносит сомнение, незнание, поиск. Общая душа – душа поневоле твердая, и твердо верующая. Вопрошание не свойственно общедуховной жизни, и в ней не приветствуется.

Сомнения, поиски, страдания мысли, даже нерешительность и робость для личной духовной жизни естественны и составляют могущество ее жизненности. Вопрошание – один из начатков личной духовной жизни. Вопрошание – и проявление интереса к жизни и исходный момент духовного роста. Человек, живущей личной духовной жизнью, всегда живет жизнью вопрошающей. Самостоятельность, самостояние, стремление осознать себя для личной духовной жизни суть родовые признаки, достоинство которых есть показатель ее достоинства.

Достоинство каждого человека в общедушевности определяется в сравнении с другими людьми. Достоинство человека личнодуховной жизни никак не в сравнении с другими, а в том, каков он в отношении самого себя, в сравнении с таким собою, каким он мог бы стать: ниже ли он себя, равен ли себе или, редкий случай, выше самого себя.

Общедуховная жизнь красна самопожертвованием, обычно связанным с подвигом или восторженным стремлением к нему. Высший акт личной духовной жизни – самоотречение, но не самоотрицание, не аскетизм, не жертва своим или собою, не гибель того, от чего отрекаешься, и даже не умаление силы. Для самоотречения в личной духовной жизни ничего подавлять в себе не нужно. В отличие от самопожертвования оно не совершается волевым актом, а добывается в результате долгого и напряженного духовного роста.

Общедуховный человек чувствует ответственность прежде всего перед Кем-то или кем-то над собой. Личнодуховной человек прежде всего сознает ответственность в себе, перед кем-то в себе.

Личная духовная жизнь по большей части проявляется в борьбе и преодолении. Просто так, без дела, подъем на более высокую точку себя не совершается.

Рост личной духовной жизни идет на преодолении «препятствий», которые во множестве поставляются жизнью. Для общедуховной жизни их лучше бы совсем не было. Основное умение в общедуховной жизни – не допустить возникновения соблазна, не пускать его в себя, держать дверь в душу закрытой от него.

Общедуховная жизнь всегда стремится организовать течение жизни человека под его нужды. Личная духовная жизнь проистекает в специально никак не организованном житейском потоке. Существующую действительность с общедушевной точки зрения можно принимать или не принимать. Существующая действительность с личнодушевной точки зрения есть то, что необходимо человеку в качестве препятствий жизнепроехования, без которых душе нельзя.

Сама горестная жизнь наша, со всеми страданиями и несчастиями, используется в личнодуховной жизни для самооживления и духовного роста. Требуемые преодоления всевозможные препятствия, преграды, завалы, ловушки, даже несчастные случаи необходимы для живущего в личнодуховности человека и его работы, есть страдания его рабочих мук, которые общедушевному человеку представляются злом.

Выход в иные миры, в метачеловеческое состояние сознания или жизни, считается в общедуховной жизни высшим достижением адепта и используется в качестве притягательной силы и как свидетельство истинности Вероучения.

Личнодуховная жизнь запрещает покидать свой пост, выходить за пределы человеческой жизни. Иначе уничтожатся и препятствия, необходимые для духовного роста, и с ними вместе смысл личнодуховной жизни.

В монотеистических религиях считается: все по Воле Господа Бога, и всё для человека, для его блага, блаженства, спасения. С личнодуховной точки зрения человек не любимое детище Господа, а работник, рабочий Господа, Его работа и Его орудие, которому важны не свои блага, а Его хозяйская воля.

2 (16)

Осознание противоречий между личнодуховной и общедуховной жизнью важно для общей ориентированности человека в своей внутренней жизни и для уяснения Источников той и другой.

Общедуховное религиозное чувство устанавливается и формируется Верой. Общедуховная жизнь держится на приверженности и непреклонности, устанавливаемой верой-доверием. Вероисповедание – позиция Общей души по основным вопросам жизни. С общедуховной точки зрения истина есть то, что провозглашено в таком качестве Вероисповеданием или, на худой конец, объективно доказано.

В общедуховной жизни правит не истина, а верность, – верность Вере, общедуховным устоям и мировоззренческим установкам. Вера, какая бы она ни была, – всегда истинная, в том смысле, что снимает вопрос истинности и неистинности, и быть иной – неистинной – не может.

Понятие общедуховной Веры неприменимо к достоверности в личнодуховном смысле и наоборот.

В личной духовной жизни нет вопроса приверженности вере – есть вопрос мнимости душевной жизни и ее подлинности, душевного лицемерия и искренности. Неискренний человек не способен на личную духовную жизнь так же, как неверующий не способен на жизнь общедуховную.

У личнодуховного разума свои откровения разума, быть может, и не новые в истории мудрости человеческой, но новые для себя. Эти откровения – откровения своей мудрости – возникают от сердечной способности вникновения, проникновения и постигновения, – прежде всего внутридушевной жизни и путей ее превращений.

Поиск истины своей мудростью идет не наугад. Носитель своей мудрости обладает чутьем на истинное, на направление к истинному. Перед его разумом, как из спутанного клубка, торчит множество концов ниточек, но он знает, куда взглянуть, за какую ниточку тянуть, чтобы вытащить то, что он ищет.

Прежде, чем начать думать, надо почуять глубину мысли в том, над чем предстоит думать. Еще не зная самой мысли, своя мудрость знает, где и в каком направлении искать ее. Своя мудрость обладает особой чуткостью к истинному, важному, неважному, то есть обладает интуицией на глубокую мысль. Это неперенное условие работы своей мудрости.

Своя мудрость – это всегда слушание: либо в свою душу, либо из души в душу, либо слушание живой души вообще; но не вещи. Своя мудрость постигает только одушевленное, и в состоянии действовать только там, где признает душу живую. Своей мудростью постигается душа другого человека или собаки, лошади, таракана даже, но не Вселенной с ее законами. В материальном мире она ничего не видит, видеть не может и не желает. Неодушевленное – темная для своей мудрости сфера.

Видение своей мудрости является целостной формой восприятия живой души. Своя мудрость не имеет дело с частями, только с целостностями. Она словно не способна разлагать на части. Что не означает, что она схватывает сразу в полном объеме. Узнавая цельную картину душевной жизни, своя мудрость каждый раз заново считывает самоизъяснения разума, слышит по-разному и выдает неодинаковые цельные картины. Двух одинаковых считываний не бывает. Но на всех них непременно лежит отпечаток личной одухотворенности ее носителя.

Личнодуховному разуму всегда мерещится. Сегодня – одно, завтра – другое. Вопрос об его эмпирической пригодности своей мудрости не ставится. Нельзя свою мудрость и поверять логикой. Она внелогична. И чем человек искреннее в выражении работы своего собственного разума, тем больше он рискует обнаружить противоречия в своих взглядах. Кто не противоречит самому себе, тот или лжет мыслью, или еще не начинал мыслить.

Внелогичность своей мудрости – несомненное благо. Она не дана для того, чтобы конструировать машины. Утилитарно использовать его невозможно. Она не пригодна к этому.

Своей мудростью нельзя вершить зло в мире; нельзя ее и использовать во зло.

Мысль мудрости – живая. Как все живое духом, она способна расти свободно, сама из себя, все более и более прозревая, обретая все большую и большую зрелость и глубину.

Своя мудрость ищет не доказательства истины, она распознает правду и ложь, различает то, что важно, от того, что неважно и, главное, находит «свою истину», достоверность которой обеспечивается собственной интуицией на глубокую мысль. Своя мудрость – это орудие узнания своей истины душою. Своя истина – личная разумность, мудрость своего сердца.

Своя истина обретается человеком не благодаря доказательствам, доверию к ней или общей уверенности в ней, как истина общедуховная, а благодаря ее личностной состоятельности, достоверности и внутренней убедительности.

Под своей истиной мы разумеем не то, что объективно доказано, не научную истину, а достоверное решение основных вопросов жизни человека как такового: ее цели, ее смысла, посмертной участи, ее ценностей. Своя истина дает личные ответы на вопросы о жизни и смерти отдельного человека.

Обычно человек делает усилия понимания в целях дальнейшего своего проживания, в котором сподручнее жить по понятному. Он понимает, чтобы жить. В личнодуховной жизни наоборот: жить, чтобы более и более понимать, все более увеличивать полноту мудрости в себе, всё глубже постигать свою истину, расти духом.

Своя истина – своя сердечная истина и особенное свое сердечное отношение к человеческой жизни. Свою истину человек может только угадывать, и угадывать не мозгом, не умом, а своей мудростью.

Верная мысль, то есть своя истина, это всегда верно угаданная мысль.

Работа угадывания направления к истине идет почти автоматически. Своя мудрость сама собою бродит, перебирая, предполагая, проникая, отвлекаясь и вновь ища. Но как только получает хоть слабый сигнал истинности, так тотчас прекращает перебор. С этой остановки своя мудрость идет словно на запах, предвкушая духовное наслаждение.

Когда человек встает перед решением вопросов жизни, то он пытается вобрать всю целостность ситуации, в которой он оказался, разом показывает ее себе и спрашивает: как быть мне? где правда? чему и кому верить? что более и что менее важно, ценно, нужно? что главное? что сначала и что потом? что добро и что зло? – как жить? И каков должен быть сам порядок работы мысли, о чем прежде думать, о чем после? На все эти вопросы человек, прежде всего, ищет готовые ответы в глубине себя.

Своя мудрость всегда находится в процессе узнавания, узнания и постигновения из себя, определенно схожего с воспоминанием знакомого. Своей мудростью в душевном слушании узнаешь знакомое. Радость открытия, совершенного своей мудростью, и самой его работы – это всегда радость восстановления словно утраченного в душе, точно воскрешения чего-то в ней, ее оживления. Я мыслю, значит, я оживаю. Кто хоть раз был полон этой радостью, тот мог заметить, что в этот момент, – что бы ни открывалось ему – он всех и все любит. Для узнания (себя ли или другого в себе) нужна особая душевная чуткость, обретаемая любовью. Не только действие, но и передача мудрости без любви затруднена или невозможна. И, слава Богу.

* * *

Общедуховность диктует чувство долга, моральной ответственности. Этические установки – правила, установленные Общей душой на своем поле. Моральное чувство – несвободное переживание, основанное на том, что в данное время Общей душой принимается за нравственную норму, что позиционируется хорошим и дурным, добрым и злым. Этические установки и моральное чувство призваны обуздывать эгоистические (в смысле, противообщественные) воления и устремления.

В отличие от общедушевной жизни в личной духовной жизни нет определенных правил или заповедей, устанавливающих исполнение. Всё зависит от уровня нравственного духовного сознания человека на данный момент. Уровень этот устанавливает личную заповедь в себе, действительную только на ныне переживаемый этап собственной жизни.

Принцип неделания хорош тем, что становится делание в зависимость от уровня духовного сознания, соответственно чуткости нравственного сознания и нравственной воли.

«Око за око» – принцип справедливого воздаяния, на котором строится мораль человеческого общества, в том числе и правового. Пятая заповедь Нагорной проповеди о непротавлении злomu насилием обычно представляется неисполнимым идеалом морального закона,

состоящим в одной и той же линии морали, что и закон справедливости, но возведенный на высшую ступень, к этическому потолку. Однако, это не моральный максимализм, а провозглашение свободного нравственного чувства, отталкивающегося от этического закона как такового. Пятая заповедь противопоставляет свободно нравственное и моральное – идеал ненасилия идеалу справедливости, общественным заповедям самого высоко разбора.

В элементарном виде свободное нравственное чувство знакомо особо нравственно чувствительным людям, улавливающим и разоблачающим не очевидную безнравственность тогда, когда они душевной болью реагируют на этически не регламентированную низость или морально некрасивый поступок, который большинство людей сочли бы морально чрезмерным (вспомните героя толстовского «Воскресения») или мелочью, не заслуживающей нравственного возмущения.

Установления морали выработаны по этическим соображениям общества, и отталкиваются от недолжности причинения общественного или личного вреда. «Не делай другому того, чего не хочешь себе».

Нравственное чувство личнодуховной жизни исходит из нравственной интуиции отдельной души и непосредственно опирается на свободу своего нравственного чувства: Не делай ничего, что не соответствует свободному нравственному чувству, то есть своей совести – своей, а не чужой или всех.

Звучность, полнота и достоинство свободного нравственного чувства – своей совести личнодушевной жизни человека – зависит исключительно от уровня нравственного духовного сознания души. Что при этом одобряют или осуждают установления этики, для своей совести не имеет значения.

Этическое сознание текуче и податливо. Его можно обмануть. Построенное на нравственной интуиции свободное нравственное чувство обмануть нельзя.

Личная духовная жизнь озарена свободным нравственным чувством, нравственной интуицией, выражающей активную свободу души, а не ее этическую подотчетность. Свободное нравственное чувство не бывает ригорично, ибо оно основано не на непреклонности, как общедушевное моральное сознание, а на Идеале и Искренности. Искренность, еще и с этой стороны, есть необходимое условие полноценности личной духовной жизни. Искренность в личной духовной жизни столь же могучая осуществляющая сила, что и разум. Особое одухотворение духом честности и искренности в росте личнодуховной жизни происходит само собой.

3 (17)

Нельзя сказать, что сознание своей истины и чувство своей совести знакомо всем людям или многим людям. Нельзя сказать, что то и другое может быть знакомо всем или многим. В обладание своей истиной и своей совестью входят только те редкие люди, в которых задействовано духовное сознание истинности или нравственное духовное сознание.

Своя истина – не истина, которая доказана или принята по многовековой традиции или по конфессиональному или научному соглашению, и вообще не утверждение, а выявление определенной ступени проявления духовного сознания истинности души конкретного человека. Своя истина добывается интуицией на глубокую мысль и принимается по достоверности для духовного сознания истинности. Своя истина – не знание, а элемент личного духовного сознания истинности, и соответствует степени проявленности духовного сознания истинности в душе человека.

Так же и своя совесть есть выявление свободного нравственного духовного сознания души.

Людьми личнодуховной жизни свойственно нести свою совесть или свою истину потому, что лучи духовного сознания истинности и свободного нравственного духовного сознания поступают в каждого из них. Откуда?

Лучи духовного сознания истинности и свободного нравственного духовного сознания поступают в человеческую душу не от безличной или надличной инстанции, не из всеобщего Источника, а от своего личного источника и действуют только в этом человеке (и только через него), и ни в ком другом.

Потоки духовного сознания истинности и нравственного духовного сознания не пронизывают внутренний мир человека как такового, а только того, кто причастен ближайшему источнику их. Лев Толстой называл его «ближайшим духовным солнцем» и «Богом своим». Мы будем называть его своим серафом.

Своя истина и своя совесть не задается человеку генетически, астрологически или еще как-то. Быть может, врожденные или обретенные направленным трудом способности вынудят того или иного серафа обратить внимание на человека, но ничего не решат за серафа, и не обеспечат работу личнодуховной жизни человека.

Исходящее от серафа нельзя присвоить, завладеть силой или упорным трудом, но можно проявить в себе, когда оно получено от своего серафа.

Сераф участвует в движениях жизни того человека, который, живя с ним одной и той жизнью, способен принимать его в себя и тем увеличивать полноту своей жизни. Своей мудростью человек способен все больше и больше постигать свою истину потому, что несет своего серафа. Тот, кто не несет в себе серафа, тот и не может быть способен на это.

У каждого личнодуховного человека свой сераф. Личнодуховный человек и его сераф – в единой системе жизни и жизнепроектирования. Личнодуховный человек посылается в земную жизнь своим серафом, и тот же сераф в некотором смысле принимает его обратно.

Личнодуховную жизнь человека правильно называть его серафической жизнью.

Своя истина – в отличие от «чужой истины», которой обычно пользуется человек, – истина серафической жизни. Свои мысли могут быть только у человека, обладающего своей истиной.

Своя совесть – в отличие от «чужой совести», которую обычно прикрепляют к себе люди, – совесть серафической жизни.

Чем полнее и ярче проявляется духовное сознание истинности серафа или его нравственное духовное сознание, тем ярче и мощнее своя совесть или своя истина. Более того, своя истина и своя совесть и есть чувство-сознание проявленного серафа в человеке. Сераф чувствует себя в человеке, и человек чувствует своего серафа в своей истине и в своей совести – в своей серафической жизни.

Сказать, что духовное сознание истинности поступает в душу, все равно, что сказать: сераф внедряется, как бы становится мною, а я им.

Своя истина и своя совесть проявляются в человеке – и в этом смысле принадлежат ему – при внедрении в него серафа.

Сераф сознает и чувствует себя в человеке «своей истиной» (добываемой своей мудростью) и «своей совестью» (добываемой своим свободным нравственным чувством). Говоря о своей истине и своей совести, мы тем самым подозреваем присутствие серафа в душе человека.

Сераф объявляется в человеке прежде всего в проявленности духовного сознания истинности и нравственного духовного сознания. Полнота и достоинство того и другого зависят от уровня духовного сознания своего серафа.

Своя истина и своя совесть есть чувство-сознание жизни Бога своего, своего серафа в душе человека.

Сераф постепенно проявляет свое чувство-сознание жизни в душе человека, живущего серафической жизнью, и тем определяет жизненные движения его. Ему от него что-то нужно.

* * *

Свой сераф в нашем понимании это не серафим, не небесное ангельское существо, не архангел, а постчеловек (вернее, особого достоинства постчеловек среди других постчелове-

ков), порожденный по результатам многих человеческих жизней и от себя посылающий человека в жизнь, задающий ему его особенное назначение в жизни, основные параметры судьбы личнодоуховной жизни и во взаимодействии с человеком совершающий восхождение.

Человек от своего серафа получает задание на жизнь и в той или иной степени обеспечение его. Находясь в паре со своим серафом, человек работает на него, выносит ему из земной жизни то, что ему нужно для его жизни, и подымает его на более высокую ступень его восхождения. Сераф прирастает результатами человеческой жизни, и более или менее руководит ею.

Созданию серафа (и керува), его (их) назначению в Замысле и многим проблемам взаимодействия человека и серафа посвящен весь второй том «Становления и преобразования человека».

В привычном нам смысле сераф не «входит» в человека и не «выходит» из него, всегда оставаясь там, где он есть, в постчеловеческом мире. И, тем ни менее, мы в предварительном порядке будем говорить о внедрении серафа в личнодоуховную жизнь человека.

Своя истина – это не то, во что верят, и не то, что доказано, а продукт одного из бросков личного духовного сознания. Своя истина все более рождается в душе человека вместе с серафом. «Рождение» это происходит по мере его духовного роста, но не по одному хотению человека, а по мере созревания в нем серафа.

На первый взгляд, может показаться, что работа своей мудрости происходит без связи, без сюжета, по прихоти. Но это не так. Своя мудрость не веет, где захочет. Раскрытие своей истины, как маленьких ее участков, так и больших фрагментов, задана жестче, чем в поступательном развитии интеллекта. Своя истина жестко поставлена в таинственный ряд. Стройность этого ряда, этого порядка хода своей истины устанавливается не человеком и не какими-то законами, а неведомым человеку надчеловеческим ходом жизни своего серафа.

Своя истина возникает не в процессе познания, она рождается в процессе совместной личнодоуховной жизни человека и его серафа. Когда своей мудрости необходимо освоить какую-то предшествующую мысль, то это нужно не потому, что последующая вытекает из предшествующей, а потому, что она позже порождена в процессе жизни серафа в человеке.

Каждое движение своей мудрости обеспечивается не предшествующей мыслью и не логикой, а уровнем проявленности духовного сознания истины в душе. Каждая своя истина не может объявиться ранее, чем достигнут соответствующий ей уровень. Жизнь серафа постепенно проявляется мозаичной картиной мудрости. Стройность построения этой картины определяется сюжетом проявления серафа во внутреннем мире человека. Процесс этот у каждого человека и его серафа свой.

Ни одно прозрение своей истины не может забежать вперед, стать без очереди, не на свое место. Что проявится сначала, а что потом и на каком уровне, неизвестно. Ни одна своя истина не может объявиться преждевременно. Освоить ее, даже тогда, когда она уже угадана, но еще не обеспечена соответствующим уровнем духовного сознания в душе, нельзя. Она не приживается, не укореняется, повисает в воздухе.

Каждому плоду своей мудрости человека установлен его серафом свое время. Получить прозрения серафа по собственному произволу нельзя. Но и до каждого прозрения надо добраться в трудах личнодоуховной жизни. Для каких-то прозрений нехватает дистанции жизни.

Как назвать, как обратиться к своему серафу, в каком лице?

Не в первом лице, не как к «Я», с которым сераф в качестве источника духовного тяготения состоит в слитности. Не во втором лице, не как «ты», так как сераф не подобен человеку и не сродственен его «я». И не в третьем лице, обозначающим постороннего или отсутствующего. Для обращения к серафу необходимо иное лицо, которое не было бы ни первым, ни вторым, ни третьим, в положительной ли, в отрицательной ли форме, но включало бы в себя их всех и при том передавало живое чувство.

Человек сознает и переживает серафа как семя своей личной духовной жизни, в качестве своего отцовского первообраза.

Грамматически «отец» есть такое «он», в котором дано «я» и вместе с тем более полное, «целое» «я», то, что произвело мое «я» из себя. Сын воспринимает своего отца и обращается к нему не в первом, не во втором и не в третьем лице. Отец для сына – четвертое лицо. Но если в отношении плотского отца сын, утверждая свою автономность, рано или поздно стремится к саморазличению, то в серафической жизни, в отношении духовного отца, человек стремится к утверждению силы духовного тяготения к «духовному солнцу» отца-серафа.

Про своего серафа можно говорить как о серафическом отце или серафическом четвертом лице, лице отца.

В составе человечества живут две генерации людей. Одни обладают серафическим отцом, другие не обладают. Взвести серафическую (личнодуховную) жизнь тех, которые неспособны жить ею, нельзя. Не потому, что у них различные души, а потому, что они живут иначе.

Серафическое лицо запускает движения личнодуховного роста души. Без серафического отца человек не становится первопроходцем в своих делах истинности, искренности, совести. У него нет потребности нравственного совершенствования (в отличие от совершенствования тела, плоти, психики, творческих способностей). Сама мысль о нравственном совершенствовании неприятна такому человеку.

Без серафического отца человек может быть и умен и тонок, даже талантлив, но ему от себя самого сказать нечего. В нем нет той петельки, за которую его можно зацепить крючком более высокого сознания. Он духовно не цепляем.

Без пробойной силы серафического отца не скажешь себе правду о себе.

Люди серафического отца – люди серафической жизни – сами стремятся принять в себя струю более высокого сознания жизни. На давний вопрос: способно ли искусство изменять людей? – есть ответ: людей серафической жизни, людей серафического лица может.

Внутренний мир людей серафического отца можно уподобить горючей жидкости, а людей без серафического отца – воде. Первые загораются и разгораются от огня. Вторые при нагревании бурлят и кипят, но и гасят тот огонь, который подносится, чтобы зажечь их.

Без серафического отца человек может быть хорошим, честным, добрым, умным, но не носителем высших интуиций, прежде всего интуиции разума на глубокую мысль, мистической интуиции и интуиции «своего»: своего образа одухотворенности, своего мировоззрения, своего духовного служения, своей истины, своего другого Я, своей Общей души, своего Пути жизни.

Личнодуховной (серафической) жизнью живет не человек сам по себе, а человек-и-сераф. Сераф внедряется в человеческую жизнь; глубина этого внедрения изменяется на Пути восхождения человека.

4 (18)

Всякое религиозно-нравственное учение выставляет в качестве образца некоторое высшее состояние души и учит достижению его. Это может быть то или иное состояние святости, праведности, просветленности, веронаполненности, исполняемости и прочее. Достоинство человека внутри религиозной сплоченности, в общедуховности, определяется по достигнутой им ступени на пути к заданному совершенству. Чем выше ступень, тем выше достоинство человека. По учению о личнодуховной жизни это не так.

«Ни одно состояние по этому учению, – пишет Толстой, – не может быть выше или ниже другого. Всякое состояние по этому учению есть только известная, сама по себе безразличная ступень к недостижимому совершенству и потому само по себе не составляет ни большей, ни меньшей степени жизни. Увеличение жизни по этому учению есть только ускорение движения к совершенству... И потому-то для этого учения не может быть правил, обязательных для исполнения. Человек, стоящий на низшей ступени, подвигаясь к совершенству, живет нрав-

ственнее, лучше, более исполняет учение, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не подвигающийся к совершенству» (28. 79).

Понятно, что никакая общедуховная жизнь не может строиться на таких устоях.

«Большее или меньшее благо человека зависит по этому учению не от той степени совершенства, до которого он достигает, а от большего или меньшего ускорения движения»(28.41), то есть ускорения духовного роста. В личной духовной жизни важна сама по себе скорость духовного роста, нацеленного не на «большое», не на со-стояние, а на «всё большее и большее», на ускорение движения, ибо только ускорение духовного роста дает человеку «увеличение жизни».

Динамика духовных процессов важна и для общедуховной и для личной духовной жизни. Но для личнодуховной жизни только она и важна.

Серафическая (личнодуховная) жизнь есть процесс все большего и большего оживления и духовного роста, – все большего и большего проявления своей истины, своей совести и духовной Искренности. Нет этого процесса, нет и серафической жизни.

Тактически личнодуховный рост можно направить к идеальному состоянию никогда не достигаемого совершенства, заданного, скажем, заповедями Нагорной проповеди, но такая устремленность сама по себе не обеспечивает безостановочного ускорения не только духовного роста, но и душевного самоусовершенствования. Принцип ускорения духовного роста (дарующий максимальную полноту жизни) осуществим, если человек на любом этапе жизни растет не к абсолютной вершине серафической жизни, а к определенной поворотной точке, после которой он входит в новую и качественно иную стадию серафической жизни, где духовный рост обретает иное содержание и направление. Только это способно обеспечить процесс постоянного и максимального ускорения духовного роста.

Серафическая жизнь это род прохождения. Чем дальше, тем больше серафическая жизнь обновляет весь внутренний мир человека и переводит его в новое и высшее качество.

В серафической жизни есть разные периоды и стадии. Каждый возраст серафической жизни имеет позади и впереди себя такие точки перелома, которые могут быть поняты и как завершение утробного развития, и как проявление заданного, просветление уже имеющегося, то есть, быть поняты как рождение. Серафическая жизнь есть последовательный ряд рождений. Ряд этот составляет восходящий Путь личной духовной жизни. Ближайший смысл личной духовной жизни – в путевом прокладывании самого себя. Весь Путь восхождения идет от рождения к рождению и через рождение. На Пути этом кое-что отживает, но ничто не умирает, напротив, все – воскресает и воскресает, то есть неизменно происходит процесс, обратный смерти.

С каждым человеком в течение жизни могут происходить броски роста, всяческие перевороты и превращения, но эти броски не на Пути, так как в результате их человек, расширяя и углубляя себя, не восходит к следующей путевой точке. Путь серафической жизни потому и есть Путь восхождения, что предполагает: в каждой стадии духовного развития есть восходящее движение к следующему путевому рождению, на иную стадию Пути и соответствующий ей характер духовного роста.

Серафическая жизнь основана на духовном росте. У каждого периода серафической жизни свой духовный рост (или свой характер роста), и именно этот рост ведет к следующему на Пути скачку жизни, в новую плоскость жизненности и разумности, на новую кривую путевого движения – к следующему путевому рождению.

Как таковая идея духовного восхождения через определенную последовательность путевых точек вызовет возражения разве что у человека, для которого порочно само представление о Пути. У всех остальных сомнения может породить мысль о существовании нормативного расписания Пути восхождения.

У человеческой жизни есть возможности, невозможности и пределы. Для человеческой жизни в плоти установлен нормативный срок. Если срок этот установлен не по игре случая, а определен свыше, в расчете на возможность достижения гипотетически наивысшего и должного результата путевого восхождения в отпущенный срок жизни, то одно это устанавливает необходимость оптимального расписания Пути по возрастам человеческой жизни.

Чтобы человек смог пройти Путь в продолжение одной земной жизни, он должен не только двигаться безостановочно и в условиях ускорения духовного роста, но и успеть пройти Путь до конца, уложившись в биологически отпущенный срок жизни. Для этого его духовная жизнь должна быть максимально энергична, а сам Путь максимально спрессован и задан, то есть размечен возрастными точками по периодам и стадиям. Заминка на одном из участков Пути угрожает сорвать восхождение на Пути.

Каждый человек серафического отца имеет свою путевую судьбу, но должный Путь восхождения – для всех людей серафической жизни один и тот же. В ином случае у человека никогда не достанет срока жизни на прохождение его.

Вне расписания Пути восхождения могут происходить (пусть и не в каждом столетии) некие заоблачные явления духовной жизни. К ним Путь восхождения и не ведет.

Кривая восхождения Пути ведет к гипотетической духовной вершине всей жизни человеческой и ведет не как-нибудь, а следует имеющему особый смысл сюжету Пути. Путь не просто прохождение путевых точек, а сюжет. Без путевого сюжета путевые точки становятся необязательными, их можно обойти, чем, собственно говоря, ликвидируется сама мысль Пути.

Сюжет Пути задан человеку свыше. Но не Господь Бог устанавливает и размечает Путь восхождения. План кривой восхождения Пути – его этапы, вехи, повороты, подъемы – постепенно и незримо становится в самом человечестве. Вчера в нем еще не было того, что есть сегодня и что в нем будет завтра. Но то, что уже есть, – есть.

От нормативного Пути, установившегося в данный момент развития человечества, строится индивидуальная кривая Путепрохождения личной духовной жизни каждого человека. В этом смысле нормативный Путь – это Путь назначенный, обязательный для прохождения. От возраста к возрасту по нему должен бы восходить всякий путевой человек – всякий, кто способен проходить Путь, кто несет в себе серафического отца.

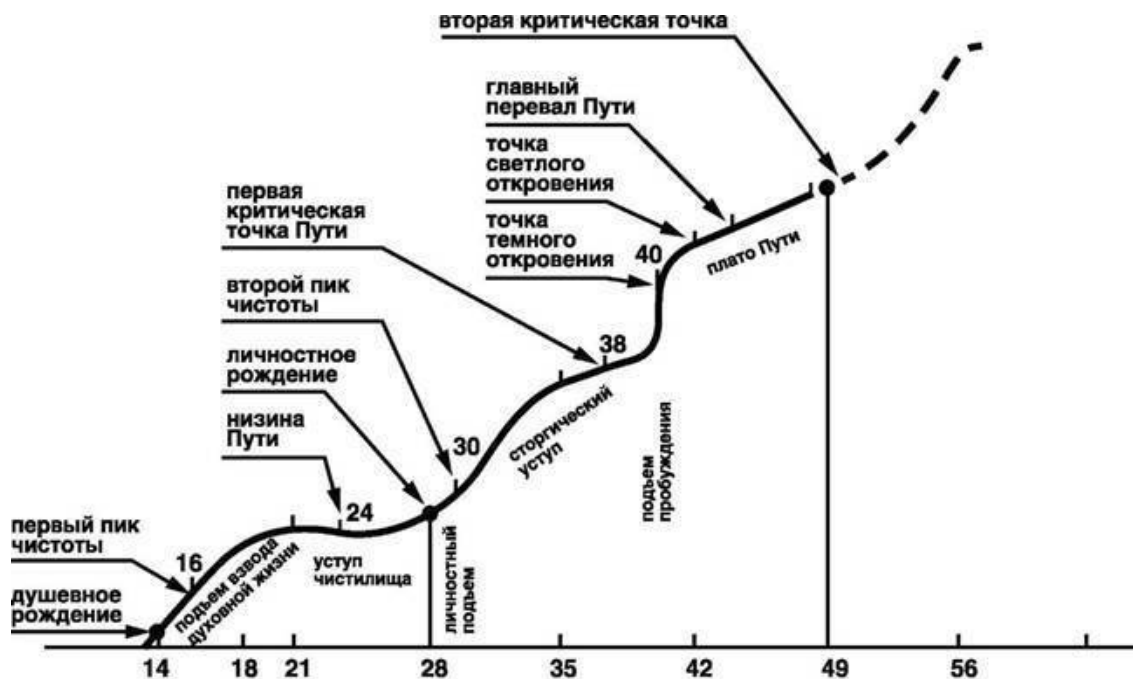

Рис. 3.

* * *

Человеческому жизнесознанию свойственно особое отношение к старости как результату и критерию оценки всей прожитой жизни. Казалось бы, стоит жизнь прожить в свое удовольствие, чтобы последние немощные годы провести пусть даже и в ничтожестве. Но что-то протестует в нас против такой арифметики. Что-то говорит человеку, что эти последние, седые годы, пожалуй, значительнее всех остальных. Тем, наверное, что вбирают в себя и детство, и молодость, и зрелость, являют разом все годы прожитой жизни, показывают ее всю, в целостной картине, выражаемой в душе покидающего жизнь человека. В 20 – хорош, в 35 – хорош, а в 60 – дурен. И вся жизнь насмарку. Будто и не был хорош. По-видимому, где-то между тридцатью пятью и шестьдесятю годами этот человек не успел или не смог преодолеть следующую ступень Пути жизни, не смог и удержаться на достигнутой ступени одухотворенности – и пошел по нисходящей.

Жизнь, такая, какой мы ее знаем, не путевая, на обочине Пути, не на нем самом. В этом смысле Путь – не действительность. Поэтому изучить Путь, изучая действительную жизнь, нельзя. Для подавляющего большинства людей Путь восхождения – не то мечта, не то фантазия, во всяком случае нечто такое, что не имеет практического отношения к жизни и интереса в ней. Житейской мудрости – даже высокого разбора – учение о Пути восхождения не нужно. Она пользуется тем, что на околице этого учения; и – довольно. Практическая ценность центральной мысли учения о Пути пропадает для нее. И не потому, что мысль эта слишком высока, недоступна житейской мудрости, а потому, что она имеет иную исходную установку относительно человеческой жизни.

Все принципы и рекомендации учения о Пути восхождения действительны только для человека, прошедшего хотя бы начальные этапы его и способного на дальнейшее восхождение. Таких людей всегда и везде не много. Остальным учение о Пути вряд ли интересно. Да и всякому, даже путеносному человеку, учение о Пути, будучи элитарным, никак не льстит. Каждый из нас раньше или позднее сходит с Пути или останавливается на нем. И потому учение о Пути может быть в чем-то поучительно, но популярно – никогда. Тут всякий найдет приговор себе. Кому достанет выслушать и принять его?

5 (19)

Путь восхождения – стержень, на который нанизывается жизнь человека в целом, от вхождения в нее до смерти. Человек на Пути живет не от эпизода к эпизоду, а от одной путевой стадии к другой, создает Путь в себе, и все более обретает мистическую ответственность за всю свою жизнь.

Путь восхождения вводит особую градацию ценностей человеческой личности, в соответствии с которой люди различаются по ступеням личной духовной жизни, по достигнутой каждой ступени Пути.

Знание Пути восхождения необходимо человеку личной духовной жизни как знание счисления, на основании видения которого разворачивается весь мир чисел и математических представлений. Каждая точка Пути есть указатель того, что может и должно быть достигнуто к данному возрасту, она определяет нормативное состояние личной духовной жизни в ту или иную пору и дает направление дальнейшего духовного развития. Ориентируясь на Путь, можно стать более ориентированным как в отношении своей духовной жизни, так во всех остальных движениях своего внутреннего мира. Теоретически говоря, каждый может соразмерить себя с надлежащим путеположением на соответствующей его возрасту точке кривой восхождения. Но сделать это, реально говоря, можно только ретроспективно.

Одна из условностей начертания кривой Пути восхождения в том, что она ориентирована по хроносу, по семилетним (вернее, по четырнадцатилетним) циклам. Если бы мы посмотрели на кривую восхождения, построенную на оси, размеченной по переменчивому и индивидуаль-

ному плотскому времени, в котором реально и по-своему живет человек, то и кривую Пути увидели иной.

Кривая восхождения личной духовной жизни – это график изменений ускорения духовного роста на дистанции жизни. И потому она почти везде идет вверх.

Кривая восхождения состоит из подъемов и уступов Пути. Когда на ней прилив (увеличение скорости роста), кривая выгнута, идет все круче и круче, стремясь к вертикали; при отливе она вогнута и идет все более и более полого, стремясь к горизонтали.

Духовный рост находящегося на Пути человека совершается на всей дистанции жизни, но на подъемах Пути ускорение духовного роста возрастает, а на уступах ускорение духовного роста не изменяется или уменьшается. На подъемах человек живет полнее, чем на уступах, становится все более «живым», все более и более наращивает и приращивает духовную жизнь в себе.

Проходить Путь человеку должно всегда, и на приливе, и на отливе, но на приливе ему свойственно вершить себя, на отливе же стараться себя сохранить.

Каждому уступу и каждому подъему на кривой Пути соответствует своя полнота духовной жизни и свое особенное состояние личной духовной жизни.

Кривая Пути идет волнами. Путевой прилив (подъем) сменяется путевым отливом (уступ). С каждого из уступов или подъемов Пути человек может сойти, сорваться, прервать свое восхождение. Дорог схождения с Пути великое множество, множество и соответствующих им душевных состояний. Но собственно путевых состояний у человека семь – на четырех подъемах и трех уступах Пути.

На волне душевного рождения путевой человек переживает состояние подъема взвода духовной жизни (13-17 лет), в начале которого (в 14 лет) происходит душевное рождение, и состояние уступа «чужой жизни» или уступа «чистилища» (18-26 лет).

На волне личностного рождения есть состояние личностного подъема (26-31) и состояние уступа «своей жизни» (31-37).

На волне Пробуждения сначала наступает мощнейший подъем Пробуждения (38-42), вводящий душу через точки темного и светлого откровений на уступ плато Пути (42-48).

На Пути восхождения есть таинственные Критические точки жизни. Это Нулевая Критическая точка в два с половиной-три года. Первая Критическая точка в 36-37 лет. Вторая Критическая точка в 50 лет.

Отметим точку восемнадцатилетия, которая обещает стать Критической точкой и в которой кладется запрет на хождение к личностному рождению.

Нельзя слишком многого ждать от нарисованной на бумаге линии. Это лишь график дыхания восхождения Пути, его отливов и приливов. У каждого человека личной духовной жизни свой ритм дыхания души и свой особый рисунок Путепрохождения. Если смотреть на каждого крупным планом – в ежедневности, ежегодности, – то между днем или годом жизни одного и другого не всегда видно сходство. На более общем плане, скажем десятилетия, сходства в рисунке Пути больше. У каждого своя биография и своя глубина вдоха и выдоха, что изменяет кривую Пути восхождения. Но не ее общий вид.

В точке душевного рождения кривая Пути идет круто вверх, набирает максимальную скорость в точке первого пика чистоты и продолжается еще несколько лет. С двадцати одного года начинается духовный отлив. В нем завершается взвод личной духовной жизни и начинается чистилище Пути жизни.

Года в двадцать три духовный рост вообще прекращается, и кривая восхождения единственный раз выходит на горизонталь. Возможно, что в самой низине Пути идет более или менее активный процесс отрицательного ускорения роста. Здесь, в низине Пути восхождения, происходят наиболее тяжелые ходовые испытания души. Из этого путевого нисхождения не выходит добрая половина всех вошедших в него.

Сразу же после наинизшей точки впадины жизни, лет в двадцать пять, духовный рост сначала медленный, потом набирает силу настолько, что личностное рождение, свое двадцативосьмилетние, человеческая душа справляет на крутом подъеме. Прилив продолжается всю первую половину периода «своей жизни». Слом крутизны кривой восхождения условно произведем где-то между тридцатью и тридцатью двумя годами. Первая критическая точка жизни (36-37 лет) поджидает душу на отливе. Скорость роста на отливах Пути достаточна велика – путеводные силы совсем не стремятся погубить нас.

Середина жизни, область кривой вокруг Первой Критической точки Пути, напоминает по течению пору затишья плато Пути. Других таких отрезков на кривой восхождения нет. Они словно два уступа, между которыми отвесная стена Пробуждения. На одном уступе так же приятно, покойно и легко задержаться, как и на другом. Если за первый уступ считать впадину Пути, то в кривой восхождения обнаруживаются три уступа, три ступени, разделенные крутыми подъемами. На графике кривой ясно вырисовывается трехступенчатый профиль Пути до Второй Критической точки.

До Второй Критической точки человек живет либо на первом, либо на втором, либо на третьем уступе Пути, либо восходит с одного уступа на другой.

Работа перевода Пути со второго уступа на третий должна быть разрешена в Первой Критической точке и начата лет в тридцать восемь.

Годам к сорока-сорока пяти, наступает момент, когда мужчина сознает, что жизнь его пошла на спуск. Эту точку мы в учении о Пути называем главным перевалом жизни. В это время человек в самоощущении впервые становится смертным, реально преходящим. На главном перевале что-то щелкает в душе, переключая жизнесознание из хождения «в жизнь» на сход «с жизни». До этого момента он, падая и поднимаясь, шел как бы вперед, в жизнь. С этого момента он не только плотски, но и душевно как бы возвращается обратно, с жизни.

Прилив Пробуждения очень крут и достигает предела в сорок лет, в точке темного откровения жизни. В этом месте мы взметнем кривую Пути вертикально и загнем ее к плато Пути, где сохраняется неизменная скорость роста. Тут нет ни прилива, ни отлива, и потому участок плато должен изображаться прямой наклонной линией, идущей вверх под большим или меньшим углом. Как бы ни была длинна эта прямая, конец ей должен быть.

Многие годы я пытался вникнуть в кривую восхождения после Второй Критической точки и не смог. Это, видимо, оказалось невозможным не только из-за слабости зрения, а из-за того, что этой части кривой восхождения еще нет, она не сложилась, не стала, не проложена. Кривую восхождения Пути на духовном пути жизни мы продолжим пунктиром.

* * *

Для личностного роста совершенно необходим противоборствующий момент. «Свет во тьме светит». «Тьме» надобно быть на Пути человека. Путь как бы заваливается навозной почвой, сквозь которую прорастает высеянное в ней семя. Работа Пути восхождения более всего совершается на преодолении сопротивлений, создаваемых душевными похотями, соблазнами, прельщениями. Человека, идущего по Пути, подстерегает множество ловушек, заманок, не говоря уже о злых и враждебных силах, силящихся остановить его восхождение. И эти силы, препятствия и ловушки столь разнообразны и новы с каждым шагом, что вообще немислимо, как кому-либо можно долго продержаться на Пути.

На Пути восхождения для его прохождения и восхождения везде расставлены препятствия, каждое из которых можно преодолевать всю жизнь. Преодоление каждого из них означает и усиление энергии духовного роста и созревание чего-то нового и важного в душе.

Прельщения, соблазны, ложные представления о благе, душевные и плотские похоти загораживают человеку Путь, затрудняют и останавливают его путевое восхождение, но и принуждают к более активной и, главное, свободной работе. Так, для работы взлета и полета необходимо трение и притяжение: без них легко оторваться и взлететь, но и труда для взлета не

нужно. Каждая заграда на Пути устанавливает необходимую силу духовного роста, способную преодолеть ее.

Большую часть дистанции Пути человек пребывает в какой-либо душевной яме: или сидит в ней, или попадает в нее, или из нее выбирается. И, выбравшись из одной, тотчас попадает в другую. Оступился – выбрался, из одной ловушки – в другую, вылезешь – скатишься, вновь вылезешь, чтобы опять залезть, упасть. Однако, выбираться из одной душевной ямы в другую – не самоцель. Человек совершает не подвиг, а проходит Путь. Каждый день жизни путевого человека – череда спусков и подъемов, обольщений и разочарований. Из таких спотыканий, падений, взлетов, побед и поражений, из таких отдельных рабочих операций состоит вся его духовная биография, – и каждый его год, и каждый его период или стадия Пути жизни.

Путь, повторим еще и еще, совершается не при прохождении, а в усилиях преодоления – в восхождении. От путевого человека требуется именно путевая работа, труд прокладывания, а не просто хождение по Пути, ноша одних участков которого может быть легче или тяжелее для того или иного носильщика. Путевой человек может играючи проскочить какой-то участок, даже период Пути, не встретив на нем серьезного сопротивления. Путь индивидуален в том смысле, что каждому предстоит свой собственный путевой труд жизни, свой трудовой участок Пути, своя яма (или ямы), в которой ему сидеть удобнее, приятнее, сподручнее всего, или выбираться из которой ему всего тяжелее. К тому же у каждого свой особый соблазн, ему назначенный и ему нужный. Так что о достоинстве личной духовной жизни надо судить по цельной картине всего Пути жизни, понимая, что опережение или отставание от нормативного путевого графика может быть вызвано не недостатками духовной работой, а специфическими особенностями путевой судьбы.

6 (20)

В каждой из трех Критических точек определяется судьба последующего путевого восхождения.

В Нулевой Критической точке, около трех лет отроду, производится выбор основных параметров запуска человека на жизнь. словно кто-то оглядывает маленького человека, и тут, в Нулевой Критической точке, а не при зачатии и не при рождении, определяет его статус и решает, способен ли он восходить на Пути.

Заметьте, что решения эти принимаются не людьми и заранее, – до того, как ребенок становится способным воспринимать мощные духовные влияния извне и попадать под их власть.

В Нулевой Критической Точке задается верхняя планка, предельная ступень восхождения человека, его предельные возможности, ему максимально доступный уровень состояния сознания жизни и ее доброкачественности, – его личнодуховная высота. Через черту эту человеку перейти не дано, да и проблемы человеческой жизни не в том, чтобы прыгнуть выше самого себя, а в том, чтобы в полной мере реализовать себя, стать на ту верхнюю точку, которая задана ему. Это – своя задача жизни, и исполняется она не часто.

Душевное рождение – рождение души в автономную жизнь. Только теперь душа начинает жить собственной, то есть, серафической жизнью. Именно при душевном рождении вскрывается личнодуховная сторона внутреннего мира человека.

При душевном рождении юноша, кроме сознания плотской отделенности, приобретает сознание своей душевной отделенности и особости, впервые испытывая потребность смотреть внутрь себя и руководствоваться изнутри.

В только что наметившейся личной духовной жизни не все определено и доступно человеческому пониманию. Душевное рождение, становящее человека на Путь восхождения, мистично в том смысле, что в нем издали объявляется свой сераф.

Перспектива Пути открывается при душевном рождении тогда, когда свой сераф еще только грозит занять высшую душу, которая, в свою очередь, готовится принять его. Сераф при душевном рождении издали возвещает о себе высшей душе и зовет ее к себе. Его самого

не видно. В прологе Пути восхождения человеку является «призрак» того, кого ему надлежит впустить в себя, сохранить и взрастить.

Серафическое лицо сообщает автономно живущей душе новые свойства и качества. Это, прежде всего, духовная потребность переживания Идеала, поглощенность переживаниями его и способность к взрыву идеалотворчества в душе. Прозревая, душа в прозрении своем зрит Идеал, которым меряется все на свете и по которому определяются все ценности и дела жизни. Это и способность и потребность духовного роста (то есть обретение большей полноты жизни высшей души). Это и контрастное переживание священного и паскудного, усиленное ощущениями душевной оголенности, ранимости, незащищенности. Это и свежее сознание душевной свободы, не знающей еще, как выразить себя в действии, и ищущей самовыражения во внутренней самодеятельности и душевной состоятельности.

Это и новая духовная потребность в Искренности, не столько как свойстве душевной открытости, откровенности, прямодушия, нелицемерия, сколько силе духовной чистоты, которой преодолеваются всевозможные препятствия душевного развития, утишаются духовные страдания и которая при необходимости способна вознести человека над самим собой.

Обретая автономию личной духовной жизни, душа обретает свободу взаимоотношения с другой высшей душой. Но эта свобода еще не в состоянии реализоваться в то, что мы называем сторгической любовью. Для сторгической любви душа юноши недостаточно созрела, но и ждать не может, и потому включается в любовные страсти филической души. Сторгическая же свобода реализуется в это время во вполне взрослой, прочной (нередко продолжающейся всю жизнь) и ответственной дружбе, которая осуществляется наряду с юношеской любовью, а то и превыше ее.

От серафа (вернее, оттуда, где сераф) при душевном рождении и недолго после него исходит Свет, который обращает взор человека к высшей и конечной точке Пути восхождения. Искание духовной вершины себя начинается с душевным рождением под воздействием призрака серафа. От призрака серафа человек обретает силу предчувствовать и предвидеть возможность взгляда на свою душевную жизнь изнутри, с некоторой высшей точки зрения, которая пока что недоступна, но может стать доступной ему. Истоки многих крупных мыслей и глубоких откровений зрелости лежат тут, во времена душевного рождения, когда они были чистым видением призрака серафа.

При душевном рождении человек обретает интуицию себя должного, хотя и не набравшую силу, но уже влияющую на воления души. С момента душевного рождения путевой человек знает, что высшая точка себя есть, и он обязан искать и должен найти ее. Для этого ему необходим духовный рост, хождение и восхождение на Пути жизни. Прошедший душевное рождение молодой человек всегда стремится к самостановлению, рвется «делать самого себя».

Сераф в пору душевного рождения поддерживают автономное существование высшей души. Сераф уже способен, пусть пока и не непосредственно, руководить на Пути восхождения. Это руководство выражается в путеводной интуиции, сигнализирующей об опасностях схождения с Пути. Высоко взойти на Пути без этой интуиции, как и интуиции себя должного, нельзя. Потребность этой поры жизни в духовной силе Искренности вызвана заочным присутствием серафа и его требованиями к душе.

Призрак серафа служит и целенаправленному взводу духовной жизни, закладывает в человека нечто, что потом должно реализоваться как «своя истина», «своя духовная жизнь» и, в конце концов, как свое особое задание на высших ступенях Пути жизни.

7 (21)

Всякий человек, прошедший душевное рождение, может одолеть подъем личностного рождения. Насколько это исполнится, определяет то, что произойдет в четырнадцатилетнем промежутке от душевного до личностного рождения. В эти годы человеку предстоит, во-первых, взвести свою духовную жизнь и, во-вторых, пройти ходовые испытания. И то и другое

необходимо для того, чтобы доказать способность принять в себя серафа и приготовиться к приходу его.

Кривая восхождения после душевного рождения продолжает круто идти вверх до первого пика чистоты (16-17 лет). Молодому человеку дан срок, года два, набрать полную силу, чтобы с набранной высоты приняться за работу взвода духовной жизни. Духовная чистота после душевного рождения дает запал и старт дальнейшему восхождению на Пути.

Кривая восхождения на спуске после первого пика чистоты показана схематически. В любом ее месте могут быть глубокие провалы. Однако духовная сила, набранная на планке первого пика чистоты, обычно достаточна для того, чтобы в ближайшие несколько лет поднять молодого человека со дна глубокой пропасти, в которую он, бывает, падает. Пожалуй, это единственные такие годы во всей жизни.

Третий период Пути – период идеалов – пролог Пути жизни, собственное душевное содержание которого – мечты, грядущее, но еще не действия настоящего. В состоянии взвода духовной жизни путевой человек продолжает искать «свой Идеал» и, прежде всего, Идеал самого себя, себя, в совершенстве выраженного. Идеалотворчество такого рода возбуждается и строится на подсказываемой призраком серафа духовной интуиции себя должного и совершенного. Но оно недолговечно, показалось и исчезло, как бы зашло за угол или за линию горизонта. Отдаленное влияние серафа на личную духовную жизнь третьего семилетнего периода на Пути восхождения ощущается только в начале его, где взводится и запускается серафическая жизнь.

После пика чистоты и, особенно, в пору чистилища, призрак серафа меркнет. Духовные искры, только что снопами вырывавшиеся изнутри, гаснут годам к 19-20, и молодой человек переходит в другой период, где и должно определиться, был ли прежде доведен до необходимого напряжения духовный взвод, пусть и не раз за это время сорванный.

В начале четвертого семилетнего периода жизни мужчина, несмотря на внешнюю его самоуверенность, существо в высшей степени растерянное, изнутри слабо руководимое. Разум-мудрость к этому времени еще не вскрылся, а идеалы погасли. Волей-неволей на все приходится смотреть чужими глазами.

В эти годы сознание человека легко инспирируется "убеждениями", "теориями", "идеями", которые и замещают функции провидения себя должного и сигнализации путевого несоответствия. Одновременно у человека развивается обременительная склонность менять идейные руководства, которые, впрочем, в большинстве случаев реализуются совокупно, в последовательности умственных и эмоциональных эпидемий среды, в которой он живет. Четвертый период Пути мы называем периодом "чужой жизни".

В периоде «чужой жизни» путевой человек в принципе не может найти «своих» и «свое». Он все время мечется, последовательно отрицая ряд направлений, которые завладевают им. В результате усилий периода "чужой жизни" каждый душевнорожденный человек может найти нужное ему направление к личностному рождению, либо в хаосе повседневности растратить весь свой запас духовной энергии, отыскать тихий угол в жизни и на этом утомониться.

Душевнорожденные люди вынуждены просачиваться сквозь словно специально нагроможденные завалы чистилища. Большинству это не удается.

В четвертом семилетии Пути путевой человек проходят ходовые испытания на действительную ценность и стойкость своих путеводных сил и возможностей. В результате таких испытаний в личной душевной и серафической жизни остается только то, чем реально обладает высшая душа и что ей действительно по силам. Остальное должно в необходимой мере изжиться.

Переходный период «чужой жизни» надобен еще и для того, чтобы очистить себя. Это период чистилища. Человека в этом периоде носит по волнам, волны разнообразных похотей и прельщений накатываются и накатываются на него, бессистемно и беспорядочно. Так духовно

взведенный человек проходит очищение в огне беспутья по дороге к личностному рождению. Все, что брак, должно быть своевременно выведено из работы. Все, что вводится вновь, должно быть предварительно и в неблагоприятных условиях испытано на крепость хода.

У каждого человека есть главное и особенное прельщение его жизни. В стратегических целях восхождения на Пути это главное прельщение, главное препятствие должно быть извергнуто в самом начале, в ходовых испытаниях чистилища. Главное препятствие Пути не есть дурная черта характера, что-то неудачно высеянное, или дефектное, или наследственное, мешающее восхождению. Это свой стержневой соблазн, который с точки зрения, скажем, блага ближнего или общественного блага, может не быть злостным или злокозненным, но является решающей и неустранимой препоной на своем Пути восхождения. Для серафической жизни важно вовремя узнать в себе свой стержневой соблазн, и, если и не изжить его совсем, то в необходимой мере подорвать его власть, не дать ему вполне заправлять собою.

Вход в чистилище всегда обвал, постепенный ли, оползем, или сорвавшись, разом. Обвал в начале четвертого семилетия Пути ведет к наинизшей точке Пути жизни, которая в расписании кривой восхождения установлена в 23-25 лет. Низина жизни – не безобразия, а апогей самостного самодвижения в путевом хождении по жизни.

С наинизшей точки Пути начинается подъем личностного рождения.

8 (22)

Призрак своего серафа при душевном рождении является из постчеловеческого мира. Духовная жизнь человека при душевном рождении запускается из этого мира. При личностном рождении из этого же мира в человека входит сераф, и вся личнодуховная жизнь теперь обеспечивается его присутствием в душе.

На подъеме личностного рождения человек все более и более сознает то, что чуждо ему из того, что он вообрал в себя за годы чистилища. Чуждое определяется не по достоинству его, а по несвойственности себе. Пора «чужой жизни» проходит, и наступает пора «своей жизни», где приходится решать, что мое, а что не мое, что не свойственно мне. Это годы смены жизненной позиции, когда в личной жизни многое рушится, меняется, создается заново. Путевой человек чувствует необходимость стать самим собой и ищет свой, одному ему свойственный курс развития душевной жизни.

Путевой человек на уступе чистилища принимает «чужое» за «свое». Он ищет «свой интерес» и пытается руководствоваться в жизни этим интересом. Но не знает, что значит жить своей душевной жизнью, строить «свой мир», а тем более жить в нем и руководствоваться «своей истиной», – обрести и нести сознание собственной одухотворенности.

Только обладая таким сознанием, человек становится способным узнавать в душах других людей родственный ему стиль одухотворенности. Люди, прошедшие личностное рождение, единичны и потому часто одиноки. В духовной одинокости личностно рожденный человек ищет людей того же, что и он, стиля одухотворенности, ждет вступить с ними в общение и находит или, вернее, угадывает их, – чаще всего по книгам, среди давно умерших или далеко живущих от него людей. Эта выявленная в душевной практике острота сознания духовного сродства и есть первый и верный показатель состоявшегося личностного рождения.

Личностнорожденный – человек ответственный. Личностное рождение всегда предполагает служение. «Своя жизнь» для личностно рожденного человека это, прежде всего, «свое служение», – не по очередной идее и не по велению времени, а по найденному в себе, по узанной глубинной душевной надобности. Свойство идеального служения – еще один важный показатель состоявшегося личностного рождения.

С личностного рождения слышен внутренний голос, предостерегающий об угрозе тщеты жизни. Его надо удовлетворить с тем, чтобы он звучал не так мучительно. Голос этот можно заглушить бурной и успешной деятельностью, карьерой, обогащением, просто азартом жизни или борьбой за независимость, за справедливость, за экологию и прочее и прочее.

Личностное рождение приносит с собою осознанный или неосознанный страх перед тем, что жизнь прожита зря, никчемно. Не прожить напрасно, бессмысленно и бесплодно становится одним из важнейших мотивов жизни после личностного рождения.

В периоде «своей жизни» осуществляется равновесие двух сторон внутреннего мира. На этом этапе Пути жизни личная духовная жизнь и общедуховная жизнь не исключают друг друга и часто совмещаются. Та или иная общедуховная жизнь может быть очень близка и дорога человеку, поставленному в личной духовной жизни на Путь восхождения. Однако, бывает, что опустошенная и обессиленная в чистилище высшая душа сама оказывается не в состоянии преодолеть уже начавшийся подъем личностного рождения и достается попутной струе общедуховной жизни, в которой и проходит подъем личностного рождения.

Вскоре после личностного рождения наступает равновесие, примирение, необходимое прежде всего для сторгии. Сторгия означает стремление свиться своей душой с душой другого человека так, чтобы он для тебя перестал быть «другим человеком», «другим Я», а стал бы «другим своим Я», с которым можно жить как одно целое. Любить сторгически означает делать себя им и его собою – делать «свое Я» и «другое Я» сторонами единого существа. Самая простая иллюстрация сторгии – миф о существовании двух душ как половинок, выпущенных в мир для соединения в любви.

В пору «своей жизни» человек плюсует к себе все. Все во внутреннем мире его сбалансировано для сторгических дел. Личностно рожденный человек испытывает непреодолимое стремление продолжать жить душой непременно вместе, вдвоем – в сторгии с другим своим Я. Свой глубинный личностный мир создается на волнах сторгического осуществления. Без создания сторгических связей и сплетений человеку далее на Пути восхождения выжить трудно.

За личностным рождением на Пути следует подъем второго пика чистоты. Здесь вновь зажигается Свет Идеалосознания, который к тридцати годам, во втором пике чистоты, иногда светит ярче, чем в юношеские времена первого пика чистоты. Все те духовные силы Искренности, Истинности и Идеала, которые человек знал в себе на подъеме взвода духовной жизни, включаются в нем на личностном подъеме. Второй пик чистоты – не столько для взвода или подзавода личной духовной жизни, сколько для сторгических дел.

Жить своей душевной и духовной жизнью значит жить соответственно своей одухотворенности и жить своей особенной сторгической жизнью. Это и особенность нравственных установлений, свое переживание добра, чуткость своей (а не надетой на себя) совести, особое сопереживание к определенному рода чужим бедам. Это и свой, себе соответствующий выбор направления деятельности сердца, своя задача в сторгической связи и, наконец, своя сторгическая любовь, направленная навстречу тому, кого душа ждет и заранее знает вместе с собою.

Любовь на подъеме личностного рождения, любовь личностного рождения – неповторимое состояние жизни, в котором сторгическая связь осуществляется сама собой, без особых на то усилий. Достаточно узнать «свое другое Я» и не ошибиться.

«Своя жизнь» – это выявление и усиление характерных особенностей своего стиля одушевленности и интуиция на родную и парную душу, вместе с которой только и можно создать новую совместную одушевленность. «Своя жизнь» недаром приурочена к осуществлению сторгической жизни.

Если и бывает человек целокупен и монолитен, то только в периоде «своей жизни», на сторгическом уступе кривой Пути. Сама себя сознающая и одухотворенная личность строит себе укрепленное жилище, которое ей надо будет еще обжить, и обжить вдвоем, вместе, в сторгической связи с «другим своим Я».

Сторгическая пора мужской жизни на Пути ограничена всего 8-10 годами, с 27-28 до 38-39 лет. Время «своей жизни», до Первой Критической точки, оптимально для сторгических дел. Видимо, сторгия имеет серьезное значение для принятия решения в Первой Критической

точке. Сторгическая неудача или нереализованность есть одна из главных причин схождения в Первой Критической точке. Но не исключает дальнейший Путь. Но то будет одиночный Путь восхождения, не всегда проходимый по качествам идущей по нему души.

9 (23)

В Первой Критической точке – лет в 36, 37 – констатируется достигнутое и выдается разрешение на выход в следующую стадию серафической жизни. Большинство личностно рожденных людей не получает его, и по выходе из «своей жизни» идет по дороге духовного успокоения, со взрывом страстей на пятом десятке жизни и последующим медленным или быстрым угасанием.

Кто, как и почему тут принимает решение, мы пытаемся понять в большой книге. Во всяком случае внешние обстоятельства жизни при прохождении Первой Критической точки почти не играют роли.

И во Второй Критической точке и в Первой Критической точке человек задумывается, каким смыслом он дальше будет обеспечивать свою жизнь. Во Второй Критической точке он задумывается об обеспечении смыслом жизни до конца дней, делает окончательный выбор смысла своей жизни. В Первой Критической точке – каким смыслом будет обеспечиваться его дальнейшая жизнь. Но и тут замена прежнего смыслонаполнения (до Первой Критической точки) на другое только тогда свидетельствует о прохождении Первой Критической точки, когда это происходит не за ненадобностью прежнего, а по переживанию его недостаточной одухотворенности.

Прошел Первую Критическую точку тот, дальнейшее развитие внутренней жизни которого идет по нарастающей, предвещая Пробуждение.

Пятое семилетие жизни совсем не то время, когда сераф активно выходит в навигацию человеческой жизни. Он еще в закулисии, только наличествует, обозначает свое присутствие, но не работает.

После личностного рождения человек впервые получает возможность идти по Пути в присутствии серафа, не особенно зная его и его нужды. Это неявное (чтобы не сказать тайное) присутствие серафа обнаруживается либо по его опосредованному влиянию на работу внутреннего мира, либо ретроспективно, когда оно в достаточной мере проявит себя в ней.

После личностного рождения сераф еще не творец, а цензор, в лучшем случае, корректирующий работу, не позволяющий блуждать. Такая, пусть и далеко не полная степень проявления своего серафа достаточна для нужд пятого семилетия Пути восхождения. Сераф здесь еще окончательно не решил войти в человеческую душу, но уже готов участвовать в ее жизни. Будет ли он участвовать – решится в Первой Критической точке, после прохождения которой обеспечивается и присутствие и рабочее участие своего серафа в человеке.

Люди серафической жизни, путевые люди – золотой фонд человечества. Но используется этот фонд далеко и далеко не полностью. Если бы многие из тех, кому разрешено душевное рождение, проходили затем личностное рождение и Первую Критическую точку, то одно это существенно изменило бы весь нравственный и духовный климат существования человека на Земле.

* * *

Как человеческая жизнь высеяна и существует на жизни органической и животной, так и душевнорожденные люди высеяны в массе душевно нерожденных, одностадийных. Масса эта составляет непрременную обстановку прохождения Пути восходящего человека, которому надо выжить в среде этой, выжить не только душевно, но и физически. Немудрено, что большая часть душевнорожденных сходит с Пути вскоре после душевного рождения. Но по состоянию жизни они уже отличаются от одностадийных. Их души введены в автономную жизнь, уже призваны жить личной духовной жизнью, но недостаточно взвелась на нее и потому пребывают в полубоморочном состоянии.

Течение жизни одностадийного человека определяется его психофизиологическим характером и теми общедушевыми и житейскими обстоятельствами, в которые он попадает. Плоть его чертит временную ось кривой восхождения, но духовного восхождения нет.

При всем разнообразии натур и судеб, одностадийный человек во все дни жизни своей находится каждый в своем, но в одном и том же состоянии духа – состоянии сознания жизни душевно нерожденного человека, не познавшего серафического отца и серафическую жизнь души.

Сталкиваясь с безнравственностью, одностадийный реагирует гневом, но не сердечной болью от свободного нравственного переживания. Нет у него и подлинного интереса к Правде и Истине. Новая истина не поражает его душу, не переживается ею и не оставляет следа в ней. Он не может сам узнавать истинное, различать, что ложное, что правдивое, выделять главное из массы второстепенного, ставить перед собой глубокие вопросы, и, тем более, входить в состояние ответа на них. Он – своеобразный характер под управлением Общей души. У него особый стиль одушевленности, но это стиль не его, а его Общей души или иной сплоченности, в которую он входит. Общая душа – прибежище всех одностадийных людей.

Душевно нерожденный может быть человеком способным, даже одаренным. Он в состоянии много помнить, много знать и узнавать, обладать остротой мышления, иметь широкий обзор мыслей, быть богатым мыслями, но более чужими. Все то, что он запоминает и знает, то, над чем он трудится умом, вся его панорама мысли и ее направленность определяется по указке Общей души, по культурным потребностям времени или по требованиям и в интересах других людей. При всем богатстве природных умственных способностей, душе его все равно, о чем думать и на что прикладывать свой ум.

Серафическая жизнь элитарна с самого начала Пути. Между душевно рожденным человеком и душевно нерожденным – пропасть. Последний на всю жизнь остается одностадийным человеком, первый же, что бы с ним потом на Пути ни было, вошел в другую стадию личностно-духовной жизни, стал человеком двустадийным и навсегда останется им.

Пожелание душевного спокойствия для личностно рожденного и остающегося на Пути восхождения человека равносильно пожеланию самоубийства. Если перспектив дальнейшего прохождения Пути нет, то человек после Первой критической точки входит в состояние стабильно растущего двустадийного человека и так живет до конца дней, качественно себя не преобразуя, все более и более тонко и умело повторяя себя. Это тупик.

В тупиковую личностную трассу человек входит особенно увлеченно, цветет пышным пустым цветом и увлекает за собой других. В качестве объекта личностной мимикрии многие люди избирают тех ярких людей тупиковой трассы, характер цветения которых почему-то особенно подходит среде или эпохе. Всякое поколение выдвигает на передний план в обществе пышно цветущие и борющиеся между собой личности, за которыми следуют сонмы подражателей, самоотжествляющих себя с ними, устанавливающих свой стиль чувств и самовыражения соответственно их «образу установления». Они определяют общественную жизнь, задают тон, устанавливают направление внутреннего развития поколения.

Есть двустадийность личностно несостоявшихся, не выдержавших ходовых испытаний, не дошедших до личностного рождения людей, и есть двустадийность личностно состоявшихся двустадийных людей. Только для последних, обретших личностное достоинство в двустадийности, возможно полноценное творчество в том числе и творчество художественное.

Лет в 60 двустадийные люди становятся хозяевами в обществе. То, что они делают и творят, обычно востребовано людьми. В оставшиеся после Первой Критической точки десятилетия двустадийный человек успешен и потому серьезно убежден, что достигает вершин жизни, в том числе и жизни духовной. Двустадийные люди раньше одностадийных становятся высокими профессионалами в науке, искусстве или политике, и с годами занимают первые ряды в избранной ими сфере жизни. Они делают открытия каждый в своей области, устанавливают

ход всего общества или его части, но не ведают откровений о жизни и не верят в них. Духовная жизнь их мало меняется с возрастом. В духовном отношении двустадийные люди остаются если не 25-ти, то 35-летними. Отпечаток этого возраста навсегда лежит на них.

Вторая стадия Пути завершается на Первой Критической точке.

Не прошедший Первую Критическую точку утрачивает то вдохновение жизнью, в котором он жил и после душевного и после личностного рождения. Прошедший Первую Критическую точку уже никогда не утратит вдохновенность жизни в себе.

После Первой Критической точки происходит либо стабилизация в самодвижном прохождении двустадийной жизни, успокоение душевного мира, без последующих путевых подъемов и испытаний, либо человек входит в третью стадию Пути, становится трехстадийным человеком.

Надо различать трехстадийных людей, проходящих вторую стадию Пути восхождения, и двустадийных людей, для которых в Первой Критической точке ничего не решается или решаться нечему.

Двустадийного мужчину, вступившего в пятый десяток жизни, настигает психический шквал, сопоставимый по разрушающей дух силе с ураганом чистилища. Для трехстадийного это благое время плато Пути, пора успокоенности земной жизни и личностного расцвета.

10 (24)

Постоянное и непрерывное ускорение духовного роста определяет и достоинство серафической жизни и основной ходовой принцип ее. Высота, которую человек достиг трудами всей предшествующей жизни, не так важна; важнее, что рост продолжается и с какого состояния жизни он продолжается.

Для установления духовного достоинства человека существенно, на какой стадии Пути он живет, и соответствует ли она его возрасту, опаздывает ли он на Пути или идет по нормативному путевому расписанию. Не менее существенны и дальнейшие перспективы его путевой жизни, обусловленные параметрами личностного роста, ведущего к следующему путевому рождению; насколько продуктивно с путевых позиций его продвижение? Это, несомненно, решается ускорением духовного роста, которое в данный момент определяет полноту духовной жизни человека. Если на Пути в рассматриваемый момент должен быть отлив, то и скорость духовного роста тут меньше, чем на подъеме, и ускорение его соответственно уменьшается. Путевой отлив сменился на прилив – другая картина, ускорение духовного роста увеличивается. Духовный рост, его скорость и его ускорение, в каждый путевой момент имеет свою путевую (стратегическую и тактическую) задачу. В одной точке ускорение должно быть достаточным для того, чтобы пройти путевое рождение, в другой – чтобы обеспечить дальнейшее восхождение после пика чистоты, в третьей – чтобы сохранить то, что добыл и достиг прежде, на предыдущем подъеме, или чтобы выдержать путевые испытания, в четвертой – задача духовного роста в том, чтобы, несмотря ни на что, остаться на Пути.

В любые моменты серафической жизни должно происходить ускорение духовного роста. Но какое именно и с какими задачами, и достаточно ли оно, – зависит от переживаемого путевого момента.

Любое путевое рождение может запоздать. Критические точки наступают в свой срок, и принятое в них решение не отменяемо. Если человек в год Первой Критической точки не вышел в третью стадию жизни, то он уже никогда не станет трехстадийным человеком. Если человек в 50 лет, во Второй Критической точке, не взял новый курс, то он уже навсегда останется трехстадийным человеком.

Временной интервал между Нулевой Критической точкой (в три года от роду) и душевным рождением составляет 11 лет (и каких лет!), в течение которых происходят всяческие аварии, способные сорвать душевное рождение. Между Первой Критической точкой и Пробуждением проходит всего несколько лет, за которые в душевном мире вряд ли может про-

изойти что-то катастрофическое для Пути. Кто удачно Пройдет Первую Критическую точку, тот, говоря практически, достигнет подъема Пробуждения.

То, что в одностадийном, да и в двустадийном хождении, является кризисом 40-летнего возраста, то на кривой Пути восхождения – Подъем Пробуждения, один из величайших подъемов всей человеческой жизни, ее определяющих.

Подъем Пробуждения – самый крутой участок Пути, на котором человек переживает максимальное ускорение духовного роста. Оно необходимо, чтобы вознестись на высокую и отвесную скалу, оглянуться вокруг себя и на себя и попытаться понять, что произошло и происходит с ним: где он оказался в жизни и как живет? Это время прозрений и главных мыслей, определяющих дальнейшую душевную и духовную жизнь. Только теперь человек впервые подлинно осознает всю суетность своей жизни и жизни других людей.

В Первой Критической точке из многих торчащих из клубка жизни концов и тем своего дальнейшего духовного развития – сама собой и без усилия находится одна ниточка, за которую следует тянуть для исполнения будущего своего предназначения. На подъеме Пробуждения эта ниточка вытягивается настолько, что становится личностной путеводной нитью и уже не может потеряться в клубке бесчисленных тем жизни.

Пробуждение производит впечатление личностного переворота, переворота всего себя, душевного потрясения, после которого нельзя остаться таким, каким был.

Подъем Пробуждения – колоссальное событие, в результате которого человек становится духовной личностью. Такой человек на подъеме Пробуждения дорастает до глубоких вопросов к Жизни, людям, Богу, вопросов, спрашиваемых всерьез, не для разговора или интереса, спрашиваемых от имени своей духовной личности, дорастает до глубоко личностных вопросов и личностных духовных переживаний. Вопросание его не безответно.

У одностадийных людей нет интуиции глубокой мысли. Эта интуиция возрастает с восхождением на Пути. Двустадийный человек может быть и выдающимся ученым или художником, даже казаться публике учителем жизни, но не способен он проникаться действительными вопросами жизни и понимать их. В полную силу эта интуиция работает в трехстадийных людях.

Знать, что мудро, а что легковесно, не будучи трехстадийным человеком нельзя. Только третья стадия Пути одаривает человечество мудрецами.

Двустадийный человек говорит только то, что донесено до него, пусть и излагая по-новому. Трехстадийному человеку есть, что сказать людям.

Прозрительной способности до подъема Пробуждения нет. Прозревание – не дар, а свойство трехстадийности. Пробуждение – это и есть само по себе раскрытие глаз, прозрение. С этого момента способность прозрения может все больше и больше являть себя.

Когда на плато Пути ставится вопрос, то на него не может не быть ответа. Нельзя сказать, что ответ этот безупречен или что он окончательный, или несет всеобщую Истину, или даже соответствует глубине поставленного вопроса – потом ответ может не один раз изменяться, углубляться, уточняться и даже отменяться, – но он не повисает в воздухе. Есть вопрос, есть и ответ, и ответ этот – по дороге к подлинному ответу на свой вопрос, на дороге «своей истины» и, значит, Истины как таковой.

Никто не рождается человеком значительным. До возраста значительности надо дожить. До 40 лет, до подъема Пробуждения можно угадывать, но не знать определенно, значителен человек или нет. Даже если он чрезвычайно одарен и умен.

Человеческая значительность – признак присутствия серафа в человеке. Одностадийными значительные люди не бывают. Двустадийный человек может быть значительным тогда, когда у него есть потенция дальнейшего восхождения. Трехстадийный человек – человек значительный.

У трехстадийного особый нерв переживания жизни. Его душа дрожит, соприкасаясь с жизнью. Она держится в рабочем состоянии непрерывно, всегда готова к содроганиям, к откровениям, озарениям, готова ко всему, что может сотрясти ее. Разум и чувство трехстадийного всегда готовы погрузиться в то, что затронет и призовет их. Трехстадийный человек неизменно находится в состоянии полной мобилизационной готовности, и чем дальше живет он, тем более.

Сераф не дает трехстадийному человеку покоя. Присутствие серафа столь отчетливо и значимо, что трехстадийный человек, сам совершая духовный труд, не властен над течением своей духовной жизни. Иногда духовный рост трехстадийного человека замедляется, но не останавливается совсем. Став мудрым, нельзя стать легкомысленным или легкомысленнее. Срываясь и попадая в ямы, трехстадийный человек расшибается, но остается трехстадийным, не опускается в двустадийность и не выгорает, как сплошь и рядом случается с человеком двустадийным.

При Пробуждении свой сераф не только вошел в человека и занял свое «место» в душе, но и своим разумом окунулся в земную жизнь.

В полной яркости идущего от серафа озарения трехстадийный человек видит Тьму жизни. Первый явно рабочий акт своего серафа в человеке это темное откровение на подъеме Пробуждения.

Многие люди с возрастом прозревают подноготную человеческой жизни, без прикрас и обольщений видят так, как есть, и в результате становятся житейски пронизательными и оттого более жизнеспособными людьми. В Пробуждении трехстадийный человек взмывает над обыденным человеческим разумом и чувством, видит то, что люди не видят и не воспринимают. Темные откровения трехстадийного человека мистичны и трагедийны, обращены к тайне Зла и его силе в человеческом мире. Он по-новому зрит Тьму жизни и ищет и иногда находит свой собственный ракурс взгляда на Зло и свою личностную тему раскрытия его. Достоевский в эти годы писал «Преступление и наказание», Толстому впервые раскрылось зло подвластности.

На третьей стадии появляется неустранимая потребность в каждый момент жить в присутствии серафического отца в себе, вызывать его в себе, слышать его и прозревать им. Это расширяет горизонт зрения человека, в том числе и мистический. Это чаще всего приводит к «светлому откровению».

В светлом откровении человек вместе с мистическими предчувствиями в первый раз проникает в глубины своей души, впервые узнает, что в глубине его реально существует некто, кто не есть его душа сама по себе и к кому душа его способна быть только причастна. До светлого откровения это обстоятельство сколь угодно могло стать предметом умозрения, воображения или мистической интуиции. Только здесь эта причастность узнается в прозрении. В силу такого прозрения человек сознает свою ответственность перед тем существом, которое живет в нем. Духовная жизнь после светлого откровения – жизнь ответственная.

Трехстадийный человек не может не чувствовать, что он – должен. Это и мука его, и забота, и потребность самосознания. Он человек духовно ответственный, знающий, что его душа должна бодрствовать и работать. Она у него болит всегда, то ли разумом, то ли чувством, то ли религиозным сознанием, то ли ответственностью перед тем высшим и своим, кто живет в ней.

Трехстадийный человек – генератор новых идей, откровений, видений, имеющих всечеловеческое значение. Но люди не верят ему, мало дорожат трехстадийным человеком и равнодушны к ценностям его жизни и души. Трехстадийный, в отличие от двустадийного, в нашей жизни нежданный гость. Трехстадийных людей не разглядишь в современной скученности, сутолоке и разобщенности. Можно жизнь прожить и не встретить трехстадийного человека. Да и выделить трехстадийного в толпе, узнать его способен только человек трехстадийный.

После тревог на подъеме Пробуждения наступает пора затишья. Вышедший к 45 годам на уступ плато Пути трехстадийный человек, несмотря на сознание своей ответственности, стабилен и удовлетворен тем, что он есть и что есть в нем. Прекрасная пора для творчества! Тому, кто переживает ее, кажется, что это ровное, устойчивое и глубокое течение жизни навсегда.

Тут-то, в благостную пору обладания полнотой душевных сил своих, мужчина незаметно для себя проходит то, что мы назвали главным перевалом человеческой жизни. Сначала волна человеческой жизни подымается, набирает высоту и силу, потом спадает, разбивается и отходит, что-то оставляя после себя. В этом «до» и «после» все и дело.

До главного перевала человек шел в гору, в жизнь, не видел смерть за высокими горами. Теперь он перешел через перевал и спускается с горы, сходит с жизни и видит смерть перед собой, обретает сознание реальной смертности, ее законной, данной в самоощущении неизбежности, конечности своего срока жизни, который уже не за горой.

11 (25)

Весь Путь определен тремя Критическими точками. Только их срок жестко установлен по возрастам кривой восхождения. Именно они обуславливают нормативность всех остальных точек Пути.

Лет в пятьдесят большинство людей окончательно решают, как жить дальше. Это личное решение каждого человека или личное отклонение от него. То, что решается во Второй Критической точке – не личное решение.

Во Второй Критической точке устанавливается конечное назначение Пути восхождения и указываются направления назначенного хождения. Решения об этом принимаются на таких вершинах, на которые человек повлиять не может.

Не прошедший фильтр (пропускающий сквозь себя и, в этом смысле, разрешающий дальнейшее путевое хождение) Первой Критической точки остается двустадийным человеком, тогда как мог стать трехстадийным и продолжать Путь. После Второй Критической точки человек вполне может остаться трехстадийным. Это не поражение и не сход с Пути, а один из вариантов дальнейшего его духовного развития. Прошедший Пробуждение навсегда остается путевым человеком.

Во Второй Критической точке не решается, остается ли человек на Пути или сходит с него. Во Второй Критической точке человеку выдается задание, а не снимается задание. Вторая Критическая точка – развилка, выбор направления дальнейшего развития духовной жизни, а не сход и не поражение (от неудачи Пути).

Трехстадийность сама по себе имеет чрезвычайно богатую и неограниченную возрастом восходящую жизнь, со своими ненормативными этапами восхождения. Трехстадийный человек может десятилетиями продолжать жить после Второй Критической точки, развиваясь в прежнем направлении, постепенно набирая мудрость, зрелость, прозорливость, знание жизни, достигая путем постепенного и неуклонного дальнейшего восхождения собственной вершины серафической жизни. Это вполне законный и продуктивный процесс все большего проявления того, что есть.

* * *

Первая Критическая точка выводит серафа в активную работу, не определяя, куда, зачем и на что. Во Второй Критической точке определяется пригодность к четвертой стадии Пути, к новому поприщу духовной жизни, которое (в отличие от нормативных стадий Пути) назовем свободным путем жизни.

Вторая Критическая точка на кривой восхождения замечательна тем, что делит всю дистанцию личного духовного восхождения на размеченную и неразмеченную, нормативную и свободную. До Второй Критической точки на кривой восхождения находится по крайней мере семь возрастных нормативных точек. На свободном пути – нет ни одной. Нет и самой кривой восхождения.

Прохождение Второй Критической точки подразумевает возможность вхождения на свободный путь, но не вводит в него. Какими бы ни были цели свободного пути, они должны быть намечены и подготовлены до Второй Критической точки. Полувековая путевая серафическая жизнь обзревается кем-то, и по неведомым в каждом конкретном случае основаниям определяется, быть или не быть свободному пути жизни.

Запала светлого откровения должно хватить не только для полноценной трехстадийной жизни, но и для взвода на свободный путь жизни.

На пятом десятке путевого мужчину ожидает множество неведомых для него раньше соблазнов, способных погубить его. Все катаклизмы, вызванные возникновением сознания смертности, должны на подходах ко Второй Критической точке быть позади, да так, чтобы не грозить и не исказить дальнейшую серафическую жизнь.

Чтобы войти на свободный путь жизни, человек должен принести свою жертву. Это жертва ради жертвы. Такой жертвой может быть и плод многих творческих трудов своих, и поздняя любовь к молодой женщине, и своя семья, и отказ от собственности, нищенство и бродяжничество, и подавление плоти или какое-то иное мощное аскетическое усилие, знаменующее победу над собой ради того, что предстоит тебе.

После личностного рождения человека ждут положенные ему по судьбе и талантам успехи в жизни. Разрабатывая и разрабатывая себя и свои таланты, он создает себе имя, закладывает фундамент положения в обществе, в выбранной сфере деятельности, в профессиональном или конфессиональном круге. Те из личностно рожденных людей, которые преодолели подъем Пробуждения, живут еще более полноценной, успешной и счастливой личностной жизнью. Сераф в эту пору обогащает человека и его творческие воли глубиной самосознания и самоощущения.

Достижение высот личной духовной жизни после Второй Критической точки не обеспечивает ни славы, ни признания, напротив, часто вызывает огонь неприятия на себя. Люди свободного пути редко принадлежат к кругу, держащему духовную (или культурную) власть в обществе.

Сераф не может править человеком без предшествующего акта самоотречения ради него. Для выхода на высшие ступени Пути необходима определенная степень самоотречения – отречения от той самой личности, которая с такой силой и великолепием только что явила себя на люди. Начавшаяся с личностным рождением бурная персонализация личности и все связанные с этим процессом творческие заделы и достижения накрепко держат человека на нормативном пути жизни, не пускают его дальше, на свободный путь. Это его персоналистическое препятствие на Пути.

Персоналистическое препятствие надо понимать не в том смысле, что оно создано персоналистически укорененной сущностью (личностью), а в том, что это препятствие следует преодолеть для особой персонализации Личности на свободном пути жизни. Человек свободного пути мистически и душевно бескорыстен, живет не для своего блага и не вымаливает благо у Бога.

Человек свободного пути – не бесплотный дух. В нем бродят, его провоцируют и плоть, и психические атаки других людей, и соблазны разного рода. И у него бывают моменты, когда он обманывает себя или становится подвластным самостной жизни, которая, казалось бы, изжита в нем. Когда такое происходит, тогда сераф карает его, но не так, как карал прежде.

Если двустадийного и трехстадийного человека сераф мучает и давит совестью, сознанием поругания духовной чистоты, нравственным кошмаром, призывает его к самоотречению, покаянию, разоблачению мудростью, то сераф человека свободного пути словно заслоняется от него, отстраняется, закрывает себя от него, оставляет его без себя. Свет из мира серафа перекрывается, наступает затмение «смерти при жизни», человеку становится тошно и страшно. Это темное время выпадает из времени жизни серафа в человеке.

Помрачение «Бога своего» в себе – одно из самых тяжелых и отчаянных состояний внутреннего мира человека. Высоко одухотворенного человека охватывает ужас, ужас перед собственной разодухотворенностью, духовное страдание от того, что там, в глубинах меня ничего и никого нет... Духовное страдание такого рода знакомо было и раньше, но человек умел прикрывать его в себе. Теперь, на свободном пути, это сделать ему нельзя. Сераф духовным ужасом дает знать о недопустимости остановки восхождения и гонит дальше и выше по свободному пути.

На свободном пути жизни человек характеризуется абсолютной самостоятельностью мысли – «своей мыслью». Свои мысли вкупе проявляют «свою истину», истину всей серафической жизни. «Своя мысль» кладется на «свою истину», которая постепенно накапливается, растет и доходит до того предела, когда она становится общей идеей или, лучше сказать, «общей темой серафической жизни».

«Своя тема» связывает в одно целое все, что происходило в духовной жизни человека и в его жизнепроектировании. «Своя тема» определяет персоналистическую личность человека свободного пути и, значит, выявляет высшее его назначение.

Человек добирается до «своей духовной темы» еще на третьей стадии Пути. Свободный путь – путь в своей духовной теме. Человек, родивший свою духовную тему и сумевший достаточно развить ее, сделал работу серафической жизни.

Человек свободного пути – «тематически состоявшийся» человек. Таков и один из законных результатов серафической жизни человека как такового.

Прошедший Вторую Критическую точку допускается до тайн, до которых на третьей стадии он не допускался. Но тайны эти не распахиваются перед ним в ясном откровении, не сообщают что-то по секрету, а приоткрываются в невнятном мерещении, которое мощно притягивает и уже не отпускает от себя. Это может быть род ощущения или видения, но такого ощущения или видения, которое само обладает волей, принуждающей к постоянным и многолетним усилиям для раскрытия того, что неясно содержится в нем. Волящее откровение дается в работу и только в работу. Оно вызывает у человека свободного пути неодолимую тягу к поиску. Далее все зависит от достаточности волевых рабочих усилий в условиях цейтнота оставшегося времени жизни. Цейтнот такой, что каждое послабление или уклонение может привести к неисполнению, к неудаче заданного во Второй Критической точке.

Человек, вышедший на свободный путь, отличается от трехстадийного человека тем, что он получил специальное и личное задание и не может не осуществлять его. Ему установлено особое назначение и направление восхождения на свободном пути в соответствии с поставленными трансперсоналистическими целями.

На свободном пути множество дорог, которые расходятся не по игре случая (не потому, что так сложилось), а по назначению, выданному по результатам пройденного нормативного Пути жизни. Вершина Пути собственно серафической жизни – на свободном пути жизни.

Свободный путь – работа серафа человеком, а не работа человека с помощью и участием серафа в себе, как на третьей стадии Пути. На свободном пути сераф не столько работает в душе, сколько работает душою.

Задание человека свободного пути не обязательно связано с человеческими делами на Земле. Он работает не для человеческого мира, а на осуществление Замысла на человека.

Человек свободного пути не обладает парапсихическими способностями, не лечит, не владеет личной гипнотической или харизматической властью, не умеет вести за собой и не желает этого. Он далек или не далек от общедушевной жизни, но почти никогда не занимает в ней выдающегося места при своей жизни. Да и после смерти его наследие (даже если оно востребовано людьми) обычно препарируется до неузнаваемости.

Есть два вида Второй Критической точки. Одна устанавливает человека свободного пути. Другая выводит на хождение по столбовому пути.

Человек свободного пути и человек столбового пути намечаются загодя. Уже с личностного рождения (а, может быть, и ранее) заметен особый крен путевого восхождения на свободный или столбовой путь. Хотя вхождение на тот или другой разрешено только на Второй Критической точке.

Путь восхождения как таковой ведет к выходу на столбовой путь, через третью стадию Пути и Вторую Критическую точку.

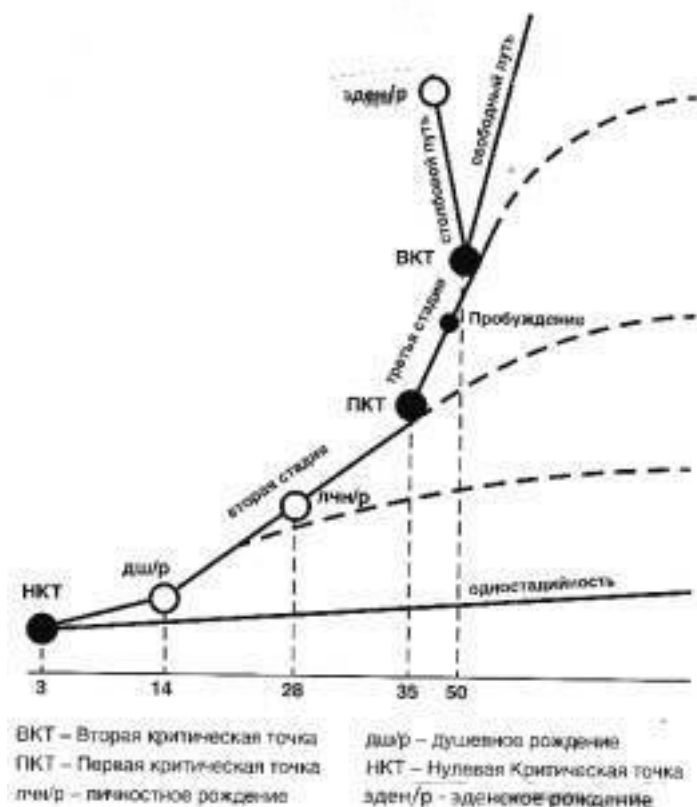
Духовное творится делом, работой; и вхождение на столбовой путь требует усилий, во всяком случае, не выигрывается в небесной лотерее.

На Пути восхождения личнодуховной жизни предусмотрены заслоны перед выходом на столбовой путь. Нужно особое напряжение воли, чтобы сокрушить их. Но это не та жертва ради жертвы, не аскетические усилия накануне Второй Критической точки и не изживание персоналистического препятствия и основного соблазна жизни. В предшествующем столбовому пути чрезвычайном усилии, в самой его необходимости присутствует нечто недоступное уму: оно нужно само по себе, как родовое страдание, которое следует вынести, претерпеть. Это могут быть страдания разума, одолевающего основной соблазн жизни, или нравственные муки, столь естественные на повторе своей жизни (см. часть 14 большой книги), или мучения больной плоти, или боль утраты кого-то или чего-то, или разного рода гонения – но такие душевные страдания должны тут быть! Новую духовную ношу свою человек рождает в муках, и идущему к столбовому пути надо быть готовым выдержать эти страдания духовных родов.

Общего столбового пути для всех вышедших на него нет. Люди столбового пути столь непохожи друг на друга, что не представляются восприимчивыми друг друга, словно они – люди разной духовной жизни. Они могут не совпадать в утверждении истины и жизнепонимания.

На столбовом пути достигается высшая зрелость серафической жизни. Вступление на столбовой путь предполагает достижение наивысшего уровня духовного сознания. Духовные переживания на столбовом пути возведены на наивысшую степень яркости и всесторонности. Это и наивысшие Идеалопереживания, и наивысшие переживания совести, наивысшая углубленность и продуктивность разного рода духовной жизни.

Одностадийный человек сам неспособен воспринимать истину. Двустадийный человек способен воспринимать ее. Трехстадийный человек способен рождать свою истину и пытается делать это. Человек свободного пути не только глубинно разрабатывает уже вскрытые пласты, как трехстадийный человек, но и вскрывает новые пласты истины. Человек столбового пути жизни обретает сознание жизни, несвойственное человеку на Земле.

* * *

Человек столбового пути обладает наивысшей значительностью.

Вершина столбового пути притягивает не только таинственностью; она, как духовное Солнце, обладает силой тяготения и притяжения. Игнорировать это натяжение невозможно; даже с риском увидеть то, чего на этой вершине нет.

В двустадийного и особенно трехстадийного человека введена потребность не столько желать видеть эти вершины, сколько смотреть туда, где они. Смотрение это наверняка продуктивно и нужно человеку. Нельзя достаточно полно сориентироваться в человеческой жизни, не примеривая ее к неведомой вершине на конце Пути. Без ориентации на вершину, финиш и конец, не может быть полноценного учения о человеке и заданной ему работе жизни.

Вышедший на свободный путь сераф изменяет, конечно, чувство и сознание жизни человека, но сам он остается тем же самым, каким был при личностном рождении, только куда более проявленным и звучным. Не то на столбовом пути.

На столбовом пути жизни сам сераф стремится перейти в наивысшее состояние – состояние жизни Лица.

И свободный путь и столбовой путь проходит сераф. Но свободный путь не ведет к следующему путевому рождению, а столбовой путь ведет к эденскому рождению, в результате которого сераф, погруженный в человеческую жизнь, становится Лицом, вышедшем за пределы мира серафа, в надсерафическую (эденскую) жизнь, в которую нам в этой книге не дано проникнуть.

Путь восхождения личнодоуховной жизни ведет к эденскому рождению, к достижению состояния жизни Лица. Эденское рождение – рождение Лица из серафического плода. Сераф – утробное состояние Лица.

Человек свободного пути – уникальное явление духовной жизни человечества. Эденское рождение, рождение Лица, – явление метачеловеческое. В эденском рождении обретается новое сверхчеловеческое качество и новое сверхчеловеческое достоинство. Что-то в человеческом мире должно изменяться с каждым рождением духовного Лица.

Эденское рождение – событие для всего человечества и всего серафического мира.

Чтобы понять, кто рождается при эденском рождении, и что такое Лик, надо понять и человека, и его посмертную жизнь, и процесс создания ее в человеке, и того, в кого, в конечном счете, преобразуется человек. Постижению этого (и многого другого) отданы три тома моей книги под названием «Становление и преобразование человека».

Часть 3. Совместное хождение мужчины и женщины. Женский путь восхождения

1 (27)

Сравнение этапов сторгиодуховной жизни и стадий Пути восхождения серафической жизни вроде бы напрашивается само собой.

Парность можно приравнять к одностадийности в личнодушевной жизни, не забывая, что высшие души в парности обретают такую активность, какую они никогда бы не смогли обрести в одностадийности личнодушевной жизни.

С некоторой натяжкой двустадийность серафической жизни уподобим самопроизвольной сторгии. Третья стадия Пути в некотором роде соответствует Сопутству.

Учение о сторгии – это учение о главной Встрече жизни. Люди прибывают сюда не только на осуществления Встреч, но и на сторгически определенную Встречу и ее высшее осуществление, на Сопутство.

Сопутство определяет женское духовное восхождение так же, как Путь определяет восхождение мужчины.

Одна из целей Сопутства – способствовать выходу на свободный и столбовой путь жизни.

* * *

Работа серафического роста замедлена в путевосхождении женщины и ускорена в путевосхождении мужчины. Работа сторгического роста замедлена в путевосхождении мужчины и ускорена в путевосхождении женщины. Ни мужчина, ни женщина не имеют преимущества в общедуховной жизни.

Ситуация духовной жизни женщины, в отличие от мужской духовной жизни, драматична. Когда мужчина не может жить серафической жизнью, то у него есть резерв и компенсация в общедуховной и сторгиодуховной жизни. Когда женщина не может жить сторгиодуховной жизнью, не реализовалась в ней, то только в редчайших случаях она в силах найти замену ей в серафической жизни. Женщине приходится искать компенсацию в той общедуховности, которая предлагает ей себя в ее обстоятельствах жизни.

Мужчина не живет серафической жизнью по своей духовной недостаточности. Женщина сплошь и рядом не живет сторгиодуховной жизнью потому, что так распорядилась женская судьба. Иметь резерв общедуховной жизни для женщины важнее, чем для мужчины. При большой потенции духовной жизни женщина идет в монастырь часто не потому, что полна общедуховной жизнью, а из-за нереализованности в сторгиодуховной жизни.

До определенного момента восхождение и мужчины и женщины идет от соблазна к соблазну, через душевные ловушки. Но идет по-разному. И задачи у них разные. Мужчина должен через испытания жизни найти восходящий Путь и выйти на него. Мужчина заманивается в ловушки жизни для того, чтобы смочь из них выбраться, идет в псевдопути, чтобы через отрицательный опыт найти Путь. Направление своего душевного развития может быть ясно или не ясно женщине, но она его не ищет, и мужских мук поиска Пути не знает. В ее

восхождении немало мест, через которые она сама, самостоятельно, пройти не может, через которые нужно провести её.

Мужчине надо пройти через ловушки, войти и выйти, попасть и выбраться, чтобы найти заранее в себе незнаемое, неведомое – свой Путь личной духовной жизни. Женщине же надо не найти неведомое, а одолеть ведомое – те преграды, которые ставятся ей жизнью в сторгии. Задача мужчины – нахождение должного в серафической жизни, женская задача – преодоление в сторгиодуховной жизни.

Серафическая жизнь наперед задает уроки мужчине. Сторгиодуховная жизнь женщину экзаменует. Одни и те же испытания и соблазны для мужчины имеют значение «ходовых испытаний» на способность дальнейшего прохождения Пути или удержания на нем, для женщины же – значение экзаменов на способность преодоления того, что предложено ее сопутевой судьбой. Мужчина ищет тропу, сбивается, падает и вновь влезает. Остается рубец, который даст о себе знать на следующей стадии кривой Пути. Кривая на каждой стадии его Пути ломаная. У неё же – плавная или прямая. Гора перед ней – она лезет в гору, завал на тропе – сбивается через завал, взвалилась тяжесть – несет её.

Где мужчина сходит с Пути, там женщина сваливает ношу.

Мужчина завяз, попал в душевную ловушку – для него это указатель ложного направления; он должен выбираться «вперед», на другую, новую дорогу. Если то же произойдет с женщиной, то и она должна выбираться, но выбираться «обратно». Жизнь, однако, редко предоставляет женщине возможность пересдать экзамен судьбы. Мужская задача – выучиться и выбраться, женская – не попасть и не погаснуть, выдержать, вынести. Что ей надо вынести и выдержать, устанавливают встречи жизни (которые отменить нельзя), её сопутевая судьба. От этой судьбы не менее, чем от нее самой, зависит, состоялась она в сторгиодуховной жизни или нет.

Женский труд охранителя Сопутства требует не подвига, а выносливости, не героизма, а терпения, не жертвы, а надежности. Женщине необязательно жертвовать своею жизнью, но обязательно не предать и не изменить, как бы этого ни требовала жизнь. Верность, терпеливость, выносливость, выдержка, устойчивость, твердость, надежность в любви и жизни – вот основные сопутевые черты души женщины, основанные на крепости её воли, одолевающей преграды жизни. Стабильность женщины в некотором смысле дороже, чем ее изменчивость.

Женщине в сторгиодуховной жизни нужно вынести и выдержать то, что взваливается на неё. Женщина потому так ценит крепость, силу и твердость исполняющей воли мужчины, что, как ни парадоксально, все эти качества – ее качества, её женские ценности, недостаток которых ей должен компенсировать мужчина. Он – её помощник, действующий в продолжение её женских качеств и трудов. Когда мужчине достается женщина, не желающая брать свое на себя, нести свой крест, то мужчине приходится гибнуть с её крестом.

Всякая нормальная женская душа стремится к сторгическому единению с мужчиной. Женская эмансипация оппозиционна чувству семейного сторгического существа в семье и Общей душе.

Кроме прохождения Пути у мужчины есть другая настоятельная духовная задача, связанная с осуществленной сторгией. Драматизм духовной жизни мужчины усугубляется полной невозможностью самому и по своей воле создавать сторгию. Мужской дух стремится свить гнездо в женской душе, но сделать это не может, пока на то не будет санкции ее духа.

Кривая Пути жизни человека, в действительности, ориентирована не по хроносу, не по физическому времени, а по тому времени, в котором живет плоть, по плотскому времени. Уравнивание плотской жизни мужчины и женщины неправомерно. Ровесников мужчину и женщину нельзя сравнивать ни плотски, ни душевно. Они не сверстники. К тому же плотское время, в отличие от хроноса, течет неравномерно. Потрясения плоти (скажем, от болезни) и, следовательно, плотского времени неизбежны и нужны на Пути как мужчины, так и жен-

щины. Но у мужчины они одно из нормальных условий существования, искажающих график его Путепрохождения. Для женщины же они – норма. По одному этому ясно, сколь сложно говорить о нормативном графике Пути жизни женщины.

Умозрительно говоря, плотское время женщины относительно физического времени идет быстрее, чем у мужчины. Что ставит под сомнение саму возможность женского Путепрохождения в серафической жизни.

Женщина в 20 лет плотью прожила больше, чем к этим годам прожил мужчина. Она старше его. У женщины иное плотское время, чем у мужчины, и оно не так, как у мужчины, связано со временем физическим. Есть отличие в самом течении плотского времени у замужней и незамужней, у рожавшей и воспитывающей детей женщины и у женщины не носившей, не рожавшей и не кормившей. Роды для женщины, как правило, бросок из одного возраста в другой, и бросок, к которому она может быть душой готова или не готова. У родивших в 15, 20, 30 лет течение плотского времени по всей жизни различно.

Сторгический период мужчины длится лет 10, примерно с 27-28 до 37-38 лет. Сторгическая воля женщины может быть реализована и в 50, и в 55 и даже в 60 лет. Сторгический период в жизни женщины длится лет 35-40 и может начаться лет в 16. Большинство женщин готовы к сторгии к 20 годам. Что на семь лет раньше, чем начинается сторгический период Пути мужчины.

Не обладая достаточной энергией сознания в личнодуховной жизни, душа женщины, как правило, не способна на те броски роста, которыми мужчина вырывается из очередной ямы Пути жизни. Женщина, живущая по-мужски, в мужских соблазнах ложного роста, несмотря ни на какие достоинства своей души, в путевом отношении практически обречена. Выйти из самодвижения к цели (а еще более без цели) ей не по силам. Вот почему так бесперспективно духовное восхождение женщины, включенной в соблазн борьбы – скажем, женщины-чиновника, бизнесмена, общественного деятеля, администратора.

Есть, разумеется, женщины, достигающие состояния сознания трехстадийного мужчины. Но это единичные случаи, каждый раз со своей уникальной кривой восхождения. Нормативного Пути восхождения серафической жизни женщины нет.

Духовное восхождение мужчины – на Пути серафической жизни. Женщина существо не столько путевое, сколько сопутевое. Это пронизывающее всю её жизнь состояние не несвобода, а путевая самобытность души. Духовное восхождение женщины – в Сопутстве сторгио-духовной жизни. Как мы говорим о «путевом (или непутевом) мужчине», проходящем (или не проходящем) Путь восхождения, так мы можем говорить о «сопутевой (или несопутевой) женщине», способной или не способной к Сопутству.

Сопутство – не совокупность мужского и женского Пути и не приложение к мужскому Пути. Сопутство равноценно, равносовершенно и равнодостойно Пути.

Для Сопутства необходимы, с одной стороны, прошедший путевое личностное рождение и далее активно восходящий мужчина – путевой мужчина и, с другой стороны, способная к Сопутству женщина – женщина сопутевая, на определенном уровне обретшая себя в сторгио-духовной жизни.

Основа Сопутства – свитость мужской своей истины и женской своей совести. Он принимает ее свою совесть, делает ее совесть своей, а она его истину своей. В Сопутстве задействуются два вида серафов. С мужской стороны – осуществляющий Путь сераф, излучающий лучи духовного сознания истинности (мужской сераф, сераф истины) и женский сераф, насыщенный свободным нравственным духовным сознанием (женский сераф, сераф совести). Между ними включается керув, который все более и более (керувический рост) сочленяет эти серафы в единую сторгическую целостность. Именно керувический рост практически осуществляет Сопутство.

Сопутство, сопутевая сторгия – триединство духовного восхождения «путевого мужчины», «сопутевой женщины» и керува (сторгического существа).

Сторгическое существо широко и непредсказуемо действует в человеческой жизни. В любого рода человеческой любви есть нечто от мистического начала сторгического существа, несущего секрет сторгии. Волю сторгического существа человек не знает и знать не может. Это основной секрет сторгии.

Мужчина и женщина в сторгии озарения принимают сторгическое существо в дар, и им надо суметь удержать его. Сторгия озарения обещает Сопутство, но не обеспечивает его. Доподлинно тройственная сторгия осуществляется в Сопутстве.

В серафической жизни главный и основной деятель мужчина; в сторгиодуховной жизни основная женщина. Женщина заведует включением сторгического существа в человеческую жизнь.

Сопутевая женщина не для любого путевого мужчины, а для своего путевого мужчины. Сопутство возможно адресно с одной женщиной.

Женщина рождает нового человека в мир. Сопутевая женщина вызывает своего керува в Сопутство, впускает его в него и затем организовывает Сопутство. Женщина – носитель сторгического существа. Она проносит сторгическое существо по человеческой жизни. Среди всех других забот хранения она обязана охранять Сопутство и хранить керува своего. В некотором, сейчас еще непонятном нам смысле, женщина есть строительница и хранительница бессмертной жизни своего мужчины.

Женский Путь восхождения это путь к Сопутству сторгиодуховной жизни и в этом смысле Путь восхождения сопутевой женщины. Сопутевое восхождение женщины есть процесс и стадии привлечения (зачатия) и задействия (рождения и развития) керува. Керув – и действующее лицо Сопутства, и его двигатель, и его результат.

2 (28)

Понятие Сопутства мы употребляем в двух смыслах. Сопутство как сторгиодуховная жизнь женщины и Сопутство путевого мужчины и сопутевой женщины. Второе есть продолжение и осуществление первой.

Стезя женского сопутевого восхождения мало что трудна (она не может быть иной), но и шатка. Сопутевая судьба не всегда посылает женщине кого надо тогда, когда надо. Да и когда посылает, то не одаривает, не балует, а предлагает для воли и веры женщины особенные душевные испытания, которые на грани ее возможностей. За все и за каждый подарок сопутевой судьбы ей надо платить самоотречением. Женщина, в зрелости достигающая Сопутства, рождается на свет с такими качествами души, которые исходно даются не часто, а осуществляются еще реже. Она должна быть и должна остаться способной хранить душевную чистоту и излучать тепло сторгической любви. Совесть, смирение, кротость, добролюбие, самоотречение – во всех этих явлениях и состояниях выражается откровенное свойство разомкнутости души самой по себе, ее изначальной готовности выйти из себя, лишиться самости, разорвать отделенность.

Мужчина в личной духовной жизни проходит Путь восхождения и участвует в Сопутстве. Женщина в сторгиодуховной жизни тклет картину Сопутства, хотя ей, вообще говоря, не заказан и серафический Путь восхождения.

Прохождение (восхождение) Сопутства имеет свои волны, свои отливы и приливы. В какой-то мере сопутевые волны накладываются на путевые или соответствуют им. Мы можем говорить о путевом и о сопутевом душевном рождении или о путевом и о сопутевом взводе духовной жизни. Это далеко не одно и то же, пусть даже и происходит в одном и том же человеке, в одно и то же время жизни и перемешивается так, что не всегда разберешь, где какое.

С путевой волной личностного рождения мужчина вступает в сторгическую пору жизни. Сторгическая пора женщины наступает с ее сопутевым душевным рождением. Женская сопутевая волна личностного рождения запускает процесс Сопутства, начинает осуществлять его

практически. Женское личностное рождение в Сопутстве не исключает личностное рождение на Пути. Но это разные события и в разных сторонах внутреннего мира.

И на Пути (у мужчины) и в Сопутстве (у женщины) первый подъем – подъем взвода, но у мужчины – взвода личнодоуховного сознания, а у женщины – сторгиодоуховного сознания.

Первую любовь переживают все. Но только душевнорожденные люди переживают любовь душевного рождения. Идеально чистая любовь душевного рождения девушки, как и юноши, запускает взвод духовной и сторгиодоуховной жизни. Юноша, вообще говоря, может взвестись для Пути и без любви душевного рождения. Девушка же взводится на сторгиодоуховную свитость, и взвод этот не может обойтись без любви. Любовь душевного рождения необходима девушке не только ради идеальных переживаний любви, как у юноши, но и для самого по себе сторгиодоуховного взвода. Той же цели сторгиодоуховного взвода служит и весь тот ряд девичьих любовий, которые она переживает, начиная с душевного рождения и до личностного рождения.

В периоде идеалов юноша обретает сознание отделенности души. Отделенность души он узнает в сознании призрака «Бога своего», в Идеалосознании. Свою отделенность и душевную особость он выражает отталкиванием от других душ, Общей души и всего того, что посягает на его душевное самостояние. Юноша при душевном рождении опровергает и бунтует, стремясь вырваться из-под имевшейся до того душевной опеки любого рода.

Девушка в эту пору переживает посягательства на свою душу иначе. Она не столько отталкивается, сколько отгораживается. Чем острее девушка чувствует свою душевную отделенность, тем больше она стыдится, стесняется, обижается, боится оголенности своей души. Сознание душевной отделенности выражается в ней стыдом; в стыде душа её чувствует свою отделенность, и им отгораживает сама себя.

На вершине первого подъема Сопутства, лет в 12, 13, 14, девушка пуглива душою, ей от всего неловко, она дрожит стыдом и готова на обиду. Она неприкасаемая. Она постоянно корит, обвиняя, защищаясь, жалуясь. «Как не совестно!». «Как не стыдно!». Слова эти имеют для нее такую силу потому, что ими она апеллирует к некоторому идеалу, к высшей точке, на которую можно встать, или опереться, или сослаться.

Девичье переживание идеала не похоже на юношеское, хотя, конечно, то, что свойственно ей, отчасти присуще ему, и наоборот. Юноша переживает идеал воплощения «Бога своего» и чувствителен ко всему тому, что не соответствует его представлению совершенства. Девушка переживает идеал совести, состояние тяготения души и чувствительна ко всему тому, что нарушает ее представление об идеальном тяготении. У него – идеальное чувство должного, у нее – идеальное чувство недолжного.

В душевно рожденной девушке светит свет идеала прилепленности. Где юноша чувствует поруганность, там девушка трепещет от разлепленности, от надорванности нитей тяготения. Чувство идеала девушки – не в себе, а на себя и от себя, и есть одновременно продукт и средство выражения душевной отграниченности. Все с ней происходящее она мерит сторгическим идеалом душевных взаимоотношений.

Предметному переживанию идеала или идеальных стремлений и представлений должна предшествовать жажда идеала, которую специально вызвать нельзя. Вызываются воспоминания этой жажды, если идеалы когда-нибудь населяли душу. По ним путевые мужчины помнят свою душу в юности. Женщина помнит свою юную душу не так. Обычно она вспоминает давние события, лица, страсти вокруг себя, себя в них и, главное, то, что лежало подо всеми душевными её движениями – свою девичью тоску. Девичья тоска – фундаментальный режим души сопутевой девушки, то состояние готовности, на которое встала её душа в преддверии сопутевой работы, для душевного рождения Сопутства. Тоска эта тихая и грустная.

Чувство девичьей тоски есть, с одной стороны, чувство одинокости, оставленности, неприкаянности, и с другой, – требовательное ожидание чего-то и возвешение о чем-то.

Душевно взведенной девушке знакома эта неопределенная жажда и нетерпеливое предвкушение, скоро превращающееся в желание любить и быть любимой. Девичья тоска, быть может, есть общее, исходное состояние виноватости, на фоне которого душа сопутевой женщины в юности заработала своей совестью.

На подъеме душевного рождения мужчина взводится для трудов свободного проявления сознания, на мучения истины и духовное восхождение на Пути. И женщина (не всякая, конечно, а сопутевая) взводится, но для трудов любовной духовности, на мучения совести, добра и сторгическое восхождение в Сопутстве.

В языческой среде женская кротость есть черта характера, одним милая и симпатичная, для других несимпатичная. Для нас же кротость важна как стиль женской одухотворенности, как облик личности и образ духовности.

Кротость – не слабость и не отсутствие каких-то свойств, а сила сознания духовного величия кого-то родственного и любимого, перед которым нельзя не умяляться душою. Взгляните на сторгиодуховно взводящуюся девушку, уловите её духовную робость, почувствуйте её всегдашнюю самопридавленность пред какой-то могущественной и строгой силой, которую она несет в себе и которая властно следит за ней. В истоках её душевной кротости лежит трепет благоговения невесты перед женихом. Кротость – выражение того чувства девушки, которым она готовится к будущему Сопутству. Чем выше на Пути восхождения мужчина, тем большей силой над ним обладает сила женской кротости.

Без кротости нет душевного рождения женщины, нет сторгического душевного рождения. Путевое (в личнодуховной жизни) душевное рождение не нуждается в кротости, оно у нее такое же, как у юноши, но, беря курс на редкое у женщины путевое личностное рождение, оно не открывает путь к ее сопутевому личностному рождению.

Подъем душевного рождения сопутевой женщины – школа кротости и сдерживания себя-любия, то есть смирения. Кротость и смирение есть то, в чем она духовно, в сопутевом смысле, уже женщина. Отсюда летит стрела ее сторгического восхождения.

Женское душевное рождение совершается в видах сопутевого сторгического существа, своего керува, готовит женскую высшую душу к принятию его. В кротости и смирении душевное рождение призывает и вызывает сторгическое существо на себя.

Юноша в периоде идеалов зрит высшую точку себя впереди себя и стремится подняться до нее. Девушка периода идеалов в самоумалении кротости видит высшую точку над собой, стремится стать сопричастной ей и желает быть достойной ее. Он слышит призыв и идет на голос, её – судят, она отдает себя на суд и идет по голосу.

Основной показатель состоявшегося взвода сторгиодуховной жизни сопутевой женщины есть потребность и способность её души вступать в полноценную связь с другой душою. Из первого взвода Сопутства девушка выходит с потенцией на духовную вовлеченность, степень которой определяет степень взведенности её души. Женское душевное рождение не акт, а процесс взвода сторгиодуховной жизни, который никогда не прекращается в ней, покуда она «жива» как сопутевая женщина.

На старте Сопутства девушка находится в некоторой степени взведенности, от гипотетически наибольшей до гипотетически наименьшей при бесчисленном количестве переходов. Какой уровень взведенности соответствует и какой не соответствует ее душевному рождению? Ответить трудно потому, что если пограничная черта взведенности и существует, то она – потенция, которая становится зримой тогда, когда женщина сторгически вовлекается в серафическую жизнь мужчины.

У каждой сопутевой женщины – свой путевой мужчина. Душевное рождение Сопутства, умозрительно говоря, прошла та женщина, уровень взвода души которой таков, что она удовлетворяется сторгической самореализацией с помощью личностно рожденного мужчины. Она, собственно, его ждет, его и ищет. Это трудно, ей очень трудно. Ей надо помочь.

Душа сопутевой женщины рождается в слезах, через стыд, боль душевную, сострадание, вину, обиду, муки совести и жалости. В эту пору она должна болеть душою, и чем больше боли будет в её душе, тем для сторгиодуховного взвода души её лучше.

Жизнь экзаменует сопутевую женщины. Весь сторгический рост женского Сопутства – в преодолении. Чтобы взвестись, сопутевой женщине нужно пройти через душевные инициации. Воспитывать сопутевую женщину надо не на ограждающих душу возвышенных представлениях (пусть так, но не в первую очередь), а на страданиях совести, жалости к ближнему и дальнему, боли за несправедливость, унижение, гадость, зло. Нужно как можно больше расширить девичью душу, не страшась разорвать её, как люди в древности не боялись повредить плоть проходящих надлежащие испытания юношей. Не надо ограждать душу девушки от всегдашних кошмаров действительности. Пусть в ранней юности она вместит столько, сколько вместить может. Будет больно? Конечно, жалко. Но тогда она, вся избитая, даже надорванная, она тогда взведется.

3 (29)

Душою не взведенной женщине незнаком труд одоления Самости. По условиям жизни, своему характеру или общедушевным требованиям женщина может быть и покорна, и послушна. Но покорна без самоотречения и послушна без смирения. Духовная работа, и в том числе сторгиодуховная работа, свободна. Только низшая ступень сторгического блага достается душе в неволе. На более высоких ступенях сторгический рост есть результат исключительно свободной работы души.

В 18, 19 лет девушка строптива в самом сознании себя живущей. Девушка, на которой в эти годы не лежит печать независимости и своенравия, – редчайшее исключение. И у сопутевой женщины подъем кротости, надо думать, сменяется отливом своенравия.

На подъеме кротости – виноватая, на отливе своенравия – правая и гордая. Вместо смирения – надменность. И претензия – там и в том, где только возможно.

Женщина не может не думать о будущем и завтрашнем, даже если ей кажется, что она живет настоящим. В каждой, даже самой своенравной девушке, мольба: обеспечьте жизнь, дайте судьбу. Главный соблазн этого времени – соблазн устройства своей судьбы. Силу свою этот соблазн черпает не столько из чувства страха перед будущим, сколько от нетерпения поскорее решить судьбу свою. Ужасом одиночества девушку пугают люди, но сама она, пугаясь или не пугаясь, дрожит от душевного нетерпения. Она голодна душою, сидит за столом с яствами и хочет есть. Но, в отличие от чистилища мужского Пути, желания в чистилище женского Сопутства удовлетворяться не должны.

На спаде первой волны Пути мужчину ждут топи, в которых он может завязнуть, ловушки, где можно застрять, заманки, из которых потом не выберешься. Но все эти препятствия и заслоны не загораживают его Путь. Они – не искушения, ему не нужно «побеждать» их, напротив, он должен в них побывать, даже зарыться, – чтобы выбраться и изжить. Тут проверяется его способность путевого восхождения, а не его выдержка.

Женщина на спаде первой волны Сопутства должна терпеть, выдерживать и выдержать. Здесь, на отливе своенравия, подвергается испытанию одна из главных черт натуры восходящей женщины – крепость её душевной воли, которой потом предстоит охранять Сопутство.

Повседневная практика жизни менее всего рассчитана на сопутевую женщину, которая в молодости сопротивляется собственной душевной устремленности на заманки счастья. Не потому, что ждет лучшего предложения судьбы, а потому, что в душе ее тихий путеустанавливающий голос шепчет: жди, не пора, не сейчас.

Блаженны нищие, но не те, которые не смогли стать богатыми. Блага та женщина, которая, не заманившись, прошла отлив своенравия, но не потому, что соблазны были недостаточно напористы, а потому, что сама не позволила себе, выдержала, зная: чтобы найти и войти

в свою дверь, надо иметь волю и смелость пройти мимо многих распахнутых дверей, сдержаться, не сдать себя душой и телом.

В дополнение ко всему, она должна обладать крепкой назначающей и исполняющей волей, достаточной для противодействия напору разноликих природных сил в себе и на себя. Эти силы не только в страстях, не только в похотях плоти, но и в соблазне устроительства, в страхе перед будущим. Та же природная сила пробивается там, где воспевается заоблачность влюбления, и вообще является девушке в таких обличьях, научить распознать которые практически невозможно. Она должна, не распознавая, вытерпеть – задача, прямо скажем, сверхчеловеческая.

Как мужчина до личностного рождения ясно не знает, что в его душе свое и что чужое, так и женщина до личностного рождения Сопутства не знает, где своя дверь, а где не своя. Выдержать экзамен на выдержку, вытерпеть душой, выждать, дожидаться сопутевого личностного рождения, – вот ее задача. Не выдержавшая этот душевный экзамен женщина либо тыкается в разные двери, безответственно входит и выходит из них, либо выбирает себе – себе, а не свою – какую-то дверь, входит и пытается устроиться получше там, куда вошла. И то и другое лишает её блага Сопутства. Душа сопутевой женщины должна уметь терпеть саму себя – действие душевной воли, неизвестное мужчине вплоть до четвертой стадии Пути восхождения.

Если мужская душа в чистилище проходит ходовые испытания на выносливость в Пути, то женская душа в соответствующем периоде жизни выдерживает экзамен на терпение. Мужчина призван везти воз Пути, женщина – крепить Сопутство. И потому необходимая для духовного роста выносливость мужской души соответствует необходимой для сторгического роста выдержке, терпению души женщины. Выносливость жизнепрохождения – вообще качество мужской души, мужского характера, мужского тела. Терпение – специфически женское качество, качество женской души, женского характера и женского тела. Не вынести трудов, бед, опасностей, тягот, похвал, различных соблазнов для мужчины то же, что для женщины не вытерпеть: не дожидаться, поддаться давлению плоти, взорваться, устать от несения женских обязанностей, уступить соблазну и прочее. Люди, собственно, так всегда и понимали дело, требуя, при всем сходстве качеств выносливости и терпения, первого преимущественно от мужчины и второго преимущественно от женщины.

Отлив своенравия не должен затянуться; это опасно: без активной сторгической работы что-то атрофируется в женской душе. Отлив своенравия продолжается до тех пор, пока женская душа, устав или удовлетворившись, не отдаст себя.

Женское личностное рождение не от ее серафа совести, а от ее керува. Женщина выводит керува в человеческую навигацию, как только позволит женская судьба.

Подъем женского Сопутства возбуждает керува и готовит его к новой сторгической связанности.

Душевное рождение женского Пути подготавливает сторгическое существо к навигации. Личностное рождение – полная готовность сторгического существа занять свое место в тройственной сторгии.

Женское личностное рождение – в сторгиодуховной, а не личнодуховной жизни, в режиме любви, а не разума. При личностном рождении мужчина в глубине души знает «свою истину» и уже как-то может руководствоваться ею, женщина же при личностном рождении в глубине души узнает верное направление своего личностного сторгического тяготения («свою любовь») и стремится осуществить ее.

Сторгия озарения чудесна еще и тем, что она может возникнуть и до сопутевого личностного рождения женщины и до путевого личностного рождения мужчины. В сторгии озарения не женщина выводит керува в навигацию, а он сам выбирает, в кого выходить, и сам выходит в человека, сам переводит влюбленность в сторгию и сам реализует себя.

Как для путевого личностного рождения мужчины, так и для сопутевого личностного рождения женщины необходимо знание или узнание себя подлинной. Свою любовь и свою подлинность, – то есть готовность к Сопутству, – женщина обретает только вместе со сторгическим существом. К мужчине в путевом личностном рождении приходит сераф. Женщина в сопутевом личностном рождении являет сторгическое существо и, в этом смысле, обретает его.

Сторгическое существо становится действующим началом человеческой жизни тогда, когда производит в верхнем человеке то, что производит серафическое лицо при путевом личностном рождении, то есть образует серафическую личность Структуры. Сторгическое существо осуществляет верхнего человека в Структуре, устанавливает сторгическую личность женщины. Женщина же включает сторгическое существо в человеческую жизнь, предоставляя ему возможность осуществления. В результате личностного рождения сторгическое существо и сопутевая женщина устроены друг на друга, на взаимное притяжение и взаимное осуществление.

После личностного рождения женщина готова к Сопутству. Для этого еще нужно, чтобы она нашла личностно рожденного «своего мужчину» и с ним осуществила сторгию.

Сторгический образ своего мужчины должен у женщины выковываться с юности, с сопутевого душевного рождения, когда сторгическое существо только-только наклюнулось в ее жизнь. Зачин создания образа своего мужчины для сторгии есть один из верных показателей сопутевого душевного рождения женщины.

При сопутевом личностном рождении женщина готова на сторгию и теперь, делая сторгический выбор свободной волей, подтверждает достоинство и правильность созданного ею сторгического образа мужчины.

И у мужчины и у женщины зрячесть сторгической любви возникает после личностного рождения.

И у мужчины и у женщины любовь личностного рождения есть попытка осуществить Сопутство. У мужчины эта любовь находит место на одном из пиков чистоты кривой восхождения. Сопутевой кривой восхождения нет, нет и определенных возрастных пиков чистоты женщины. Любовь личностного рождения и образование Сопутства может быть отложена у женщины. Но не на десятилетия. Дело не только в том, что за десятилетия трудно не растратить энергию сопутевого личностного рождения. Для вхождения в Сопутство любовь женского личностного рождения должна связать ее с личностно рожденным, но, лучше всего, еще не вошедшим в третью стадию Пути мужчиной. Это отчасти ограничивает возраст женской сопутевой реализации.

У личностно рожденных и осуществляющих Сопутство женщин меняется отношение к мужчине. Из основного условия исполнения мечты будущего счастья (а следовательно, объекта игры, борьбы, заботы, прельщения, влюбленности) он становится кем-то, кого она понесла в себе, кто с ней не ради нее.

До сопутевого личностного рождения в женщине нет серьезности по отношению к горению мужского разума. Она присутствует (пусть даже цenia и восторгаясь) при нем, но не сопутствует ему. Бывает и так, что женщина желает руководства разума одного мужчины, но предпочитает другого. Такой раздвоенности у личностно рожденной в Сопутстве быть не может. Она любит того, от кого зачала духом истины. Её любовь к нему не только пристрастие души, но и род духовного благосостояния, в котором она, как сказал бы Толстой, находится в «нормальном состоянии духовного существа». До него она была – она точно знает! – в ложном состоянии души, теперь, через него, она нашла свое верное духоположение, да так, что любой намек на возможность утраты его доставляет ей духовное страдание. Причина серьезного и глубокого отношения к оплодотворившему её разумом мужчине в том, что он для неё – свой источник света, по отношению к которому она сознает духовную ответственность по чувству любви, возведенному на ступень духовного благодарения.

Всякая женщина с годами обретает опыт, «знание жизни», с позиции которого она снисходительно оглядывает свое прошлое. Личностно рожденная в Сопутстве женщина отвергает себя бывшую не потому, что тогда не знала жизнь, а потому, что сама была другой. Такая женщина воспринимает свое душевное состояние до сопутственного личностного рождения как темное, не высвеченное. Если такое сознание воскрешения, прозрения, спасения своей души устойчиво, и ужас воспоминания себя прежней не ослабевает, а все усиливается, то это верный признак успешного сопутственного личностного рождения. Для мужчины личностное рождение есть смена чужого на свое, нахождение себя среди чужого. Для женщины личностное рождение Сопутства в полном смысле «рождение», вхождение в новый, иной мир, различающийся от прежнего, отвергнутого, как свет от тьмы, от отсутствия света. Она входит в дверь, перед которой слепота, глупость, самопоругание и самообольщение, зло, не-жизнь. Оказывается, что только за входом начинается жизнь, добро, зрячесть, разум.

Партнером в сторгии может быть и мужчина самых высоких и не самых высоких достоинств. Даже самые высокие качества мужской души могут и не удовлетворить потенциально сопутственную женщину. Но, по Замыслу, важно участие в сторгии путевое мужчины, и такого, какому необходимо Сопутство.

4 (30)

В отличие от личнодуховного блага, сторгиодуховное благо зависит не от одного себя. Сторгический рост одного предполагает вращение в другую душу, которая должна вместить в себя и, мало того, дать вошедшей в нее душе простор и питание для её собственной работы.

В отличие от мужчины в личнодуховной жизни, у женщины в сторгиодуховной жизни не может быть одиночного восхождения. Одиночный путь женщины завершается сопутственным личностным рождением. На этапе «своей жизни» и далее ее сопутственное восхождение зависимо от мужчины и его Пути. Вынужденность высоких ступеней женской сторгиодуховной жизни еще и в том, что Сопутство подключено к Пути, а не Путь к Сопутству. Чем путеноснее мужчина, тем ярче сопутственная судьба женщины, тем тяжелее её труд в Сопутстве.

Женщина зависит не только от своей сторгической судьбы (которую в основном предлагает ей мужчина), но и от свободной воли ее сопутственного сторгического существа, которое может не пожелать быть в предложенной сторгии, ограничивать или тормозить, рулить по-своему. У самобытийственного сторгического существа свои задачи, конкретно о которых мы знать не можем.

Сопутевой женщине необходим, она ищет и так часто не находит своего путевого мужчину. А ему надобна сопутственная женщина. Нужно особое благословение, чтобы открыть вход в Сопутство. Сопутство само по себе – высочайшее благо, даваемое свыше. Войти в Сопутство трудно, но и не так легко, войдя, сохранить его в жизни. Первое – Божья милость, второе – дело двух свитых вместе человеческих душ.

Сторгическое существо дается женщине единожды и на одно использование. Женщина либо уже заложила свое сторгическое существо, либо еще не заложила, осуществила его или нет. Если она один раз неудачно отдала сторгическое существо мужчине, то потом, с другими мужчинами, она, как правило, живет без сторгического существа, словно личностно нерожденная. Пусть с годами он стал для нее родным, но – не сторгическим ближним.

В Первой Критической точке мужчина сдает своего рода экзамен на путевую зрелость. В восхождении женщины нет сопутственных Критических точек. Но и она сдает сопутственной экзамен – экзамен на веру, на душевную преданность и стойкость в Сопутстве. Сопутство добывает в основном женщина: для этого душа ее и проходит сопутственное испытание на веру. Ей надо либо пройти его, либо отказаться от Сопутства.

В сторгиодуховной жизни есть свое религиозное чувство, сторгиорелигиозное чувство: своя вера и свой идеал. Сопутевой идеал – указатель направления сторгического роста. Вера – двигатель,двигающее начало сторгиодуховного религиозного чувства.

Идеал (как, отчасти, и разум-мудрость) – предугадывающее обобщение в видении, особого рода душевное знание, определяющее направленность души, вектор ее устремленности. Вера же – та мощь, которая руководит действием душевных воль и придает душе сознание ее могущества. Вера сторгиодуховной жизни, как и общедуховная Вера, переживается как нечто абсолютно могущественное, способное одолеть все.

Чем мощнее взвелась душа сопутевой женщины и чем тверже она выдержала испытание душевной воли на отливе своенравия, тем легче для неё сопутевое испытание веры, которое предлагается ей после входа в Сопутство.

Люди чаще всего не выдерживают испытания жизни именно в тот пиковый момент, когда их выдержка и терпение должны принести плоды. Происходит это оттого, что в душе нет твердого решения (акта веры) вытерпеть во что бы то ни стало, чтобы ни происходило, любой ценой. Дело не в слабости воли выдержать, а в том, что на пике испытаний кажется, что дальше терпеть бесперспективно. Сознание бесперспективности – вершина испытания веры. Только дотерпевшая до конца вводится – и вводится сторгическим существом! – в собственно сопутевую фазу женской жизни.

Сопутевое личностное рождение женщины взводит сторгиорелигиозное чувство ее души, устанавливает веру. Эта вера торжествует победу самоотречением. Самоотречение – апофеоз сторгиодуховной веры, вера совершенная, начало которой положено в сопутевом личностном рождении.

Вера, смирение и самоотречение завязаны в сопутевой женской душе. Как можно сказать, что самоотречение в любви от веры, так можно сказать, что вера в смирении из-за самоотречения, или смирение – от веры и самоотречения.

Поправим ли срыв веры? Как в женской, так и в мужской душе есть сила самовоскрешения, которой часто выправляются многие огрехи на Пути и в Сопутстве. Сила эта – покаяние. Покаяние столь же присуще религиозному чувству, как вера и идеал. Покаяние, вера, идеал – три стороны религиозного чувства и в личной духовной жизни и в сторгиодуховной жизни. Покаянием сторгическое существо столь же открыто проявляет себя, что и в вере и идеале.

Вера удерживает и двигает высшую душу. Покаяние удерживает и восстанавливает ее. Воля к покаянию не только очищает, возвышает и восстанавливает душу, но и сторгически связывает ее с той душой, на которую она обращена. Во многом покаянии много смирения, много веры, много самоотречения, а значит, много и сопутевой благодати.

Нет любви без отдачи, но одни любят того, кому жертвуют свое, перед кем геройствуют в жертве; другие любят того, перед кем смиряются, для кого отрешаются от себя. Любовь первого рода полна женской самости, в ней женщина мнит себя высшей, главной; в любви второго рода женщина не принадлежит себе и в сторгической связи сознает себя руководимой. Только ставшая сопутевой женщина проходит испытание верой, выдерживает экзамен на преодоление любовной гордости, душевной самости и корысти в сторгической связи.

Ускорение сторгического роста производится любовью сопутевой женщины, склонной не столько к самопожертвованию по страсти, сколько к самоотречению по вере. Самоотречение ее не ради мужчины. Без самоотречения женщина не сможет хранить и растить их сопутевое сторгическое существо. Самоотречение женщины в Сопутстве – признак ее сопутевой полноценности.

Отношение сопутевой женщины к своему путевому мужчине всегда религиозно. По этому правящему сторгической волей женщины сторгиорелигиозному чувству она получает мировоззрение, находит себя, свое и своего, обретает сторгическое благо и осуществляет Сопутство.

Сопутевая женщина вверяет себя, она не рассчитывает, не выгадывает, не пытается изменить судьбу или хотя бы течение жизни. По вере-верности и вере-доверию она идет туда, куда

зовут. Чем сильнее такая вера, тем более выживаемо Сопутство, тем больше простора для дальнейшего сторгического роста и тем больше возможность сопутевого блага.

«Своя истина» личной духовной жизни мужчины приходит в душу в смутном и не проявленном разумом виде, как догадка об истине, о своем мистическом назначении, в осмыслении требований которого легко ошибиться. То, что укореняет в разуме еще не познанную им истину, есть вера мужской личной духовной жизни – вера в то, что становится, выдвигается в его высшую душу. Если я знаю, что жизнь моя имеет непонятный мне смысл, и если я знаю, что есть Тот, для Кого моя жизнь имеет глубокий смысл, то знаю я это не по самознанию, а по вере. Первое обычно обретается разумом, второе – религиозным чувством. Могут пройти многие годы, прежде чем я разумом обработаю то, что некогда принял в свою душу «по голосу», религиозным чувством личной духовной жизни. Разум стремится либо подтвердить добытое религиозным чувством, либо ликвидировать плоды его трудов. Поединок разума и веры неизбежен в личной духовной жизни мужчины, наполняет ее, и сам по себе важен для его духовного роста. Работой разума рушатся суеверия, падают авторитеты, рассеиваются иллюзии; в работе религиозного чувства они возникают вновь, но уже другие и на другом, более высоком уровне духовности, от другой полноты сознания жизни.

Работа разума в душе женщины ослаблена, и потому она вверяет себя по разуму, что возможно только в акте сторгиорелигиозного чувства, по вере. Найдя своего носителя разума, женщина верой внедряет его разум в себя и тем устанавливает гармонию веры и разума в своей высшей душе. В отличие от путевого мужчины, у сопутевой женщины нет противоборства веры и разума. Душа женщины растет иначе, прежде всего сторгическим ростом, для которого надобно не столько знание истины, обретаемое разумом-мудростью, сколько знание блага, основанное на потребности женской души и являющейся предметом ее веры. Личностно взведенная сопутевая женщина знает «свое благо» и верит в него, как мужчина знает и верит в «свою истину». Именно это сторгическое благо, которого действительно жаждет душа сопутевой женщины, и проходит испытание на крепость веры.

Вера сторгиодуховной жизни женщины производит не меньшую работу, чем общедуховная Вера, и большую, чем вера в личнодуховной жизни мужчины. Стойкость одной стороны сторгиорелигиозного чувства женщины, стойкость её идеалов, испытывается крепостью другой стороны её религиозного чувства, крепостью веры. Душа сопутевой женщины прежде всего душа верующая. Она – верит, верная и вверяет себя.

Для мужчины трагедия жизни – ее бессмысленность и крах идеалов. Женщина же, сознавая трагизм жизни, душевно переживает не разумом, а сторгиорелигиозным чувством. У нее крах веры, муки ее жизни – муки веры, она обманута в своей вере, в своей приверженности, в своей любви, надеждах, верности. Мужская разочарованность в жизни: все суета сует, все не имеет смысла; женская – все преходяще, непрочно, не во что верить.

Не только сопутевая женская душа желает верить и мучается верой. От потребности верить происходит часто губительная женская доверчивость, преодолевающая ее врожденную осторожность. Если женщина никому и ни во что не верит, то падать дальше ей некуда.

Подъемы женского Сопутства крепки верой. Вера в составе подъемной сторгиодуховной силы взводит душу женщины на Сопутство. Вера же, будучи основой ее сторгической воли, подымает ее на ту ступень Сопутства, где она должна без остатка вверить себя. Какова бы ни была стыкующая сила предсторгической любовной страсти, но если затем образованная душевная связь держится на чем угодно, только не на сторгиорелигиозном чувстве, не на вере, то такая связь не крепка, длительно существовать не может, рушится или вырождается.

* * *

В Сопутстве действует сторгическая триада двух серафов и керува.

Сераф и керув не могут допустить срыва Сопутства – это их собственная жизненная катастрофа. Сторгическая катастрофа в состоявшемся Сопутстве невозможна. Если она реально намечается, то под такой угрозой один из супругов снимается с дистанции жизни.

Сопутство не может возникнуть ранее периода своей жизни у мужчины. Собственно женский путь восхождения ведет к моменту готовности женщины к любви личностного рождения мужчины. Быть в Сопутстве перед Первой Критической точкой крупная удача, резко повышающая шансы на выход в третью стадию Пути мужчины. Даже нахождение в сторгической связи в эту пору большая подмога. В основном, Сопутство образуется на третьей стадии мужского Пути и здесь оно необходимо.

Прохождение Второй Критической точки не зависит от человеческих дел и чувств. Если прохождение Второй Критической точки предпрешено свыше, то в Сопутстве вероятность выхода путевого мужчины на столбовой путь возрастает. Сопутство для выхода на столбовой путь не категорическое условие, а предпочтение при прохождении Второй Критической точки.

Мужской путь – Путь восхождения серафа истины в человеке. Основной деятель в преамбуле восхождения женского пути, до сопутевого личностного рождения женщины, – ее сераф. До Сопутства керув не заглавная фигура в сторгическом восхождении. Он осуществляет сторгию и ждет, когда сможет собственной персоной войти в жизнь сторгически свитых людей.

С образованием Сопутства керув принимает руководство над сторгическим восхождением. Раньше керув образовывал и упрочил сторгию, теперь начинает собственное (керувическое) восхождение. Сторгическое (керувическое) восхождение – восхождение керува и человека вместе с керувом. Сопутство – стадия правления керува в сторгической свитости.

Ценность Сопутства не только в помощи прохождению мужского Пути восхождения и не только в энергетическом восполнении его затрат, а в самом по себе Сопутстве. Сопутство придает керуву особое метафизическое достоинство в том постчеловеческом мире, в котором он живет. Керув, раз участвовавший в Сопутстве, стал иным. Сопутство – акт мистического оживления керува новой полнотой жизни.

На свободном пути керув, восходящий в Сопутстве, преобразует «свою тему» мужского серафа, создавая и тему сопутевой жизни мужчины и женщины и тему серафов и керува в их метафизическом мире. Своя тема в Сопутстве – и серафическое и керувическое обретение.

Каково участие керува в своей жертве на выходе на столбовой путь и на самом столбовом пути? Как понять сторгиоуховное восхождение мужчины и женщины в целом, вплоть до верхних ступеней его? Зачем Богу и человеку сторгия и Сопутство? Для чего предназначена та мистическая работа, которая совершается в Сопутстве?

Для уяснения этих и многих других с ними связанных вопросов восхождения серафов и керува нам не хватает многих представлений, вводимых на обширном пространстве второго и третьего тома «Становления и преображения человека».

Послесловие

Изданная в 2013 году в Москве книга «Становление и преображение человека», содержание которой приводится ниже, разворачивается примерно так, как несколько десятилетий разворачивалась моя мысль в процессе ее написания. И, видимо, благодаря этому, оказалась крайне трудной для целостного восприятия. Тем более, что три тома ее занимают огромный объем, около 100 печатных листов.

Все это побудило меня создать на основании «Становления и преображения человека» (мы иногда называем ее большой книгой) серию малых книг, иначе построенных и резко сжатых не только за счет текстовых сокращений, но и сокращения идей и учений. Каждую из малых книг (первая из них перед вами) можно читать отдельно, но все они далеко не охватывают содержание большой книги.

Ради удобства восприятия малые книги представляют большую книгу в крайне урезанном виде. Они – своего рода визитные карточки большой книги. Текст их неизбежно породит вопросы и вопросы, ответы на многие из которых можно найти в большой книге.

Книга «Становление и преображение человека» предназначена для особо заинтересованных читателей, тех, кто пожелает основательно ознакомиться с мыслями и положениями, которые в сжатом и обрезанном виде даны в малых книгах. Эту и другие книги автора можно найти на сайте www.imardov.ru.